

**Механизмы смены
эпистемических состояний:
философско-психологическое исследование**

Монография

А.В. Голубинская, В.А. Демарева

Москва
Русское общество истории и философии науки
2021

УДК 13:159.9
ББК 87.2:88
Г52

Рецензенты:

*Петрова Ирина Эдуардовна – доктор социологических наук,
профессор каф. философии, социологии и психологии управления
Нижегородского института управления - филиала РАНХиГС;
Бахчина Анастасия Владимировна – кандидат психологических наук,
научный сотрудник Лаборатории психофизиологии им. В.Б. Швыркова,
Институт психологии РАН.*

Г52 Голубинская А.В., Демарева В.А. Механизмы смены эпистемических состояний: философско-психологическое исследование: монография. – Москва: Изд-во «Русское общество истории и философии науки», 2021. – 120 с. Режим доступа: [http://rshps.ru/books/psychophysiological-markers\(2021\).pdf](http://rshps.ru/books/psychophysiological-markers(2021).pdf)

ISBN 978-5-6047228-4-8

В монографии представлены результаты фундаментального исследования механизмов смены эпистемических состояний (знания, убеждения, предположения, информированного незнания и пр.), то есть психических состояний, возникающих в процессе взаимодействия человека с новой информацией, и связанных с процедурами определения истинности или ложности утверждений.

Исследование выполнено при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых - кандидатов наук, номер проекта МК-6208.2021.2, «Психофизиологические маркеры смены эпистемических состояний (на примере процесса онлайн-обучения)».

ISBN 978-5-6047228-4-8

УДК 13: 159.9
ББК 87.2:88

© Русское общество истории и философии науки, 2021.
© Голубинская А.В., Демарева В.А., 2021.

Оглавление

Введение.....	4
1. Понятие и виды эпистемических состояний	
1.1 Эпистемическое состояние как философско-психологическая категория	10
1.2 Состояния убеждения как эпистемические состояния.....	29
1.3 Состояния незнания как эпистемические состояния.....	53
2. Факторы смены эпистемических состояний	
2.1 Проблема обоснования эпистемического состояния	65
2.2 Социально-психологические особенности внутренних факторов смены эпистемических состояний.....	66
2.3 Социально-психологические особенности внешних факторов смены эпистемических состояний.....	74
3. Механизмы смены эпистемических состояний	
3.1. Роль сомнения в процессе смены эпистемических состояний.....	83
3.2. Эпистемическая бдительность как механизм первичной обработки тегов	92
3.3. Обобщённая концепция эпистемических тегов	96
Заключение	100
Список литературы	102
Авторы.....	118

Введение

На протяжении столетий проблема формирования убеждений человека и проблема знания оставалась в границах отраслей, исторически ставшими «монополистами» данной области, – эпистемологии и философии науки. Для них понятие знания традиционно имело нормативный характер: оно должно быть проверяемо, должно быть воспроизводимо, должно быть внутренне непротиворечиво. Речь идёт о том, что научные истины принимаются в качестве таковых по результатам известной проверки на соответствие с выдвигаемыми к истине требованиями. Однако, само понятие знания многолико, и помимо тех частиц, из которых собрана научная картина мира, вопрос о сущности знания дополняется уточнениями о вненаучных, ненаучных и просто жизненных знаниях, мифах, которые не вытесняются научным методом¹. Они могут не представлять первичного интереса для исследования научного познания, но в то же время остаются одной из величайших загадок наук: способность к познанию невозможно исключить из фундаментальных задач исследований человека. В связи с этим как психологические, биологические, так и общественные науки обращаются к новой стороне познания – его обыденной стороне.

Область исследований естественных познавательных процессов человека можно соотносить с психологией, нейробиологией, философией, социологией, и каждое из таких соотнесений способно привнести что-то новое. Появившееся не так давно понятие «фолк-эпистемология», вероятно, является обобщающим понятием для всех подобных исследований. Как следует из названия, фолк-эпистемология отталкивается от теории познания. Общее у них действительно есть, и, скорее всего, им является объектный фокус изначального интереса: высказывания вроде «*p* истинно», «*p* вероятно», «*p* ложно» являются результатом именно эпистемологических процедур. Однако, с этого же пункта начинаются и различия. К. Хайнц и Д. Тараборелли, теоретики фолк-эпистемологии, предлагают различать эпистемологию и фолк-эпистемологию следующим образом: вторая фокусируется на эпистемических оценках, которые мы фактически совершаем и производим, независимо от норм и правил, это «естественная

---

¹ Касагин И.Т. Наука и иные типы знания: позиция эпистемолога // Epistemology & Philosophy of Science. 2005. Т. 4. №2. С. 5-16.

эпистемология», не регулируемая императивами экспертов². Указывать на такой подход должна частица «фолк». Это не первое «фолк»-направление в массиве современных социальных исследований. Отечественная наука уже знакома с фолк-историей и фолк-психологией, изучающими то, как в обыденном сознании отражаются (и искажаются) результаты научного развития в соответствующих отраслях, и то, как неэкспертный социальный субъект понимает предметы этих отраслей. Наиболее известный пример – это фолк-психология, то есть обыденная, житейская психология, наивная теория организма, психологических состояний и механизмов, объясняющих человеку своё поведение и поведение других³.

Используя его в качестве аналогии, можно представить фолк-эпистемологию как фонд житейских представлений об истинности и обоснованности высказываний об окружающих явлениях и процессах.

М. Геркен, одна из ведущих фигур в фолк-эпистемологии, описывает данную область как систему, состоящую из негласных принципов и предпосылок, которые лежат в основе нашего познания и направляют наши повседневные познавательные практики⁴. Его монография, посвящённая народной эпистемологии, позволяет выделить круг вопросов, с которыми предстоит сражаться теоретикам предлагаемой области:

1. Как происходит дотеоретическое описание и понимание действительности?
2. Как субъекты в обыденной жизни производят эпистемическую оценку друг друга?
3. Как субъекты приписывают знания себе и другим?

Фолк-знания не требуют особых процедур верификации, и тем не менее именно они лежат в основе того, как формируется мировоззрение человека. Выходит, знание как известная философская категория подменяется житейской интерпретацией этого знания, его наивным и интуитивным отражением⁵, и это склоняет к согласию с замечанием Э. Голдмана о том, что фолк-эпистемология – это не теория⁶. Действительно, проблема отражения знания в сознании индивида не имеет собственной гипотезы или

---

² Heintz C., Taraborelli D. Folk Epistemology. The Cognitive Bases of Epistemic Evaluation // Review of Philosophy and Psychology. 2010. Vol. 1. №4. P. 477-482.

³ *Kitchener R. F.* Personal epistemology and philosophical epistemology: The view of a philosopher // Links between beliefs and cognitive flexibility. Dordrecht: Springer, 2011. P. 79-103.

⁴ *Gerken M.* On folk epistemology: How we think and talk about knowledge. Oxford: Oxford University Press, 2017. 352 p.

⁵ *Kitchener R.* Folk epistemology: An introduction // New Ideas in Psychology. 2002. Vol. 20. P. 89-105.

⁶ *Goldman A.* In Defense of the Simulation Theory // Mind and Language. 1992. Vol. 7. P. 104-119.

каких-либо теоретических допущений, основную часть её содержания на сегодняшний день составляют результаты регистрации релевантных фактов. Однако, именно в этом обнаруживается актуальность подобных исследований.

С одной стороны, как отмечает философ Д. Иннерарити, специализация и фрагментация знаний привели к появлению огромного количества информации, которая сопровождается очень незначительным расширением нашего понимания мира. Это тип тупика, который проистекает из самого накопления информации, потому что новая информация не делает различия между тем, что имеет смысл, а что нет, и познание оборачивается бесконечным накоплением данных⁷. Возникает потребность в концептуальном объединении этих данных, что является необходимым этапом перехода от регистрации психических состояний к объяснению их природы.

С другой стороны, как убеждены К. Хайнц и Д. Тараборелли, фолк-эпистемологию вообще можно не выводить из предметного поля психологической науки, поскольку она в любом случае связана с изучением «психических состояний об эпистемических фактах» (например, факт истинности)⁸, то есть любая социальная коммуникация, направленная на убеждение других, доверие другим, сомнение в других, может быть сведена к пониманию психических состояний других субъектов. Однако, в основу теорий фолк-эпистемологии положены идеи не только о когнитивных механизмах познавательных актов, но и социальных, культурных аспектах формирования убеждений: «мы занимаемся психологизацией эпистемологии, мы не философы, но стремясь понять, что такое убеждение человека, что такое обоснование, то нам необходимо определить измерения, которые вписываются в общепринятое определение эпистемологии»⁹.

Позиция, представленная в настоящей работе, является компромиссом двух приведённых взглядов на проблему изучения естественно совершаемых эпистемических процедур. Приведённые далее рассуждения и заключения представляют большой интерес для когнитивно-

---

⁷ Innerarity D. *Democracy of Knowledge*. NY: Bloomsbury Publishing, 2013. 224 p.

⁸ Heintz C., Taraborelli D. Folk Epistemology. *The Cognitive Bases of Epistemic Evaluation // Review of Philosophy and Psychology*. 2010. Vol. 1. №4. P. 477-482.

⁹ Hofer B.K. Personal epistemology research: Implications for learning and teaching // *Educational Psychology Review*. 2001. Vol. 13. №4. P. 353-383.

психологических исследований, хотя опираются на обширное наследие философских исследований познания. Это следует из терминологического аппарата, используемого в работе (например, описание убеждения как состояния), а также из актуальности и практической значимости результатов исследования. Относительно последних отметим следующее. Недавние события, связанные с решениями в области всеобщей вакцинации против коронавируса, стали показательными для многих стран, в том числе и для России: мы увидели, что доверие к научному знанию находится в кризисе, и мы не способны объяснить то, как именно современный человек принимает те или иные утверждения за истину. Предположения о том, что убеждения людей формируются на основе доверия к экспертам, то есть к учёным, к учителям, утрачивают достоверность, но назвать эти примеры простыми проявлениями безграмотности, необученности, выглядят наивными.

Целью настоящего исследования является поиск концептуального решения, способного объединить измерения, которые вписываются в общепринятое определение эпистемологии, с накопленными в когнитивной науке данными, описывающими и объясняющими состояния убеждения и механизмы их смены.

Структура монографии отражает последовательность решения задач, необходимых для достижения цели.

Первая задача – уточнить объём понятия «эпистемическое состояние» и описать спектр явлений, попадающих под это толкование. Первая глава «Понятие и виды эпистемических состояний» содержит попытку объединить философское и психологическое толкование таких состояний, что позволяет в результате представить классификацию всех возможных эпистемических состояний.

Вторая задача – определить факторы смены эпистемических состояний. Посвящённая решению этой задачи вторая глава начинается с анализа проблемы обоснования убеждения и существующих в философии способов её решения. Решения, оказавшиеся наиболее релевантными для когнитивных наук, представлены в виде четырёх групп искомых факторов: доксистический, эмоциональный, лингвистический и социальный.

Третья задача – соотнести полученные результаты с данными когнитивных наук таким образом, чтобы получить представление о механизмах смены эпистемических состояний. За основу были взяты две когнитивно-психологические теории, имеющие философский базис: теория

ложных тегов нейробиолога Э. Аспа и теория эпистемической бдительности психолога и философа Д. Спербера. Сопоставление этих двух теорий с изложенным в предшествующих главах материалом позволило выработать систему утверждений, или обобщённую концепцию эпистемических тегов. Предполагается, что данная обобщённая концепция может выступать в виде решения, обозначенного в цели исследования.

1. Понятие и виды эпистемических состояний

1.1 Эпистемическое состояние как философско-психологическая категория

Знание всегда было и остаётся одной из самых сложных и многогранных категорией наук. К его проблематике обращались как античные философы, так и современные учёные, как специалисты в гуманитарных науках, так и в технических (к примеру, в контексте развития технологий искусственного интеллекта). Мы говорим о знании, когда задаёмся вопросами о движущих науку силах, и когда решаем, каким образом наиболее эффективно организовать усвоение школьной программы для первоклассника. Имеющееся многообразие подходов, помимо свидетельствования о насущной важности научной проблемы, говорит ещё и о том, что, начиная какое-либо исследование, связанное со знанием, необходимо прежде всего обозначить, с каких позиций предполагается это исследование проводить.

На знание можно посмотреть по-разному: как на отношение между высказыванием и реальным положением дел, если исследование носит логический характер, или как на структурный элемент компетенции, если исследование имеет педагогический характер. Все эти подходы могут пересекаться и быть полезными друг другу, и тем не менее они имеют разные исходные принципы и разный категориальный аппарат. Точка зрения, представленная в настоящей работе, носит психологический характер и предполагает анализ знания как эпистемического состояния. Интуитивно этот термин обозначает психическое состояние человека, соответствующее знанию или его полному и частичному отсутствию. Однако, попробуем более внимательно рассмотреть данную категорию.

Понятие «эпистемическое состояние» приходит из работ в области философской логики и окончательно образуется на стыке эпистемологии и научной психологии.

В языке логических исследований эпистемические состояния выражаются через термин «пропозициональная установка». У Б. Рассела, автора данного термина, пропозициональные установки – это глаголы, описывающие психологическое отношение субъекта к определенному объекту или суждению, например, «верить», «желать», «сомневаться»¹⁰. Убеждение трактуется как одно из множества состояний, в котором может находиться субъект, и каждое такое состояние определяется совокупностью

---

¹⁰ *Russell B. An Inquiry into Meaning and Truth. Crows Nest: George Allen & Unwin, 1941. 352 p.*

каузальных свойств. Это означает, что смена состояний не является случайной, но подробных комментариев по этому аспекту проблемы Рассел не оставляет.

Тема пропозициональных установок получает развитие у У. Куайна. Он расширяет перечень состояний, которые могут быть отнесены к пропозициональным установкам примерами эпистемического (знать, предполагать, отрицать, быть уверенным¹¹) и неэпистемического характера (бояться, намереваться, стремиться и др.). При этом можно проследить, что особая значимость придаётся именно первым: «из всех примеров пропозициональных установок первым и главным является убеждение»¹². Главное различие этих двух классов пропозициональных установок заключается в том, какой тип отношений они описывают. Эпистемические связывают субъекта не с объектом, а с суждением об объекте, и, вероятно, именно поэтому представляют особый интерес в исследованиях, лежащих за пределами логики и фокусирующихся на механизмах познавательной деятельности человека.

Именно У. Куайн предложил термин «натурализованная эпистемология»¹³, чтобы описать семейство концепций, объединяющих задачи эпистемологии и методы естественных наук. В этом контексте становится оправданным переход от понятия эпистемических пропозициональных установок к понятию «эпистемические состояния»: те же знание, убеждение, предположение, сомнение предлагается рассматривать в рамках конкретного подхода.

С философской точки зрения, изучение эпистемических состояний – это очень сложная, почти недоступная для анализа задача, и этому есть две веские причины. Концептуальная причина – это трудная проблема знания. Несмотря на то, что мы понимаем знание как одно из возможных эпистемических состояний, необходимо признать, что оно является ключевым концептом для исследований подобного рода. Но вопрос о том, что такое знание, на который по идее необходимо ответить на самых начальных этапах работы с темой, ответ дать попросту невозможно. Прежде всего, потому что исследователь рискует никогда не продвинуться дальше в связи с тем, как много равнообоснованных вариантов ответа на этот

---

¹¹ Quine W.V. Word and object. The MIT Press, 2013. 277 p.

¹² Quine W.V. Quantifiers and propositional attitudes // The Journal of Philosophy. 1956. Vol. 53. №5. P. 177-187.

¹³ Quine W.V. Ontological relativity and other essays. Columbia: Columbia University Press, 1969. 165 p.

вопрос уже существует. Ни один из них нельзя назвать достаточным, а объединить их вместе – задача совершенно непосильная в рамках подготовительного этапа узкого научного исследования.

Но несмотря на то, что знание является самым интересным типом эпистемического состояния, оно не является единственным. Вполне возможно, что описанные выше представления о последовательности изучения феноменов человеческого сознания можно пересмотреть: не знание о знании необходимо для исследований эпистемических состояний, но исследование эпистемических состояний может быть полезно в рамках фундаментального изучения знания. Нам необходимо принять только допущение, при этом не очень спорное: знание – это когнитивное состояние, которое образуется в отношении с определённым высказыванием.

Вопрос о фиксации эпистемических состояний зависит от того, как исследователь склонен решать трудную проблему сознания. Это методологическая причина. Допустим, можно достичь согласия в предположении, что существуют различные эпистемические состояния, и что каждое из них имеет определённые свойства. Однако, материя этих свойств неуловима, поскольку требует работы с разумом человека. Можно полностью свести их к активности нервной системы, заняв позицию радикального материалистического подхода к сознанию (например, эпифеноменализма или элиминативизма), но в этом случае возникает опасность упустить из внимания нефизические факторы и особенности познавательного процесса. Можно, напротив, рассматривать эпистемические состояния как социально-детерминированные явления, но в этом случае проект может обратиться чистой спекуляцией, не соответствующей достижениям науки XXI века.

Однако, вторую причину трудности исследований эпистемических состояний можно сгладить положением, что они, – независимо от их природы, – фиксируются языком. Язык был и остаётся единственным способом проникнуть в область сознания, и тот факт, что проблематика эпистемических состояний с самого своего зарождения сопоставлена совокупности лингвистических выражений подтверждает допустимость такого решения.

Таким образом, эпистемические состояния – это лингвистически выраженные когнитивные состояния человека, образуемые в отношении к определённому высказыванию. Тот факт, что под предлагаемое

определение попадает не только знание, и само предположение, что эпистемические состояния различны, требуют определения, с каким именно множеством предлагается работать. Но идея поиска всех вариаций таких состояний от одной и единственной исходной точки, то есть от знания в бесконечность, кажется нецелесообразно трудоёмкой. Поэтому мы предлагаем ввести вторую категорию, противоположную знанию, – незнание, и вместе с этим разделить совокупность всех эпистемических состояний на два класса: те, которые следуют из убеждения, и те, которые следуют от незнания.

Тезис «Знание есть ментальное состояние» лежит в основе философской теории Т. Уильямсона. Для него убеждение – это подлинное психическое состояние, конститутивно зависящее от внешнего мира, но психическим состоянием также является и знание. Подлинность в данном случае обозначает, что убеждение не является сложным психическим состоянием, состоящим из простых психических состояний, и не обязательно должно быть частью других психических состояний. Очевидно, что концепция Т. Уильямсона имеет натуралистический характер, и, если мы принимаем знание как психическое состояние, сам феномен познания, объяснение природы знания и разница между знанием и истинным убеждением становится привлекательной для естественнонаучных направлений. Он не рассматривает прочие факторы, например, социальные отношения. Однако, и не исключает их из предметного поля. Т. Уильямсон подчеркивает, что истина – это функция переменной внешнего мира, а функцией психической переменной является убеждение. Обе они необходимы для рассмотрения знания как психического состояния: «то, знает ли человек, что идет дождь, зависит не только от его ментального состояния, которое одинаково для тех, кто воспринимает дождь, и для тех, кто его получает в галлюцинаторном опыте, но также не зависит только от состояния погоды, которое одинаково для тех, кто верит видимостям, и для тех, кто в них сомневается»¹⁴. Этот подход предполагает, что факты внешнего мира и психические факты являются одинаково необходимыми для анализа знания переменными, и они находятся в состоянии взаимной зависимости.

Позиции Т. Уильямсона можно найти поддержку в психологии. В таких областях, как психология развития, социальная психология, когнитивная

---

¹⁴ *Williamson T. Knowledge and Its Limits. Oxford: Oxford University Press, 2002. 352 p.*

психология и сравнительная психология знание открыто классифицируется как психическое состояние. И. Апперли отмечает, что большое количество работ на сегодняшний день сосредоточено исключительно на том, когда дети способны рассуждать о переживании «таких психических состояниях, как убеждения»¹⁵. К эпистемическим ментальным состояниям он относит восприятие, знание и убеждение (однако, намекает, что этим списком он ограничивается для удобства проведения запланированного исследования, то есть список не претендует на завершённость).

Для философии объединение восприятия и убеждения в общий класс недопустимо. Восприятие является процессом, в то время как убеждение скорее будет его результатом или результатом какого-нибудь другого рационального процесса. Для психологии такое решение тоже нельзя назвать традиционным. К примеру, Дж. де Вилльерс отмечает, что, рассматривая эпистемические процессы как психические, по крайней мере в рамках психологии развития, мы должны исходить из предположения, что восприятие ведет к знанию. По многим явлениям для появления знаний у детей до трёх лет доказательств совершенно не хватает, но косвенный вывод, сделанный на основе восприятия, играет жизненно важную роль в нашей повседневной жизни. Она также описывает знания как тип психических состояний, но объясняет свою позицию от обратного, оставляя акцент на интерпретации ложных убеждений третьих лиц как их психических состояний. Идея выражена в простом примере: когда человек делает что-то явно глупое, например, моет волосы жидкостью для полоскания рта, мы пытаемся объяснить ненормальное поведение и говорим: «Он думает, что в этой бутылке шампунь!». Ложное убеждение, с точки зрения Дж. де Вилльерс, является содержанием психического состояния, и, обращаясь к нему, мы сохраняем мир вокруг нас «нормальным», в котором «люди не моют голову жидкостью для полоскания рта»¹⁶.

Пример Дж. де Вилльерс отчётливо показывает, насколько сложным является вопрос о том, подразумевают ли философы и психологи одно и то же, говоря «знание». Хотя простой формулы восхождения от веры к знанию не существует, интерпретация убеждения как психического состояния в философии не является спорным. Однако, философы внимательно

---

¹⁵ Apperly I. Mindreaders: the cognitive basis of "theory of mind". Hove: Psychology Press, 2010. 232 p.

¹⁶ De Villiers J. The interface of language and theory of mind // Lingua. 2007. Vol. 117. №11. P. 1858-1878.

относятся к условию истины: повсеместно принято, что знание, в отличие от простого убеждения, является отношением, которое можно иметь только к истине. В психологии можно встретить совершенно другое прочтение: люди «используют слово «знание», чтобы обозначить убеждение, которое чувствуется более оправданным, чем просто убеждение»¹⁷. Также для Т. Уильямсона знание выступает как «более сильное» психическое состояние, чем убеждение: «иметь убеждение, что p – это относиться к p так, как будто знать p »¹⁸.

Приведём пример Т. Уильямсона. Грабитель проводит всю ночь, обыскивая дом, рискуя быть обнаруженным. Мы спрашиваем, какие особенности обстановки, когда он вошел в дом, привели к такому результату. Разумный ответ: он знал, что в доме есть бриллиант. Если бы его единственной причиной полагать, что в доме есть бриллиант, было то, что кто-то сказал ему, что бриллиант хранится под кроватью, тогда как на самом деле он был в ящике стола, грабитель, скорее всего, отказался бы от своего убеждения в то, что в доме вообще есть бриллиант, и прекратил бы поиски. Вероятность того, что он будет обыскивать дом всю ночь, имея убеждение, будет ниже, чем вероятность того, что он будет обыскивать дом всю ночь, имея знание¹⁹.

Проблема эпистемических состояний слабо разработана в литературе. Одно из рассматриваемых в ней положений гласит, что любое эпистемическое состояние формируется под воздействием группы факторов, которые можно представить в виде структуры «ядро-периферия». «Ядро» зависит только от внутренних свойств человека, а «периферия» – от контекста, окружающей среды и лингвистических особенностей ситуации. К примеру, Дж. Ким утверждает, что в каждом психологическом состоянии, которое входит в объяснение какого-либо действия или поведения, мы можем найти «внутреннее основное состояние», которое может взять на себя причинно-объяснительную роль²⁰. Таким образом, первое свойство эпистемического состояния – это подверженность группе внутренних и внешних факторов.

---

¹⁷ Bartsch K., Wellman H. Children talk about the mind. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 40

¹⁸ Там же, P. 47

¹⁹ Там же, P. 62

²⁰ Kim J. Psychophysical supervenience // Philosophical studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition. 1982. Vol. 41. №1. P. 51-70.

Другое положение, о котором уже было частично упомянуто, связано с «вкладом организма» в фиксацию эпистемических состояний. Д. Деннет, ссылаясь на Х. Патнэма, отмечает, что остаток, который мы получаем после вычета контекстуальных факторов, является надлежащей областью психологии²¹. Он предполагает, что эпистемические состояния продуцируются двумя источниками: личностными и субличностными, последние из которых связаны с событиями нервной системы²². Это положение развивает Т. Крейн, утверждая, что эпистемическое состояние – это базовый психологический факт²³. Можно кратко резюмировать размышления Д. Деннета и Т. Крейна следующим образом: существуют условия, которые должны быть выполнены, чтобы что-то стало эпистемическим состоянием. Эти условия являются внутренними, они связаны с присущими субъекту свойствами в непосредственный момент формирования этого состояния и влияют на внутренние свойства организма.

С первого взгляда первое и второе положение противоречат друг другу: одно утверждает, что факторы могут быть внешними и внутренними, второе – что эпистемическое состояние человека зависит только от его внутренних свойств. Чтобы объединить оба положения, необходимо сделать некоторые замечания. Речь идёт о том, что эти состояния не зависят от таких факторов, как наличие в его теле нечетного или четного числа молекул воды, – это не вносит никакого вклада в то, какое эпистемическое состояние он занимает²⁴. Те факторы, которые мы называем внешними, не являются таковыми в прямом смысле, скорее – это просто психические переживания, связанные отношением с внешними объектами и явлениями. Иными словами, эпистемическое состояние должно быть состоянием организма, которое зависит только от тех фактов об организме, которые имеют отношение к тому, в чём он убеждён; внешние факторы должны быть пережиты, чтобы иметь возможность повлиять на убеждения. Таким образом, факты, которые определяют эпистемические состояния человека, делятся на факты о нём самом и осознаваемые им факты об окружающей среде.

---

²¹ *Dennett D. C. Beyond belief // Woodfield A. (ed.). Thought and Object: Essays on Intentionality. Oxford: Oxford University Press, 1983. 388 p.*

²² *Dennett D. C. Content and consciousness. London&New York: Routledge, 2002. 264 p.*

²³ *Crane T. The mental states of persons and their brains // Royal Institute of Philosophy Supplements. 2015. Vol. 76. P. 253-270.*

²⁴ *Brown C. What is a belief state? // Midwest Studies in Philosophy. 1986. Vol. 10. P. 357-378.*

Подход к незнанию как к ментальному состоянию – ещё более новаторский способ анализа познавательной деятельности человека. Начиная с античных времён, незнание рассматривалось не только как простое отсутствие знаний, но как совокупность разных познавательных ситуаций и состояний. У Платона описано несколько таких состояний:

- субъект не знает в следствие физиологических и когнитивных патологий;
- субъект знает, что он этого не знает;
- субъект ошибочно полагает, что знает;
- субъект не знает, хотя мог бы знать, потому что знание доступно²⁵.

Литература на этот счёт многочисленна даже в пределах античных сочинений: незнание описывает людей, которые, «глядят на серое, сравнивая его с черным и не зная белого» (Платон, «Государство», 585a), «на каждом шагу по неопытности попадая в колодцы и тупики» (Платон, «Геэтет», 174c), не отступают перед чем-то, несущимся на них, либо хватают руками змею» (Аристотель, «Евдемова этика», 1229a), что «делает действительно необходимым, чтобы другие учили и наставляли их» (Плутарх, «Катон младший», 16). Они боятся обычного солнечного затмения (Плутарх, «Никий», 23) и принимают за виновников отравлений не тех, кто кормил, а тех, кто блуждает неподалёку (Платон, «Горгий», 518d). Но все эти действия объясняются простым (и гипотетически искоренимым) непониманием того, как взаимодействовать с окружающим миром. Апирия возникает тогда, когда субъект «не подозревает какой-либо хитрости» (Плутарх, «Агесилай», 38). Отсутствие опыта, отмечают античные авторы, создаёт познавательные условия, в которых незнания прикрываются мнениями, а не знаниями (Платон, «Геэтет», 167b), укрепляются суеверия (Плутарх, «Перикл», 6), и оттого она единогласно определяется как зло.

Представленные выше отрывки не случайны. Проблема незнания, как она отражена у античных греков, обретает особую значимость при анализе явлений современного общества. Во-первых, можно сказать, что мы вступили в эпоху самообразования: информация окружает человека повсюду, синдром вечного студента обретает массовый характер, но вместе с тем растёт и дезинформация. Б.-Ч. Хан в книге «Прозрачное общество»

---

²⁵ Платон. Диалоги. М.: Мысль, 1986. 607 с.

отмечает, что массивные потоки информации снижают способность к вынесению собственных суждений²⁶, и это означает, что человек намного чаще оценивает встречающиеся ему высказывания, чем производит их. Динамика эпистемических состояний становится более активной, когда человек практически круглосуточно сталкивается с множеством утверждений и мнений. Критика влияния подобных условий на когнитивные процессы человека – это достаточно распространённая практика как академической, так и публицистической литературы последнего десятилетия. Высказываются утверждения, что виртуально-информационная среда разрушает способность концентрироваться и размышлять, и лёгкость, с которой доступны современному человеку любые данные, заставляет его отказаться от усилий искать в тексте смысл, расшифровывать сложные рассуждения, различать то, что имеет значение от того, что не несёт в себе *ценности*. Отвлечение стало новым способом работы, и пластичность нашего мозга позволила за короткое время адаптироваться к этой новой среде.

Во-вторых, происходят изменения и в институтах образования: электронное обучение, цифровая педагогика стимулируют развитие новых форм получения и принятия знаний. Очевидно, что эта область напрямую связана с темой эпистемических состояний. Однако, мы убеждены, что проанализировать эти изменения только при помощи категории знания будет недостаточно, и привлечение категории «незнание» может выступить полезным инструментом.

Однако, вернёмся к идее эпистемического состояния как состояния, которое переживается человеком, и в этом контексте значимость обретает возможность психологической интерпретации убеждения.

В психологии стремление людей оценивать степень вероятности утверждения объясняется в том числе и эмоциями. Верить – значит и чувствовать, следовательно, эмоции могут использоваться человеком как одно из доказательств истинности утверждения.

Отдельно рассматривается эмоциональное убеждение. Здесь эмоции формируют и укрепляют убеждение. Эмоциональное убеждение делает возможным обобщение мнения о субъекте, предполагающее уверенность без доказательств, так как чувства влияют на то, чего человек хочет и во что верит. Переживание эмоций не вторично – это не просто продукт познания

---

²⁶ Хан Б.-Ч. Прозрачное общество. М.: Логос, 2014. 60 с.

или реакция на убеждение, их можно «рассматривать как порт, через который эмоции оказывают свое влияние на жизнь человека»²⁷.

В рамках эмоциональной теории ситуация принятия убеждения рассматривается как место встречи эмоций и познавательной деятельности человека. Эмоциональные убеждения часто рассматриваются в социальной и политической философии политологии в связи такими явлениями, как доверие, национализм, справедливость или надежность. Классические античные мыслители, например, Аристотель, утверждали, что использование страстей и эмоций допустимо в аргументации, но не без осторожности, поскольку они либо увеличивают, либо уменьшают истину: «можно прибегать к уменьшительным выражениям: уменьшительным называется выражение представляющее и зло, и добро меньшим [чем оно есть на самом деле]; так Аристофан в шутку говорил в своих "Вавилонянах": кусочек золота, вместо золотая вещь, вместо платье – платьице, вместо поношение – поношеньице – и нездоровьице. Но здесь следует быть осторожным и соблюдать меру в том и другом»²⁸. Современные исследователи утверждают, что доля эмоционально нейтральных высказываний в окружающем нас информационном пространстве крайне мала. В большинстве случаев аргументы эмоционально нагружены, обращены то к страху, то к состраданию. К примеру, работа, проделанная С. Мунт^{29,30}, привела к выявлению «рецептов» построения эффективной аргументации к эмоциям через соотношение пола, расы, возраста и религиозной принадлежности героя повествования.

В литературе по международным отношениям также отмечается процесс вызывания различными ситуациями эмоций страха или тревоги, которые влияют на рациональное принятие решений^{31,32}.

В психологии термин «эмоциональные убеждения» не считается совершенным. Если верно, что рациональность зависит от эмоций и что эмоции и познание взаимосвязаны, то убеждения, – все убеждения, – зависят

---

²⁷ *Frijda N. H., Manstead A.S.R., Bem S. The Influence of Emotions on Beliefs // Emotions and Beliefs: How Feelings Influence Thoughts. Cambridge: Cambridge University Press. 2000. P. 1-10.*

²⁸ *Аристотель. Риторика // Риторика. Поэтика. М.: Лабиринт, 2000. С. 118.*

²⁹ *Munt S. Argumentum ad misericordiam – the critical intimacies of victimhood // Paragrafo: Revista Científica de Comunicação Social da FIAM-FAAM. 2017. Vol. 5. №1. P. 37-50.*

³⁰ *Munt S. R. Argumentum ad misericordiam: the cultural politics of victim media // Feminist media studies. 2017. Vol. 17. №5. P. 866-883.*

³¹ *Jervis R., Lebow R.N., Stein J.G. Psychology and Deterrence. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1985. 288 p.*

³² *Hymans J. E. C. The Psychology of Nuclear Proliferation: Identity, Emotions, and Foreign Policy. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 286 p.*

от эмоций. Хотя этот термин избыточен, многие все равно будут рассматривать его как синоним иррациональных убеждений. Например, можно различать «когнитивные» и «мотивированные» убеждения³³. Когнитивные убеждения свободны от эмоций: когнитивные ограничения (например, неспособность обрабатывать большие объемы данных) требуют упрощений, которые могут поставить под угрозу рациональность. Некоторые характеризуют влияние эмоций на убеждения как мотивированное предубеждение, которое искажает, экранирует и скрывает факты, с которыми психологически больно сталкиваться³⁴. Приверженцы теории рационального сдерживания рассматривают мотивированные предубеждения как узкие (связанные с серьезными ситуационными дилеммами), как идиосинкразические (а не жестко запрограммированные, как когнитивные предубеждения), как подрывающие рациональность и как следующие за познанием (а не предшествующие ему).

Учитывая распространенное предположение о том, что эмоции подрывают рациональность, не стоит включать эмоции в убеждения³⁵. Переживание эмоций может быть уместным или неуместным, но оно не является истинным или ложным. Эмоции не являются иррациональными, как и эмоциональные убеждения.

Эмоция трактуется как субъективное переживание диффузного физиологического изменения, а чувство – как осознанное понимание того, что человек испытывает эмоцию³⁶. Хотя эмоции влияют на мысли в основном через чувства, скорость, с которой физиологические изменения регистрируются как чувство, делает разграничение эмоций и чувств чрезвычайно трудным даже в лабораторных условиях³⁷³⁸. Некоторые рассматривают эмоции и чувства как синонимы³⁹.

Убеждение может рассматриваться как утверждение или набор утверждений, которые человек считает вероятной истиной. Убеждение предполагает неопределенность. В отличие от этого знание не связано

---

³³ *Kunda Z.* The case for motivated reasoning // *Psychological bulletin.* 1990. Vol. 108. №3. P. 480.

³⁴ *Farrar Jr. L. L.* Richard Ned Lebow. *Between Peace and War: The Nature of International Crisis.* Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1981. 350 p.

³⁵ *Mercer J.* Emotional beliefs // *International Organization.* 2010. Vol. 64. №1. P. 1-31

³⁶ *Mercer J.* Emotional beliefs // *International Organization.* 2010. Vol. 64. №1. P. 1-31.

³⁷ *Damasio A.R.* *The Feeling of What Happens: Body and Emotion in the Making of Consciousness.* New York: Harcourt Brace, 1999. 400 p.

³⁸ *Damasio A.R.* William James and the Modern Neurobiology of Emotion // *Emotion, Evolution, and Rationality.* Cambridge: Oxford University Press. 2004. P. 3-14.

³⁹ *Mercer J.* Emotional beliefs // *International Organization.* 2010. Vol. 64. №1. P. 1-31.

с риском, безличностно и постоянно⁴⁰⁴¹. Например, мы не верим в гравитацию, мы *знаем*, что она существует. Эмоциональное убеждение означает полагание на «некое внутреннее умозаключение», выходящее за рамки доказательств и предполагающее некоторый риск того, что человек может ошибиться⁴². Как сказал бывший заместитель госсекретаря США Ричард Армитедж, «Я думаю, что у Ирана есть секретная программа создания ядерного оружия – я верю в это, но я этого не знаю»⁴³. Гравитация – это общеизвестный факт; намерение Ирана разработать ядерное оружие – это эмоциональное убеждение (за исключением иранцев, которые знают). Большинство аналитиков считают эмоции в убеждениях в лучшем случае неважным следствием познания, а в худшем – источником дезинформации и ошибок.

Если познание порождает эмоции, то эмоции не говорят ни о чем, чего человек еще не знает.

Оценочный (или когнитивный) подход к эмоциям отражает общепринятое мнение о том, что убеждения предшествуют эмоциям. Согласно оценочному подходу, человек не может испытать эмоцию, не поняв сначала, как он вовлечен в эту ситуацию: эмоция без познания либо невозможна, либо является не совсем эмоцией, а скорее инстинктом.

Элстер утверждает, что в большинстве случаев и для большинства эмоций «необходим когнитивный предшественник»⁴⁴⁴⁵⁴⁶. Человек оценивает объект или событие как хороший или плохой, и эта интерпретация вызывает эмоцию, которая, в свою очередь, может привести к конкретным изменениям в теле, выражениях и поведении человека^{47,48}.

---

⁴⁰ Calhoun C. Subjectivity and Emotion // Thinking About Feeling: Contemporary Philosophers on Emotions. Oxford: Oxford University Press. 2004. P. 107-121.

⁴¹ Becker L.C. Trust as Noncognitive Security About Motives // Ethics. 1996. Vol. 107. №1. P. 43- 61.

⁴² Fielder K, Bless H. The Formation of Beliefs at the Interface of Affective and Cognitive Processes // Emotions and Beliefs: How Feelings Influence Thoughts. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 144-170.

⁴³ Hersh S.M. The Iran Plans: Would President Bush Go to War to Stop Tehran from Getting the Bomb? // New Yorker (Online ed.). 17 April 2006. URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2006/04/17/the-iran-plans>

⁴⁴ Elster J. Alchemies of the Mind: Rationality and the Emotions. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 416 p.

⁴⁵ Nussbaum M.C. Upheavals of Thought: The Intelligence of Emotions. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 766 p.

⁴⁶ Solomon R.C. The Philosophy of Emotions // Handbook of Emotions. New York: Guilford Press, 2000. P. 3-15.

⁴⁷ Smith C.A., Lazarus R. S. Appraisal Components, Core Relational Themes, and the Emotions // Cognition and Emotion. 1993. Vol. 1. №3-4. P. 233-269.

⁴⁸ Ortony A., Clore G.L., Collins A. The Cognitive Structure of Emotions. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 386 p.

Как сказал Фриджда, «входит потеря, а выходит горе»⁴⁹. Эмоция следует за оценкой.

Философ и психолог Уильям Джеймс рассматривал эмоции как информацию и утверждал, что физиологические изменения предшествуют убеждениям⁵⁰. Джеймс был первым, кто поместил эмоции в тело и отдал им приоритет перед познанием. Современная психология и нейробиология подтверждают его основные идеи. Во-первых, эмоции не обязательно являются посткогнитивными⁵¹⁵². Люди могут испытывать эмоции без осознания и без когнитивного посредничества⁵³. Кто-то, кто не чувствует своего тела (например, из-за паралича), имеет более узкий эмоциональный диапазон: чем сильнее паралич, тем сильнее ослаблены чувства⁵⁴. В некоторых психологических теориях постулируется, что одно лишь движение лица может вызвать небольшие изменения в субъективных ощущениях⁵⁵. В целом люди более агрессивны в жаркую погоду, что объясняет, почему чем жарче становится, тем больше вероятность того, что бейсбольный мяч попадет в человека⁵⁶. Эти ощущения производит тело, а не познание.

Во-вторых, оценочный взгляд не может объяснить первоначальный источник оценки. Оценить означает охарактеризовать объект или событие как хороший или плохой. Когнитивный взгляд на эмоции предполагает, что человек получает награду, оценивает ее как хорошую, а затем чувствует себя счастливым. Однако людям нужны эмоции, чтобы придать ценность фактам⁵⁷. Человек оценивает получение награды как хорошее, потому что это помогает карьере (или социальному положению, или человечеству) и делает человека счастливым: чувства являются частью оценки. Как считают психологи Клор и Гаспер, «чувства эмоций предоставляют

---

⁴⁹ *Frijda N.H.* The Laws of Emotion // *American Psychologist*. 1988. Vol. 43 (5). P. 349.

⁵⁰ *James W.* What Is an Emotion? // *Mind*. 1884. Vol. 9 (34). P. 190.

⁵¹ *Zajonc R. B.* Feeling and Thinking: Preferences Need No Inferences // *American Psychologist*. 1980. Vol. 35 (2). P. 151-175.

⁵² *Damasio A.R.* William James and the Modern Neurobiology of Emotion // *Emotion, Evolution, and Rationality*. Cambridge: Oxford University Press, 2004. P. 3-14.

⁵³ *Frijda N. H., Manstead A.S.R., Bem S.* The Influence of Emotions on Beliefs // *Emotions and Beliefs: How Feelings Influence Thoughts*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 1-10.

⁵⁴ *Damasio A.R.* The Feeling of What Happens: Body and Emotion in the Making of Consciousness. New York: Harcourt Brace, 1999. P. 289.

⁵⁵ *Zajonc R. B., Sheila T. Murphy, Inglehart M.* Feeling and Facial Efference: Implications of the Vascular Theory of Emotion // *Psychological Review* 1989. Vol. 96 (3). P. 395-416.

⁵⁶ *Reifman A. S., Larrick R. P., Fein S.* Temper and temperature on the diamond: The heat-aggression relationship in major league baseball // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1991. Vol. 17. №5. P. 580-585.

⁵⁷ *Frijda N.H.* The Psychologists' Point of View. In *Handbook of Emotions*. 2d ed. / edited by Michael Lewis and Jeannette M. Haviland-Jones. New York: Guilford Press, 2000. P. 59-74.

информацию об оценке ситуаций в отношении относительно своих целей и забот»⁵⁸. Если не принимать смысл как данность, то в конечном счете, необходимо решить, почему человек интерпретирует что-то как «хорошее», т.е. сказать, почему интерес является интересом или почему беспокойство является беспокойством⁵⁹. Эмоции являются частью оценки, а не просто ее следствием⁶⁰.

В-третьих, оценочный взгляд не может объяснить зависимость рациональности от эмоций. Дамасио произвел революцию в исследовании эмоций, когда показал, что люди, которые сохранили свои когнитивные навыки, но были лишены эмоций (из-за операции на мозге), потеряли способность быть рациональными⁶¹. Его исследования были распространены и на другие области.

Исследователи отмечают, что неспособность испытывать определенные эмоции характеризует аутизм и психопатию, а другие, опираясь на выводы Дамасио, объясняют, почему люди, страдающие наркотической зависимостью, игнорируют эмоции: участки мозга, имеющие решающее значение для обработки эмоциональной информации, аномальны и не могут управлять принятием решений⁶².

Исследование убеждений на уровне мозга показало, что эмоции переплетают объективные и субъективные убеждения: нет физиологической разницы между верой в то, что $2 + 2 = 4$ или что пытки – это зло⁶³. Один из авторов исследования отметил: «Я думаю, что это еще один, который ставит под сомнение популярное противопоставление разума и эмоций»⁶⁴. Принятие или отвержение убеждений зависит от эмоций.

Эмоции и познание не являются конкурирующими процессами. По словам одного нейробиолога, «механизмы эмоций и познания, по-видимому, переплетаются на всех этапах обработки стимула, и их

---

⁵⁸ Clore G.L., Gasper K. Feeling is Believing: Some Affective Influences on Belief // *Emotions and Beliefs: How Feelings Influence Thoughts*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 38.

⁵⁹ Frijda N.H. The Psychologists' Point of View // *Handbook of Emotions*. New York: Guilford Press, 2000. P. 69.

⁶⁰ Hirschman A.O. *The Passions and the Interests: Political Arguments for Capitalism Before Its Triumph*. Princeton: Princeton University Press, 1977. 153 p.

⁶¹ Damasio A. R. *Descartes' Error: Emotion, Reason, and the Human Brain*. New York: Putnam, 1994. 336 p.

⁶² Verdejo-Garcia A. *et al.* Decision-making and the Iowa Gambling Task: Ecological validity in individuals with substance dependence // *Psychologica Belgica*. 2006. Vol. 46. №. 1-2. P. 55-78.

⁶³ Harris S., Sheth S. A., Cohen M. S. Functional neuroimaging of belief, disbelief, and uncertainty // *Annals of neurology*. 2008. Vol. 63. №2. P. 141-147.

⁶⁴ Wheeler M. Different Areas of Brain Respond to Belief, Disbelief // UC Newsroom, University of California at Los Angeles. 2007. 11 December. URL: <http://www.universityofcalifornia.edu/news/article/16988>

различие может быть затруднено»⁶⁵. Национализм вызывает чувство гордости, а чувство гордости – это свидетельство того, что страна хорошая. Кооперативное поведение приводит к чувству доверия, а чувство доверия является доказательством того, что человек должен сотрудничать⁶⁶. Даже в случае формальной логики или решения математических задач, влияние эмоций является мощным, всепроникающим и полезным⁶⁷⁶⁸. Эмоции являются частью рассуждения, а не отвлекающим фактором, нарушающим холодный рациональный процесс.

Отказ от мнения, что эмоции должны следовать за познанием или только искажать рациональность, позволяет исследовать, как эмоции и познание совместно производят убеждения. Радикальное отделение мышления от чувств неточно и обеспечивает ненадежное основание для нормативных теорий (или теорий рационального выбора) принятия решений. Подтверждение важности эмоций не означает, что эмоции важнее познания или что эмоции являются лишь источником правильных суждений. Но это означает, что эмоции играют важную роль в том, о чем и как люди думают.

Эмоция представляет собой убеждение, когда смысл убеждения меняется без эмоций.

Доверие, национализм и справедливость являются эмоциональными убеждениями. Хотя политологи иногда рассматривают доверие как следствие стимулов, альтернативный взгляд рассматривает чувства тепла и привязанности как основу доверия⁶⁹⁷⁰. Психологи проверили гипотезу о том, что эмоции важны для доверия, давая испытуемым естественный гормон (окситоцин), который вызывает чувство теплоты у млекопитающих⁷¹. Испытуемые, которые испытывали эти чувства, с большей вероятностью доверяли другим людям, чем те, кому давали плацебо. Ученые показали, что развитие чувства доверия создает

---

⁶⁵ *Phelps E.A.* Emotion and Cognition: Insights from Studies of the Human Amygdala // *Annual Review of Psychology*. 2006. Vol. 57. P. 46.

⁶⁶ *Rilling J. K. et al.* A neural basis for social cooperation // *Neuron*. 2002. Vol. 35. №2. P. 395-405.

⁶⁷ *Blanchette I.* The Effect of Emotion on Interpretation and Logic in a Conditional Reasoning Task // *Memory & Cognition*. 2006. Vol. 34. №5. P. 1112-1125.

⁶⁸ *Harris S., Sheth S. A., Cohen M. S.* Functional neuroimaging of belief, disbelief, and uncertainty // *Annals of neurology*. 2008. Vol. 63. №2. P. 141-147.

⁶⁹ *Jones K.* Trust as an affective attitude // *Ethics*. 1996. Vol. 107. №1. P. 4-25.

⁷⁰ *Mercer J.* Rationality and Psychology in International Politics // *International Organization*. 2005. Vol. 59 (1). P. 77-106.

⁷¹ *Kosfeld M. et al.* Oxytocin Increases Trust in Humans // *Nature*. 2005. Vol. 435 (7042). P. 673-676.

физические изменения в мозге, которые ведут к доверию⁷². В этом случае стимул (эмоция) изменяет и то, как и что человек думает. Люди не просто реагируют на стимулы, но изменяются под их воздействием⁷³. Доверие, основанное на чувствах тепла и привязанности, позволяет человеку выйти за рамки стимулов или доказательств и рискнуть оказаться неправым. Познание и эмоции встречаются в «доверии», что делает его эмоциональным убеждением. Национализм также является эмоциональным убеждением. Эмоции влияют на то, как и во что человек верит, они придают ценность фактам и отражают особый способ видения ситуации⁷⁴. Эмоциональное убеждение обычно подразумевает убеждение, в котором человек имеет свою точку зрения. Человек должен упорядочить доказательства, чтобы поддержать убеждение, которое выходит за рамки доказательств. Аналитики рассматривают национализм как отчасти сентиментальный, отчасти инструментальный феномен, и расходятся во мнениях по поводу того, национализм в первую очередь обусловлен ненавистью к чужим группам или любовью к своей собственной группе⁷⁵⁷⁶⁷⁷.

Справедливость – это эмоциональное убеждение. Это больше, чем абстрактный набор принципов о том, как следует организовывать общество; справедливость подразумевает перспективу, которая зависит от эмоций⁷⁸. То, что волнует человека, что беспокоит его, является частью его понимания справедливости. Тот, кто обеспокоен несправедливостью, может потратить усилия на то, чтобы понять источники несправедливости или предпринять действия, чтобы уменьшить эту несправедливость. Без эмоций нет ни беспокойства, ни причин тратить усилия на решение проблемы. «Интенциональность и феноменология неразрывно связаны между собой»⁷⁹. Эмоция связана с чем-то (интенциональность) и является

---

⁷² King-Casas B. et al. Getting to know you: reputation and trust in a two-person economic exchange // Science. 2005. Vol. 308. №5718. P. 78-83.

⁷³ Zajonc R. B. Feeling and thinking: Preferences need no inferences // American psychologist. 1980. Vol. 35. №2. P. 151.

⁷⁴ Jones K. Trust as an affective attitude // Ethics. 1996. Vol. 107. №1. P. 4-25.

⁷⁵ Anderson B. Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism. NY: Verso books, 2006. 256 p.

⁷⁶ Volkan V. D. The need to have enemies and allies: A developmental approach // Political Psychology. 1985. Vol. 6(2). P. 219-247.

⁷⁷ Kelman H. C. Nationalism, patriotism, and national identity: Social-psychological dimensions // Patriotism in the Lives of Individuals and Nations. Chicago: Nelson-Hall, 1997. P. 165-189

⁷⁸ Mercer J. Emotional beliefs // International Organization. 2010. Vol. 64. №1 P. 1-31.

⁷⁹ Goldie P. Emotion, Feeling, and Knowledge of the World // Thinking About Feeling: Contemporary Philosophers on Emotions. NY: Oxford University Press, 2004. P. 97.

способом видения, переживания чего-то (феноменология). Убеждения человека о несправедливости не могут быть поняты или проанализированы независимо от того, что он чувствует по поводу несправедливости. Эмоции не являются дополнением к убеждениям о доверии, национализме или справедливости; они необходимы для этих убеждений.

Эмоции также укрепляют убеждения. Клор и Гаспер отмечают, что чувства, соответствующие убеждениям, часто воспринимаются как доказательства, подтверждающие убеждения: «Доказательства, полученные от чувств, могут рассматриваться как сенсорные свидетельства из внешней среды, так что то, во что одновременно верится пропозиционально и что также ощущается эмоционально, может казаться особенно обоснованным. Даже в случае чисто логической аргументации, люди должны почувствовать, что аргументы против их позиции убедительны, прежде чем они изменяют свое мнение»⁸⁰.

Эмоции являются доказательством убеждений. Гнев и стыд человека за применение и защиту пыток администрацией Джорджа Буша подтверждает его убеждение в том, что пытки – это военное преступление. Вера в Бога опирается на эмоции как на доказательство. Верующий чувствует славу Бога, и это чувство является доказательством Его благодати⁸¹. Вера Армitedжа в то, что Иран имеет секретную программу ядерного оружия, в 2006 году основывалась на специфическом прочтении исторических документов в сочетании с чувством, что иранскому руководству нельзя доверять. То, что вы чувствуете, влияет не только на то, во что вы верите, но и на то, насколько сильно вы в это верите. Эмоции превращают наблюдателей в действующих лиц (потому что без эмоций убеждения инертны). По данным американских спецслужб, эмоции были первым из четырех факторов, побудивших повстанцев в Ираке⁸².

Эмоции – это мотивация. Чувства могут породить иррациональные или эмпирически необоснованные убеждения. Например, страх и тревога могут предшествовать убеждениям и формировать их⁸³. Фестингер ломал голову над тем, почему после землетрясения распространяются слухи,

---

⁸⁰ *Clore G. L., Gasper K. Feeling is believing: Some // Emotions and beliefs: How feelings influence thoughts. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 25.*

⁸¹ *Frijda N. H., Mesquita B. Beliefs through emotions // Emotions and beliefs: How feelings influence thoughts. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 45.*

⁸² *Declassified Key Judgments of the National Intelligence Estimate on Global Terrorism // National Intelligence Estimate. Washington, D.C.: Office of the Director of National Intelligence, 2006. 4 p.*

⁸³ *Öhman A., Wiens S. The concept of an evolved fear module and cognitive theories of anxiety // Feelings and emotions: The Amsterdam symposium. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2004. P. 58-80.*

вызывающие тревогу, – что вот-вот произойдет новое землетрясение, – пока не понял, что убеждение не вызвало тревогу, а было порождено ею⁸⁴. После того как ураган «Катрина» нанес серьезный ущерб Новому Орлеану, слухи о бесчинствующих бандах, убийствах и изнасилованиях были распространены и повлияли на то, как власти реагировали на кризис. Испуганное воображение породило множество самых тревожных историй⁸⁵. Влияние эмоций может быть настолько сильным, что можно говорить о том, что кто-то ослеплен ненавистью или любовью, сбив с пути страхом и тревогой или верит в похищения инопланетянами. Эмоции могут способствовать возникновению иррациональных убеждений и саморазрушительного поведения. Экстремальные эмоции искажают суждения⁸⁶, так же, как и экстремальное познание (которое Элстер назвал «гиперрациональным»⁸⁷). Акцент на искажающей силе эмоций не ошибочен, просто он неполный.

Эмоциональные убеждения – это нормально. Нормальные люди не отличают мысли от чувств, потому что мысли – это образы, обозначенные чувствами⁸⁸. Как отмечает Дамасио, эмоции захватывают тело и влияют на мысли: «Поскольку мозг – это плененная аудитория тела, чувства – победители среди равных. А поскольку то, что приходит первым, создает систему отсчета для того, что приходит потом, чувства влияют на то, как остальная часть мозга и познание занимаются своими делами. Их влияние огромно»⁸⁹. Человек всегда знает, когда он действует вопреки своим чувствам.

Эмоциями можно пренебречь, но не игнорировать их. «Я могу сотрудничать с тем, кому не доверяю, но не могу доверять тому, кто, как мне кажется, не заслуживает доверия. Я также не могу приказывать себе (или кому-то другому) доверять, потому что эмоциям нельзя приказывать. Любите меня! Восхищайтесь мной! Считайте мои угрозы правдоподобными! Я могу приказывать поведению, а не эмоциональным убеждениям. Доверяйте

---

⁸⁴ *Festinger L.* A theory of cognitive dissonance. NY: Row, Peterson and Company, 1957. 291 p.

⁸⁵ *Dwyer J., Drew C.* Fear Exceeded Crime's Reality in New Orleans // New York Times. September 29, 2005. URL: <https://www.nytimes.com/2005/09/29/us/nationalspecial/fear-exceeded-crimes-reality-in-new-orleans.html>

⁸⁶ *Kaufman S. J.* Modern Hatreds: The Symbolic Politics of Ethnic War. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001. 280 p.

⁸⁷ *Elster J.* Alchemies of the Mind: Rationality and the Emotions. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 295.

⁸⁸ *Damasio A. R.* Descartes' Error: Emotion, Reason, and the Human Brain. New York: Putnam, 1994. 336 p.

⁸⁹ Там же, P. 159-160.

мне!»⁹⁰ Эмоциональное убеждение – это такое убеждение, в котором эмоции составляют и укрепляют убеждение и которое делает возможным обобщение о субъекте, предполагающее уверенность помимо доказательств.

С точки зрения нейронауки, изучение состояния убеждения производится в первую очередь на животных моделях. Например, показано, что животное формирует восприятие своего состояния на основе оценки истинного состояния окружающей среды, определяемого по информации с сенсорных каналов. Так, истинная ценность корма на участке зависит от неоднозначной сенсорной информации о качестве участка, его удаленности, наличии хищников и других факторов, которые в совокупности и составляют состояние среды⁹¹. В результате собственное состояние представляет собой распределение вероятностей, или состояние убеждения⁹². Таким образом, состояние убеждения определяется как распределение вероятностей наступления какого-либо состояния. Доступная сенсорная информация (в соответствии с правилом Байеса) обуславливает вероятностное распределение состояний, в результате выбирается оптимальное собственное состояние. Такое убеждение в собственном состоянии позволяет животному спрогнозировать вероятности получения вознаграждения. Проще ситуация, когда животное полностью уверено в собственном состоянии, и ошибка оценки сводится к минимальным значениям, а неопределенность отсутствует. Но такое случается крайне редко. Куда чаще приходится сначала сформировать список возможных состояний на данный момент и скорректировать их «веса» на основании вероятности их наступления. Таким образом, состояние убеждения соответствует вероятности нахождения в данном конкретном состоянии. В качестве возможной физиологической основы процесса формирования состояния убеждения рассматривается активность дофамина, но доказать такое предположение крайне сложно⁹³. Одним из потенциальных субстратов «передачи» в дофаминовую систему необходимой информации для оценки состояния является

---

⁹⁰ Mercer J. Emotional beliefs // International Organization. 2010. Vol. 64. № 1. P. 1-31

⁹¹ Babayan B. M., Uchida N., Gershman S. J. Belief state representation in the dopamine system // Nature communications. 2018. Vol. 9. №1. P. 1-10.

⁹² Rao R. P. N. Decision making under uncertainty: a neural model based on partially observable Markov decision processes // Frontiers in computational neuroscience. 2010. Vol. 4. P. 146.

⁹³ Babayan B. M., Uchida N., Gershman S. J. Belief state representation in the dopamine system // Nature communications. 2018. Vol. 9. №1. P. 1-10

орбитофронтальная кора, которая, как предполагается, кодирует пространства состояний, в частности, когда состояния схожи перцептивно, но различны концептуально⁹⁴.

1.2 Состояния убеждения как эпистемические состояния

Для когнитивной психологии и исследований обучения фундаментальным способом типологизации знания стало разделение знаний на декларативные и процедурные⁹⁵. В конце 40-х годов XX века Г. Райл разграничил знания на два автономных вида. Первый вид – это «знания что», например, что велосипед – это транспорт, а пианино – это клавишный инструмент. Второй вид знания выражается высказываниями с частицей «как», например, как ездить на велосипеде, как играть на пианино. Как позже было сказано Дж. Роуланд, «из-за своей простоты и кажущейся очевидности это различие обрело большую привлекательность, но, как и любая дихотомия, оно вызывала много споров и недоумений»⁹⁷. Ключевым словом при описании его концепции является «автономность». Г. Райл поставил под сомнение тот факт, что практика просто сводится к реализации или применению теории. Именно предположение, что «знания как» не сводятся к «знаниям что», то есть взгляд на них как на два отдельных типа знания, положило начало дебатов между несогласными с этим интеллектуалистами и поддержавшими Райла антиинтеллектуалистами⁹⁸.

Для описания умственных способностей и ментального поведения Райл обращается к семейству прилагательных, которыми мы пользуемся в повседневности: «умный», «здравомыслящий», «мудрый», «рассудительный» и др. Однако, убеждён Райл, «когда человека описывают при помощи того или иного эпитета, обозначающего умственные способности, например «умный» или «глупый», «благоразумный» или «опрометчивый», то такая дескрипция приписывает ему не знание или неведение какой-то истины, а способность или неспособность проделать ряд

---

⁹⁴ Wilson R.C., Takahashi Y.K., Schoenbaum G., Niv Y. Orbitofrontal cortex as a cognitive map of task space // *Neuron*. 2014. Vol. 81. №2. P. 267-279.

⁹⁵ Райл Г. Понятие сознания. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. 408 с.

⁹⁶ Anderson J.R. *The Architecture of Cognition*. Cambridge: Harvard University Press, 1983. 178 p.

⁹⁷ Roland J. On "Knowing How" and "Knowing That" // *The Philosophical Review*. 1958. Vol. 67. №3 P. 379-388.

⁹⁸ Small W. Ryle on the explanatory role of knowledge how // *Journal for the History of Analytical Philosophy*. 2017. Vol. 5. №5. P. 56-76.

действий определённого рода»⁹⁹. Возможность для нас узнать, что некий человек не знает какого-то факта часто возникает только потому, что в следствие этого совершает поступки, о которых ему приходится сожалеть.

Аргумент регресса, который приводит Райл, выражен так: «Понимание утверждений само по себе является операцией, выполнение которой может быть более или менее разумным или бестолковым. Однако если для осмысленного исполнения любого действия необходимо, чтобы была исполнена, причём разумно, предваряющая его теоретическая операция, то окажется логически невозможным когда-либо разорвать этот порочный круг»¹⁰⁰. Так Райл оспаривает убеждение, что разумное действие должно возникать из знания. «Знание как» здесь можно рассматривать как форму знания, которая не демонстрируется посредством формулирования и обоснования конкретных предложений, но демонстрируются через выполнение деятельности.

Райл приводит пример: если мы говорим, что некто знает французский язык, то он непременно может ответить нам по-французски, но мы не должны отказываться от нашего утверждения, обнаружив, что этот некто не отвечал должным образом, когда спал, был рассеян, пьян или в панике¹⁰¹. Анализируя этот пример, Дж. Хартланд-Свон обращается к потенциальным возражениям, что различие «знания что» и «знания как», хотя и имеет ценность для уточняющих целей, в корне неустойчиво и не выдерживает анализа¹⁰². Если рассмотреть фразу «Я знаю французский», которая является диспозиционным утверждением и должна быть классифицирована как случай «знания как». Можно сказать «Я знаю французский», если, получив экземпляр французского журнала, я смогу («знаю, как») перевести его. Однако, отмечает Хартланд-Свон, «я знаю, как читать и переводить французский только потому, что знаю, что это конкретное французское слово означает то же самое, что и это конкретное английское слово¹⁰³», и в этом случае «знание как» раскладывается на множество «знаний что», например, что нож – это *couteau*, а мальчик – *garçon*, и что каждая языковая конструкция на иностранном языке идентичная конкретным конструкциям

---

⁹⁹ Райл Г. Понятие сознания. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 36.

¹⁰⁰ Там же, с. 39.

¹⁰¹ Там же, с. 129.

¹⁰² Hartland-Swann J. The logical status of 'Knowing That' // Analysis. 1956. Vol. 16. №5. P. 111-115.

¹⁰³ Hartland-Swann J. The logical status of 'Knowing That' // Analysis. 1956. Vol. 16. №5 P. 111-115.

на родном. Однако, знать, что нож – это *couteau* (и остальные переводы) не является знанием французского языка. Центральная черта знания французского языка – это способность правильно применять слово «*couteau*», то есть умения использовать пропозициональное знание.

Для Хартланд-Свона знания, не связанные с действиями, например «Я знаю, что Земля круглая», являются также «знаниями как». Для этого решения он перестраивает исходное утверждение в следующую форму: «Я знаю, как ответить на вопрос, какой формы Земля». В отличие от Райла, представившего позицию параллелизма двух типов знания, Хартланд-Свон представляет радикальное антиинтеллектуалистское решение и оказывается очень близок к полной редукции «знания что» к «знаниям как».

Дж. Роуланд выступила с более осторожным предложением анализа знаний, указывая на фундаментальное различие двух разных типов диспозиций, подпадающих под категорию «знания как» у Хартленда-Свана¹⁰⁴: «Давайте рассмотрим на мгновение случай Джонса, который был свидетелем убийства Y. Без сомнения, Джонс знает, что X убил Y, и это, в свою очередь, означает, что он знает, как заявить, что X убил Y, и знает, как ответить на вопрос «Кто убил Y?». Тем не менее, интуитивно очевидно, что существует разница между его знанием того, как ответить на вопрос «Кто убил Y?», и его знанием того, как плавать или говорить по-французски»¹⁰⁵. Различие между этими диспозициями Роуланд связывает с практикой: знание, как плавать, подразумевает, что этому научились на практике, но знание того, как ответить на вопрос «Кто убил Y?», не подразумевает никакого практического опыта. Точно так же, как Джонс, когда стал свидетелем убийства, сразу понял, что X убил Y, и ему не нужно было практиковаться в изложении фактов, мы, глядя в окно, узнаём, что идет дождь без какой-либо практики говорить «Идет дождь» или отвечать на вопрос «Какая сейчас погода?». Дж. Роуланд продолжает пояснение: «Если Джонс говорит нам, что умеет плавать, мы вправе спросить его, пробовал ли он когда-нибудь плавать. Если он ответит отрицательно, его утверждение будет дискредитировано. Но если Джонс скажет нам, что он знает, что X убил Y, для нас, конечно, было бы бессмысленно спрашивать его, практиковал ли он это утверждение или

---

¹⁰⁴ *Roland J.* On "Knowing How" and "Knowing That" // *The Philosophical Review.* 1958. Vol. 67. №3 P. 379-388.

¹⁰⁵ *Roland J.* On "Knowing How" and "Knowing That" // *The Philosophical Review.* 1958. Vol. 67. №3 P. 379-388.

пытался ответить на вопросы по этому вопросу раньше». Таким образом, полная редукция одних знаний к другим не всегда правомерна.

Дж. Андерсон предложил альтернативу, обозначив, что декларативное знание первично и формирует основу для процедурных знаний. В его теории познания эти типы знаний соответствуют разным типам памяти. Декларативная память связана с образами и хранит факты, а процедурная – с условиями и действиями. Сложные процедурные знания могут быть разложены на производственные правила, а декларативные – на «запутанную иерархию когнитивных единиц»¹⁰⁶.

Знание переходит от декларативной формы к процедурной, следовательно, обучение происходит в два этапа от декларативного к процедурному или в три этапа, если отдельно рассмотреть переходный период. В качестве такого переходного вида знания было предложено концептуальное знание, то есть

Применение концептуальных знаний в этой системе носит исключительно временный характер: обучающийся начинает усваивать соответствующие процедуры, оставляя в стороне концептуальные знания, из которых возникли процедуры, и, таким образом, концептуальное знание превращается в процедурное знание¹⁰⁷. С. Браун и другие представили это в виде правила: обучение сначала концептуальным знаниям ведет к приобретению процедурных знаний, но обратное неверно¹⁰⁸.

Для иллюстрации смысла термина «концептуальное знание» можно обратиться к следующему примеру¹⁰⁹: Понимание того, что относительная трудность ускорения автомобиля массой 2000 кг и игрушечной машины массой 2 кг с одинаковым количеством силы в иллюстрации второго закона Ньютона, является примером концептуального знания. Студент, который использует концептуальные знания, размышляя о взаимосвязи между силой и ускорением, может сказать, что они связаны между собой, потому что в автомобиле, чем больше силы создается двигателем, тем сильнее автомобиль ускоряется. Хотя можно обладать знанием фактов и уметь

---

¹⁰⁶ Anderson J.R. The Architecture of Cognition. Cambridge: Harvard University Press, 1983. P. 22.

¹⁰⁷ Engelbrecht J., Harding A., Potgieter M. Undergraduate students' performance and confidence in procedural and conceptual mathematics // International Journal of Mathematical Education in Science and Technology. 2005. Vol. 36. №7. P. 701-712.

¹⁰⁸ Brown S., Seidelmann A., Zimmermann G. In the trenches: three teachers // Perspectives on moving beyond the math wars. 2002. P. 404-411.

¹⁰⁹ Sarwar G. S., Trumpower D. L. Effects of conceptual, procedural, and declarative reflection on students' structural knowledge in physics // Educational Technology Research and Development. 2015. Vol. 63. №2. P. 185-201.

выполнять определенные процедуры, именно концептуальное понимание того, как и почему связаны факты и процедуры, позволяет делать новые выводы и переносить их в новые контексты.

В 1983 году С. Пэрис, М. Липсон и К. Уиксон пришли к выводу, что декларативных и процедурных знаний недостаточно, поскольку данная типология рассматривает знания и навыки, не учитывая условия, при которых можно было бы выбрать или выполнить определённые действия¹¹⁰. Чтобы заполнить обнаруженный пробел, авторы предложили понятие условных знаний, и типология приобрела следующий вид:

1. декларативные знания («знания что»);
2. процедурные знания («знания как»);
3. условные знания («знания когда»).

Условное (также «стратегическое», «контекстное») знание описывает обстоятельства применения процедур, и субъект, обладающий только декларативными и процедурными знаниями, не приспособливает свое поведение к меняющимся требованиям задачи¹¹¹. Условные знания являются развитым чувством того, «когда и почему» необходимо применить то или иное знание, что требует критического мышления и навыков решения проблем, которые демонстрируют более глубокое владение декларативными и процедурными знаниями.

Во второй раз мнения разделились. Некоторые авторы, согласные с делением знаний на декларативные и процедурные, увидели причины сохранить эту систему в бинарном виде. Так, к примеру, Ф. Николс видит возможность стратегического знания только в описании, следовательно, предлагает рассматривать их как подмножество декларативных знаний, а не как собственную категорию¹¹².

Ряд исследователей поддержал идею вывести условные знания в отдельную категорию, хоть и не все придерживались изначальной идеи использования этих понятий для построения общей типологии знания. Л.М. Буллок и Дж. Хэфлин предложили описывать декларативные,

---

¹¹⁰ Paris S. G., Lipson M. Y., Wixson K. K. Becoming a strategic reader. Contemporary Educational Psychology. Vol. 8. P. 293-316.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Nickols F. The knowledge in knowledge management // The Knowledge Management Yearbook. 2001. Vol. 12. P. 21.

процедурные и условные знания как системы знаний¹¹³, а К. Вуд – как базы знаний¹¹⁴.

И всё же значимая часть академического сообщества стала придерживаться того же решения, что и С. Пэрис, М. Липсон и К. Уиксон. Р. Гарнер считает такую трёхкомпонентную типологию очевидной: учащиеся знают не только то, что поиск информации в ранее прочитанном но забытом тексте, помогает ответить на вопрос, и то, как просмотреть текст, используя пространственную память и ключевые слова в вопросе, но и то, когда следует повторно проверять текст, а именно – когда вопросы указывают на доступ к тексту, а не к общей базе знаний¹¹⁵.

К. Рейд отмечает, что знакомые всем методы обучения через объяснения, моделирования, обсуждения и демонстрации годны для декларативных знаний, но процедурные знания нельзя преподавать в виде списка правил, шагов или стратегий, которые необходимо запомнить, их необходимо практиковать (хотя, в некоторых современных экспериментах процедурные знания преподносятся именно через текст¹¹⁶). Условные знания можно считать наиболее сложным типом знаний для обучения, поскольку они сильно зависят от контекста и целенаправленной практики, и в то же время являются единственным надёжным показателем достижения знания¹¹⁷. Похожих взглядов придерживаются А. Коллинс, Дж. Браун и С. Ньюман: условные знания являются наиболее значимыми, поскольку декларативные знания, не доведённые до практики и полного понимания и оставшиеся в отрыве от реальных проблемных контекстов, становятся инертными даже для успешных студентов¹¹⁸.

Что именно входит в понятие условного знания? Коллектив авторов под руководством Р. Марцано убеждены, что активность условных знаний требуют декларативных и процедурных знаний: учащиеся должны знать множество конкретных фактов и процедур, связанных с задачей,

---

¹¹³ *Bullock L.M., Heflin J.* Exceptionalities in children and youth. Boston: Allyn & Bacon, 1991. P. 241.

¹¹⁴ *Wood K.D.* The Study Guide: A Strategy Review // 33d Annual Meeting of the College Reading Association. November 3-5, Philadelphia, 1989. 16 p.

¹¹⁵ *Garner R.* When children and adults do not use learning strategies: Toward a theory of settings // Review of educational research. 1990. Vol. 60. №4. P. 517-529.

¹¹⁶ *Wuryaningrum R., Bektiarso S., Suyitno I.* The Effects of Knowledge-Transforming Text on Elementary Students' Declarative, Procedural Knowledge, and Motivation in Environmental Learning // International Journal of Instruction. 2020. Vol. 13. №1. P. 568

¹¹⁷ *Reid K.* Role of cooperative learning in comprehensive instruction // Journal of Reading, Writing, and Learning Disabilities International. 1988. Vol. 4. №4. P. 230.

¹¹⁸ *Collins A., Brown J. S., Newman S. E.* Cognitive apprenticeship: Teaching the craft of reading, writing and mathematics. University of Illinois, 1987. P. 14

чтобы выбрать наиболее подходящее в данный момент решение. Ссылаясь на замечания Пиаже о том, что рассуждение о пробах и ошибках характеризует мышление, связанное с целью, авторы предлагают рассматривать условные знания как планирование, которое включает в себя сознательный выбор стратегий для достижения конкретных целей¹¹⁹.

Понимание контекста как отдельный тип знания получило особое значение в исследовании лидерства в американских вооруженных силах¹²⁰. Данные для исследования собирались в Катаре в жилом комплексе Education City, отдельном районе города Доха, состоящим из филиалов престижных университетов со всего мира. Студенты, обучавшиеся в этих университетах и принимавшие участие в исследовании, должны были не просто владеть навыками английского языка, но и иметь определённый уровень подготовки для получения западного университетского образования. Как отмечает один из авторов отчёта исследования Ричард Баккен, большинству студентов было нелегко понять, что успех также означает борьбу с социальными, личными и семейными изменениями в контексте их культуры и религии. Коренные катарцы, например, не имеют опыта обучения в смешанных гендерных группах, и перемещение между семьёй и учебной аудиторией остро требовало переключения между контекстами, переоценки своих собственных убеждений.

Однако, Р. Баккен и Дж. Доббс, авторы исследования, использовали четырёхкомпонентную модель знаний и выделили наряду с декларативными, процедурными и контекстными знаниями ещё один тип, – соматическое знание. Соматические знания, объясняют авторы, объединяют сенсорную информацию от первого лица¹²¹. Концепция соматического знания была представлена у Дж. Грин, анализирующей получение знаний в хореографическом образовании. Она следует интерпретации соматики Т. Ханны¹²² как области исследования, которая рассматривает тело с точки зрения восприятия от первого лица, и трактует

---

¹¹⁹ *Marzano R. J. et al.* Dimensions of thinking: A framework for curriculum and instruction. Alexandria: The Association for Supervision and Curriculum Development, 1988. P. 15.

¹²⁰ *Bakken R., Dobbs J.* The Relevance of Four Types of Knowledge for Leader Preparation in Radically Different Settings: Reflections on Data from a Case Study in Qatar and Teaching at a United States Military Academy // *Creighton Journal of Interdisciplinary Leadership*. 2016. Vol. 2. №2. P. 17-23.

¹²¹ *Bakken R., Dobbs J.* The Relevance of Four Types of Knowledge for Leader Preparation in Radically Different Settings: Reflections on Data from a Case Study in Qatar and Teaching at a United States Military Academy // *Creighton Journal of Interdisciplinary Leadership*. 2016. Vol. 2. №2. P. 17-23.

¹²² *Hanna T.* Somatics: Reawakening the mind's control of movement, flexibility, and health. Cambridge: Da Capo Press, 2004. 184 p.

соматическое знание как «способы, которыми мы понимаем себя и свое окружение через тело и которыми мы придаем смысл миру через наши телесные переживания»¹²³. Это один из примеров дальнейшего развития типологии знания в специальных отраслях. Можно найти и другие примеры. Например, в финансовой сфере познания выделяют декларативные, процедурные и оценочные знания, последние из которых связаны с аспектами применения первых двух видов знаний в повседневной жизни¹²⁴. В 1999 году М. Заком в рамках менеджмента знаний типология была представлена в виде системы из четырёх элементов: «декларативные (знания о), процедурные (знания как), каузальные (знания почему; связаны пониманию причинно-следственных связей между множеством факторов), условные (знать, когда) и реляционные (знания с; к связаны с пониманием отношений между типами знаний)»¹²⁵.

Р. Майер и М. Виттрок из Университета Калифорнии обращаются к шести категориям: фактические (аналогично декларативным), концептуальные, стратегические, процедурные, метакогнитивные знания и убеждения¹²⁶. С одной стороны, поскольку авторы не пояснили решение включить убеждения в свою систему в качестве отдельного структурного элемента, что оставляет непонимание. С другой стороны, потому что приведённые термины больше похожи на элементы нескольких порядков (то есть некоторые из них включают другие). Например, авторы разграничивают объёмы понятий «стратегическое знание» и «процедурное знание», описывая первое как декларативное знание о процедуре: стратегическое знание – это знание основных методов, например разложение сложной проблемы на части¹. Концептуальное знание в авторской интерпретации тоже имеет свойства декларативного, поскольку связано с пониманием категорий, принципов, моделей. К метакогнитивным знаниям относятся убеждения, описывающие когнитивные способности самого субъекта, например, «Я не очень хорош в математике». Можно предположить, что это знание тоже является декларативным и отличающимся от других декларативных только предметом обсуждения.

---

¹²³ *Green J.* Somatic knowledge: The body as content and methodology in dance education // *Journal of Dance Education*. 2002. Vol. 2(4). P. 114-118.

¹²⁴ *Marson D.* Conceptual models and guidelines for clinical assessment of financial capacity // *Archives of Clinical Neuropsychology*. 2016. Vol. 31. №6. P. 541-553.

¹²⁵ *Zack M. H.* Developing a knowledge strategy // *California management review*. 1999. Vol. 41. №3. P. 125-145.

¹²⁶ *Mayer R. E., Wittrock M. C.* Problem solving // *Handbook of educational psychology*. 2006. P. 47-62.

Впрочем, несмотря на это, практика выделения метакогнитивных знаний в отдельный вид достаточно распространена. К ним относят знания о познании в целом¹²⁷ и проведении познавательных процедур¹²⁸, а также структурно разделяют на знание стратегий, знание задачи и знание значимых индивидуальных переменных^{129,130}.

Вопрос о трудности вербализации знания положил начало ещё одному известному делению знаний, а именно – явным и неявным знаниям. История неявного знания обычно отсчитывается с М. Полани, утвердившего что «мы можем знать больше, чем сказать». В основе его эпистемологической концепции лежит положение о двух типах знания: явного и неявного. Под выражением «неявное знание» подразумевают все богатство знаний, которыми обладает человеческий разум, которые используются для совершения действий, но которые субъект не может вербализовать или может объяснить невнятно и с большими усилиями. Неявное знание противопоставляется «явному знанию», то есть знанию, которое было или может быть сформулировано, кодифицировано и зарегистрировано (также с использованием соответствующих технологий); как таковой его можно легко передать другим. Такое деление происходит по принципу доступности знания самому субъекту.

Полани пишет, что, принимая определенный набор предпосылок и используя их как интерпретативную систему, мы как бы начинаем жить в этих предпосылках, подобно тому, как живем в собственном теле¹³¹. Знание – это понимание, которое является личным актом и никогда не может быть заменено формальной операцией. Здесь необходимо разграничить два термина М. Полани: неявное знание и более широкое понятие личностное знание, которое имеет более тесную связь с когнитивными исследованиями, в отличие от объективного знания, значимого в исследованиях по философии науки. Таким образом, личностные знания могут быть явными и неявными.

---

¹²⁷ *Krathwohl D. R.* A revision of Bloom's taxonomy: An overview // *Theory into practice*. 2002. Vol. 41. №4. P. 212-218.

¹²⁸ *Pintrich P. R.* The role of metacognitive knowledge in learning, teaching, and assessing // *Theory into practice*. 2002. Vol. 41. №4. P. 219-225.

¹²⁹ *Flavell J. H.* Metacognition and cognitive monitoring: A new area of cognitive–developmental inquiry // *American psychologist*. 1979. Vol. 34. №10. P. 906.

¹³⁰ *Pintrich P. R.* The role of metacognitive knowledge in learning, teaching, and assessing // *Theory into practice*. 2002. Vol. 41. №4. P. 219-225.

¹³¹ *Полани М.* Личностное знание: на пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985. С. 95

Первичный интерес М. Полани – это философия науки, а точнее предположение, что даже в точных науках процесс познания связан с личной приверженностью познающего субъекта. С этой же позиции проблематику личного знания рассматривал румынский философ Л. Блага, который в продолжение этого подхода предлагает следующую типологию знания¹³².

Во-первых, знание разделяются на группы, метафорически названные Л. Благой «райскими» и «люциферианскими». Первые относятся к поиску рационального объяснения объекта познания. Это эмпирический тип знания, ориентированный на анализ и накопление фактов. Вторые выражают категорию «тайны», то есть это не проблема, которую нужно решить, а то, что нужно раскрыть как тайну. По сути, это знание не дает ответов или решений, а, наоборот, дает новые проблемы, новые сущности.

Во-вторых, Л. Блага отдельно рассматривает¹³³ «плюс-знание», то есть добавление новых фактов к уже существующим фактам в рамках принятых концепций и объяснений, «минус-знание», сталкиваясь с которыми мы обнаруживаем, что не можем понять их с помощью существующих методов, принципов и концепций, и «ноль-знание», при котором решение остается загадкой. Эта концепция имеет отношение к проблеме личных знаний, хоть и косвенное, поскольку при изучении знания предлагает рассматривать субъективную оценку, насколько новое знание способно встроиться в систему уже имеющихся знаний¹³⁴.

Д. Шон попытался отстоять убеждение, что неявные знания являются не просто неизбежным элементом познания, но и показателем знания: «компетентные практикующие обычно знают больше, чем могут сказать, и сами практикующие часто обнаруживают способность размышлять о своем неявном знании в процессе работы»¹³⁵. Когда мы занимаемся спонтанным, интуитивным выполнением действий повседневной жизни, мы демонстрируем наличие у нас знаний очень особым образом, и когда мы пытаемся выразить эти знания словами, то оказываемся в растерянности и предлагает явно неуместные описания.

---

¹³² Botez A. Michael Polanyi and Lucian Blaga as philosophers of knowledge // The Paideia Archive: Twentieth World Congress of Philosophy. 1998. Vol. 5. P. 13-18.

¹³³ Botez A., Allen R.T., Şerban H.A. Lucian Blaga: Selected Philosophical Extracts. Wilmington: Vernon Press, 2018. 178 p.

¹³⁴ Švec Vol. et al. Becoming a teacher: The dance between tacit and explicit knowledge. Brno: MUNIPress, 2017. 356 p.

¹³⁵ Schön D. A. The reflective practitioner. Hampshire: Arena, 1995. 390 p.

Здесь заметно, насколько размыты границы между понятием неявного знания и понятием интуиции. Само понятие неявного знания трудно четко определить, но можно предложить специфические характеристики: оно приобретается без поддержки окружающей среды; является процедурным; практически полезным; включает в себя когерентные связи между его предыдущими признаками¹³⁶; они не всегда доступны для самоанализа¹³⁷.

Г. Коллинс отметил, что термин «неявное знание» используется небрежно. Его идея состоит в том, чтобы показать, что термин «неявное знание» использовался для обозначения трех различных видов знаний, которые необходимо разделить. Известный пример навыка езды на велосипеде, который невозможно вербализовать, описать и передать при помощи слов, Коллинс определяет как соматическое неявное знание. Другое значение – относительное неявное знание, которое можно было бы сделать явным, но в этом нет специфической потребности. Показательный пример такого типа – это знание человека, как выглядит его мама, которое при необходимости можно изложить в виде объяснения, но намного эффективнее показать. Эти виды Коллинс считает фазами, при этом относительное описывается как слабое неявное знание, соматическое – среднее. Наиболее трудной фазой предлагается считать социальное неявное знание, которое отражает усваиваемые в процессе нахождения в социальной среде правила. Поскольку это зависит от значимого интерпретирующего измерения жизни, проживаемой в очень специфическом социальном контексте, неявное социальное знание не может быть объяснено в полной мере¹³⁸.

Ранее упомянутая концепция Л. Благи затронула вопрос о том, как новое знание соотносится с ранее имеющимися, и насколько новое знание способно встроиться в систему уже имеющихся знаний. Это важная тема для педагогического прочтения знания. Одно из распространённых определений знания в учебной педагогической литературе таково: знание есть «понимание, сохранение в памяти и умение воспроизводить основные факты науки и вытекающие из них теоретические обобщения (понятия,

---

¹³⁶ Sternberg R. J. et al. The ALL practical cognition framework // International Adult Literacy Survey: Measuring Adult Literacy and Life Skills: New Frameworks for Assessment. Ottawa: Minister of Industry, 2005. 408 p.

¹³⁷ Sternberg R.J. Epilogue: What do we know about tacit knowledge // Tacit knowledge in professional practice. London: Lawrence Erlbaum Associates. P. 231–236.

¹³⁸ Pinch T. Tacit knowledge and realism and constructivism in the writings of Harry Collins // Philosophia Scientiæ. Travaux d'histoire et de philosophie des sciences. 2013. №17-3. P. 41-54.

правила, законы, выводы и т.д.)»¹³⁹. Знания раскрываются после окончания обучения (или в другие сроки)¹⁴⁰, и в этом смысле для философского подхода к образованию и данной статье больший интерес представляют именно остаточные знания. Это не строгое научное понятие, то есть оно формально не определено, а сроки сохранения знания могут варьироваться от исследования к исследованию. Некоторые авторы рассматривают остаточные знания как результат обучения¹⁴¹, другие – как показатель мониторинга качества образования¹⁴², и оба из этих прочтений могут быть верными.

Исследовательские объекты «остаточное знание» и «утрата знаний» связаны друг с другом: содержание первого зависит от второго, но если первое мы можем только измерить, обычно на этапе получения высшего образования¹⁴³, то второе необходимо пытаться объяснить. Традиционно считается, что главным фактором утраты знаний у обучающихся являются длительны перерывы в обучении (каникулы, а в последние годы и перерывы, связанные с эпидемиологической обстановкой¹⁴⁴). Утрата знаний во время каникул является хорошо задокументированной проблемой в США¹⁴⁵. Но этот подход не кажется полностью правдоподобным. Даже повседневный опыт подсказывает нам, что память устроена несколько иначе и сложнее, чем переключение между повторением и забыванием (и более современные исследования подтверждают, что данное убеждение следует принимать осторожно¹⁴⁶¹⁴⁷¹⁴⁸). Другие причины – это когнитивная

---

¹³⁹ Виненко В.Г. Общие основы педагогики. Москва: Дашков и К, 2008. 297 с.

¹⁴⁰ Mitrofanova Y. S. et al. Modeling of residual knowledge estimation in smart university // Smart Education and e-Learning 2020. Singapore: Springer, 2020. P. 479-489.

¹⁴¹ Kornienko D. V. et al. The effectiveness of the pedagogical conditions for organizing the educational process using distance educational technologies at the university // Journal of Physics: Conference Series. IOP Publishing, 2020. Vol. 1691. №1. P. 012090.

¹⁴² Makarov S.I., Sevastyanova S.A. Information Modeling of the Students' Residual Knowledge Level // Digital Transformation of the Economy: Challenges, Trends and New Opportunities. Advances in Intelligent Systems and Computing. Vol. 908. NY: Springer, Cham, 2020. P. 502-509.

¹⁴³ Makarov S.I., Sevastyanova S.A. Information Modeling of the Students' Residual Knowledge Level // Digital Transformation of the Economy: Challenges, Trends and New Opportunities. Advances in Intelligent Systems and Computing. Vol. 908. NY: Springer, Cham, 2020. P. 502-509.

¹⁴⁴ Woodside J. M. Assessing Learning Loss // Society for Information Technology & Teacher Education International Conference. – Association for the Advancement of Computing in Education (AACE), 2021. P. 986-990.

¹⁴⁵ Cooper H. et al. The effects of summer vacation on achievement test scores: A narrative and meta-analytic review // Review of educational research. 1996. Vol. 66. №3. P. 227-268.

¹⁴⁶ Zhao Y. Build back better: Avoid the learning loss trap // Prospects. 2021. P. 1-5.

¹⁴⁷ Shinwell J., Defeyter M. A. Investigation of summer learning loss in the UK — implications for holiday club Provision // Frontiers in public health. 2017. Vol. 5. P. 270.

¹⁴⁸ Kuhfeld M. Surprising new evidence on summer learning loss // Phi Delta Kappan. 2019. Vol. 101. №1. P. 25-29.

перегрузка, низкое качество используемых дидактических материалов, проблемы с мотивацией и пр.

Однако, проблема утраты знания – это не исключительный интерес прикладной педагогики. Она, казалось бы, является эндемичной для образования, но в то же время становится одной из фундаментальных черт современной интеллектуальной культуры, поскольку последняя определяется как общество знаний¹⁴⁹. Образовательное пространство и виртуальное пространство жизнедеятельности сливаются¹⁵⁰, и особенности каждого из них меняются. Испанский философ Д. Иннерарити предложил сравнить современного человека с его древними предками. Предки знали немного, но все эти немногие знания определяли действия. Современный человек, напротив, наслаждается «странной привилегией бытия среди вещей, которые *вообще говоря познаны*, но не им самим»¹⁵¹. Если изолировать его от всемирной сети информации, как много знаний он обнаружит в себе? Очевидно, что нам не хватает способности преобразовывать имеющуюся информацию в знания, и если мы возьмём некое усредненное значение, то мир был намного понятнее для наших предков, чем для нас. Знания непрозрачны¹⁵², но не недоступны, и попытка их усвоить приводит к совершенно новому типу незнания – хорошо информированного неведения¹⁵³. Другой философ, Бернар Стиглер, утверждает, что общество находится в кризисном состоянии с точки зрения потери знания. От потери знания страдают одинаково как учителя, так и ученики, что он называет «депривацией знания»¹⁵⁴. Речь уже не идёт об изменении образования с учётом новых вызовов информационного общества, поскольку любые попытки сохранить монополию на передачу знаний за образованием будут систематически разрушаться родителями, «одержимыми смартфонами»¹⁵⁵, а также сверстниками, коллегами, незнакомцами из сети и так далее. Мы переживаем историческую

---

¹⁴⁹ Pushkarev Y. V., Pushkareva E. A. Fundamental knowledge in the continuous educational process: methodology and axiology of the problem // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin NSPU. 2016. Vol. 1. №29. P. 87-98.

¹⁵⁰ Пушкарёв Ю. В., Пушкарёва Е. А. Виртуализация социальной коммуникации в образовании: ценностные основания информационного развития (обзор) // Science for Education Today. 2020. Т. 10. №2. С. 73-90.

¹⁵¹ Innerarity D. Democracy of Knowledge. NY: Bloomsbury Publishing, 2013. 224 p.

¹⁵² Innerarity D. Making the black box society transparent // AI & SOCIETY. 2021. Vol. 3. P. 1-7.

¹⁵³ Innerarity D. Well-informed ignorance // Common Knowledge. 2015. Vol. 21. №2. P. 184-189.

¹⁵⁴ Stiegler B. The age of disruption: Technology and madness in computational capitalism. Medford, MA: Polity Press, 2019. 380 p.

¹⁵⁵ Bradley J.P.N., Kennedy D. Stiegler as philosopher of education // Educational Philosophy and Theory. 2020. Vol. 52. №4. P. 332-336.

революцию в обучении, и вести речь остаётся только о «фармакологии технологий», что автор понимает как использование «яда технологий в терапевтических целях»¹⁵⁶. В размышлениях Б. Стиглера очевидна неприязнь к технологиям, метафоры «яд», «фармакология», «терапия» предлагают оценивать их как некую патологию в организме социальной культуры. Он, с одной стороны, указал на действительно серьёзные изменения, когда представил своё видение проблемы утраты знания. С другой стороны, информационные технологии сами по себе не являются участниками отношений, и то, как человечество их использует, зависит всё же от самого человечества. В данной работе предлагается взглянуть на эти обстоятельства под иным углом: возможно ли, что есть нечто в самих знаниях, или в процессе того, как они осваиваются человеком, что может объяснить природу утраты знаний? Независимо от того, изменился ли познавательный «режим» от технологий или нет, в самом процессе приобретения знаний должны быть какие-то элементы, которые способны дать этому объяснение.

В отличие от эпистемологических трактовок знания¹⁵⁷, в педагогике это понятие тематизируется через идеи передачи и усвоения¹⁵⁸, а следовательно, и через идею способности обучающегося воспроизводить знание. Необходимо отметить, что такая способность в образовании существенна во всех областях знания, даже в тех, что в конечном счёте узко ориентированы на практику. К примеру, никто не допустит хирурга к операции или командира воздушного судна к управлению самолётом, если тот не способен устно воспроизвести что-то, подтверждающее у него наличие необходимых знаний. Более того, независимо от области познания, способность воспроизвести информацию остаётся единственным методом проверить наличие этого знания у субъекта. Продолжая ранее приведённые примеры, отметим, что можно не владеть техникой управления самолётом, не иметь подобного опыта, однако в совершенстве владеть знанием о том, как это делается (в противном случае отсутствовала бы потребность в учебных симуляторах). Знание отлично от умений и навыков, в совокупности дающих компетенцию, следовательно является

---

¹⁵⁶ *Bradley J.P.N.* On the Gymnastics of Memory: Stiegler, Positive Pharmacology, and Illiteracy // *New Zealand Journal of Educational Studies*. 2021. Vol. 56. P. 1-18.

¹⁵⁷ *Mayer B. O. et al.* Знание, навыки, компетенции: эпистемологический анализ // *Science for Education Today*. 2019. Vol. 9. №2. P. 67-79.

¹⁵⁸ *Гурко Л. В.* Образ знания в современном обществе // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал*. 2009. №2. С. 45

компонентом, и единственным из доступных нам маркеров наличия знания является и остаётся язык. Однако, «единственный» не означает «надёжный». Здесь правомерно задать вопрос о том, является ли способность воспроизвести «основные факты... и обобщения...» действительно показателем наличия знания.

Связь между элементами «S знает p» и «S способен воспроизвести основные факты науки и вытекающие из них теоретические обобщения относительно p» является двусторонней. Не вызывает сомнения высказывание «знает, следовательно, способен воспроизвести». Большой интерес представляет вопрос о том, значит ли это, что способность воспроизвести подтверждает наличие у субъекта знания.

Представим двух учеников, отвечающих на один единственный вопрос «Какой заряд имеет протон?». Оба из них отвечают «положительный», однако, один из учеников не может объяснить, что такое протон и заряд, но запомнил, что на уроке учитель говорил, что протон имеет положительный заряд. Допустим, он может устно воспроизвести определение протона и заряда, но лишь в той степени, в которой может повторить текст песни на неизвестном ему иностранном языке или известное стихотворение Л. Кэрлла «Варкалось. Хливкие шорьки...». Проще говоря, он способен воспроизвести слова, связанные с искомым знанием, в правильном порядке. Есть ли у наблюдателя возможность определить, о ком из двух учеников идёт речь? Очевидным решением кажется увеличение количества уточняемых вопросов, но поскольку это мысленным эксперимент, то представим, что на любой вопрос студент пользуется аналогичными «паролями», то есть фразами, которые попросту «пропускают» его на «следующий уровень» беседы без необходимости что-либо понимать.

Описанный пример является типичной «китайской комнатой» Дж. Сёрла¹⁵⁹. Напомним, что в его эксперименте речь идёт о человеке, не знающего китайского, которого заперли в комнате с набором карточек с иероглифами и инструкцией на его родном языке, сообщающей, в какой последовательности необходимо показывать карточки с иероглифами людям за стеклом. Эти правила, если их неукоснительно соблюдать, позволяют удовлетворительно ответить на все возможные вопросы,

---

¹⁵⁹ Сёрл Дж. Р. Сознание, мозг и программы // Аналитическая философия: Становление и развитие: Антология / Общ. ред. и сост. А.Ф. Грязнов. М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. 528 с.

которые получает испытуемый. Тот, кто находится за пределами комнаты и видит грамотно сформулированные ответы на китайском языке, убеждён, что внутри комнаты находится человек, знающий китайский язык. Ряд педагогов сравнивает китайскую комнату с школьным кабинетом математики, где студенты механически использовали «бессмысленные» (для них) математические символы, что одновременно как демонстрировало знание, так и подразумевало их отсутствие^{160,161,162}.

Для теоретиков искусственного интеллекта основным вопросом является переход от программ, действующих по заданному алгоритму, к программам, анализирующим и принимающим осознанные решения самостоятельно. Для педагогики же этот эксперимент показателен тем, что воспроизведение информации и знание не являются синонимами, а видимость понимания не всегда приравнивается к действительному пониманию. Воспроизведение информации является в прямом смысле алгоритмом действий (в описанных случаях – коммуникационных), которые совершенно не обязательно понимать: и ученик, и человек в китайской комнате, и обычная компьютерная программа руководствуются жёсткими правилами «если А, то Б, иначе В», где «В» может содержать правило «Если Г, то Д, иначе Е» и так далее. Знания этих носителей – это «колесо, которое крутится, хотя ничто иное вместе с ним не движется», и такое колесо не является частью механизма¹⁶³. Приведённая цитата принадлежит Л. Витгенштейну, и его позиция в этом вопросе прозрачна: знания образуют некоторую систему наподобие механизма из зубчатых колёс, функция которых должна проявляться при оперировании словом¹⁶⁴.

Витгенштейн очень мало говорил о процессе обучения напрямую, однако, когда мы подчёркиваем роль языка как инструмента оценки знания, мы допускаем подобное прочтение, поскольку именно обыденный язык является ключевым элементом для аналитической философии образования¹⁶⁵. В то же время, известно, что он имел опыт работы в сельской школе, и вполне вероятно, что это сыграло роль в его исследованиях

---

¹⁶⁰ *Gavalas D.* From Searle's Chinese room to the mathematics classroom: technical and cognitive mathematics // *Studies in Philosophy and Education*. 2007. Vol. 26. №2. P. 127-146.

¹⁶¹ *Deslauriers W. A.* Math and the Chinese Room. Technical Report 2006-08. // *Cognitive Science Technical Report Series*. Department of Cognitive Science. 2005. №2005-12. 21 p.

¹⁶² *Ganem J.* Why Our Kids Don't Get Math // *The Robot Factory*. NY: Springer, Cham, 2018. P. 69-90.

¹⁶³ *Витгенштейн Л.* Философские исследования. Москва: Издательство АСТ, 2018. С. 149.

¹⁶⁴ Там же, с. 224.

¹⁶⁵ *Stickney J.* Wittgenstein's Relevance to Philosophy of Education: personal reflections on meaningful uses of post-foundationalism // *Educação & Realidade*. 2020. Vol. 45. №3. e106759.

познавательных процессов. Он демонстрирует, что знание – это описание, сопряжённое с психологическими условиями и условиями внешней среды, они частные и, следовательно, недоступные для обмена с остальными людьми, за исключением их выражения в языке¹⁶⁶, но в рамках концепции языковых игр.

Философ искусственного интеллекта Э. Юдковский поддерживает аналогичную позицию, утверждая, что один из способов отличить знание от простого воспроизведения информации «по заданному алгоритму» – это задать вопрос: «смогу ли я восстановить это знание, если оно почему-то исчезнет из моей головы?»¹⁶⁷. Чем обширнее имеющийся механизм, чем больше деталей в нём «работает». Во-первых, поскольку новая или утраченная информация может частично извлекаться из имеющейся. Во-вторых, тем очевиднее для субъекта оказываются пропуски, недостающие элементы, и тем проще, – по принципу мозаики, – встраиваются «правильные» детали и не встраиваются детали, откровенно не подходящие.

В данной работе предлагается применить подход к оценке знаний, следующий из трёх представленных моделей. Таким образом, мыслительные эксперименты, существующие в области философии языка и философии искусственного интеллекта, предлагается перенести в пространство образования. Однако, сделаем предварительно замечание. Здесь и далее слово «механизм» автор использует в качестве аллегории, временного понятия, не придерживаясь идеи интерпретации познавательной деятельности человека к какой-либо механической модели в прямом смысле.

Рассмотрение процесса приобретения и оценки знаний через идею «механизма» Л. Витгенштейна и Э. Юдковского имеет спорные моменты. Главное затруднение связано с такими областями знаний, которые в большей степени ориентированы на запоминание. Например, если мы утратим в памяти знание о том, что на итальянском языке «дверь» – это «porta», то никакое другое знание слов итальянского языка не позволит нам восстановить утраченную «деталь механизма». Другой аналогичный пример – это знание, что «буква Г является четвёртой буквой

---

¹⁶⁶ Dourado L.B., Lopes C.E., Pompermaier H.M. O Besouro na Caixa de Skinner // Psicologia: Teoria e Pesquisa. 2021. Vol. 37. e37221.

¹⁶⁷ Yudkowsky E. Rationality: From AI to Zombies. Berkeley: Machine Intelligence Research Institute, 2015. P. 120.

русского алфавита». Аналогичные замечания были сформулированы комментариями к публикациям Э. Юдковского на авторском портале «LessWrong». Однако, эти замечания не вполне корректны.

Для начала необходимо задать вопрос о том, что именно должно считаться элементами «механизма» знаний. Действительно, перевод на итальянский язык таких слов, как, например, «окно» или «стена», никак не поможет восстановить знание слова «дверь». И всё же, это не противоречит здравому смыслу: решая задачу по переводу слова «дверь» на иностранный язык мы занимаемся не строительством, а лингвистикой, следовательно, механизм должен быть лингвистическим. Если же рассматривать язык как один элемент, и добавить в пример знание того, что в родственных испанском, португальском и французском языках дверь обозначается «puerta», «porta» и «porte» соответственно, то функции «механизма» оказываются восстановлены. Аналогично знание болгарского, украинского, белорусского алфавитов решает пример с четвёртой буквой, как и знание истории кириллицы. Это решение рабочее, но мало связано с действительностью познавательных практик, поскольку очень малая часть людей (если такие вообще есть) знает о порядковом номере буквы русского алфавита через сравнение с алфавитами родственных языков. Однако, и это замечание никак не разрушает основы изложенного подхода, даже наоборот – именно поэтому очень малая часть людей (если такие вообще есть) смогут восстановить знание о том, что «буква Г является четвёртой буквой русского алфавита», из имеющихся знаний, если утратят его. Можно предложить и более простое решение: если некто знает общее число букв в алфавите и знает порядковый номер всех букв, кроме Г, то он без труда может восстановить утраченное знание из имеющихся.

Получается, для анализа знания в рамках описанного подхода необходимы определённые условия, и первое из них таково: знание встраивается только при наличии соответствующего «механизма», в противном случае «ничто иное вместе с ним не движется». Теперь попробуем вывести главную мысль из сложившегося аллегорического аппарата. Представленный в работе подход делит всё множество приобретаемых в процессе обучения знаний на две группы. Знания первой группы гипотетически могут быть включены в соответствующую систему знаний индивида, где элементы связаны по смыслу, то есть субъект обладает необходимым запасом информации, чтобы в дальнейшем вновь воспроизвести это знание самостоятельно. При том, связей должно быть

несколько, одна часть из них должна носить причинный характер, а другая следственный. Вторая группа – это невключенные знания, которые не получают связей с другими знаниями и хранятся в памяти изолированно.

Кажется, что именно о проблеме невключённых знаний говорил Э. Юдковский, выступая с критикой литературоведческих высказываний. Пример, который автор приводит для объяснения своей позиции, таков: «...если секундная стрелка часов стоит на числе 12, когда ты бросил шар, то ты ожидаешь увидеть её на числе 1, когда ты услышишь грохот пять секунд спустя <...>. Или, скажем, учитель литературы говорит тебе, что знаменитый писатель Вилкинсен — «пост-утопист». Что изменилось в твоих ожиданиях по поводу его книг в свете этой новой информации? Ничего. Но, тем не менее, лучше запомнить о связи между Вилкинсеном и атрибутом «пост-утопист»: тогда ты сможешь воспроизвести это на будущем экзамене. Если же сообщат, что «пост-утописты» показывают «охлаждение колониальных чувств», и автор письменного теста спросит, показывал ли Вилкинсен охлаждение колониальных чувств, то стоит ответить утвердительно».

Вряд ли можно безоговорочно согласиться с такой позицией. Приведённые убеждения, хоть и не связаны ни с каким ожидаемым опытом, связаны друг с другом. Знание того, что автор литературного произведения является пост-утопистом всё же сообщает о том, что его сочинения демонстрируют скептицизм по отношению к утопическим идеалам, что события происходят в определённом мире, что содержание сковано определённым посылом, то есть идея не лишена смысла и эта информация вполне способна изменить ожидания и поведение субъекта. Заметим также, что для простого школьника, проходящего общие курсы физики и химии, и не очень увлечённого этими предметами, высказывания будут иметь абсолютно такой же характер, как и в примере с пост-утопистами: атомы и молекулы не отражены в прямом чувственном опыте. В том случае, когда мы не выполняем никакие научные работы, знание «атом имеет ядро» имеет ровно столько же последствия в виде прямого чувственного ожидания, сколько и знание «пост-утописты выражали охлаждение колониальных чувств», то есть нисколько.

Однако, этот пример позволяет увидеть важную для изучения знания деталь: чем меньше изменений в чувственных ожиданиях приносит знание, тем сложнее оно включается в условный «механизм». Даже связанность убеждений не способна преодолеть трудности, возникающие с моделями

«невидимого». Здесь уместно вспомнить рассуждения Шерлока Холмса о том, что знание открытия Коперника – бесполезная информация, засоряющая мозг, поскольку в жизни человека она не меняет ровным счётом ничего.

Ещё одна принципиально важная деталь проблемы включённости знания, – это психоэмоциональная сторона знания. Обратим внимание на то, что научное знание не всегда вплетается в повседневное сознание человека, как бы не была безупречна его доказательственная база. С некоторыми из знаний человечество состоит в тесной психоэмоциональной связи, с иными этой связи нет. Например, если к вечеру будет объявлено, что на самом деле не две, а три мембраны составляют оболочку митохондрии, то вряд ли за этим последует революция общественного сознания. Однако, если открытие будет затрагивать обнаружение у какого-нибудь животного, к примеру, у австралийских квокк, развитых нейронных функций и сопоставимой с нашей способности к мышлению, ранее нам неизвестной из-за отсутствия у человечества общего с квокками языка, то вряд ли мы сохранили бы безразличие. Казалось бы, почему? Ведь знания об устройстве собственного организма должны бы иметь более высокую значимость для сохранения человеческого рода, чем какие-либо способности каких-либо других видов. В чём разница посылов этих высказываний? Чем определяется трудность их принятия в качестве индивидуального знания?

Возможно, есть некоторый критерий, по которому все знания можно распределить между двумя областями. На одном конце находятся те, существенные изменения которых пройдут незаметно для обывателя. На другом – те, мельчайшие уточнения в которых оборачиваются тревогой и моральной паникой. Можно сказать, что это психологическое измерение категории включённого знания. Насколько бы образованными мы не были, мы не мыслим себя как совокупность митохондрий, как сложную нервную систему. Правильнее сказать, что знание о себе как о совокупности клеток не является символической ценностью человека.

Примеры для знаний, к которым человек чувствителен на нравственном уровне, известны в истории и философии науки

как революции сознания¹⁶⁸¹⁶⁹¹⁷⁰. Традиционно упоминаются коперниканская, дарвиновская и фрейдовская революции. Первая из них вызвала изменения в том, как человек понимал своё место в этом мире: он перестал быть центром вселенной и должен был отказаться от своей исключительности в масштабах вселенной. Дарвиновская революция показала, что человек не только не центр вселенной, но и не центр биологического царства, и человечеству вновь потребовалось критически переосмысливать своё место в природе, принять новую мировоззренческую систему и качественно новую онтологическую роль в ней. В третьей революции сознания человечеству пришлось признать новое поражение: даже в пределах собственных мыслей ему не всё подвластно. Человеческая натура приравнялась к натуре животной: движущей силой поведения являются неосознаваемые инстинкты, и это биологическое начало сказывается на всех ментальных процессах личности. Все эти события, выражаясь аллегорически, объединяет посягательство правды на «честь и достоинство человека в глазах вселенной», на беспрецедентно грубое лишение человечества своего венца, и всё это сделано руками самих же людей. В эту схему встраивается и наш гипотетический случай с мыслящими квокками: после фрейдовской революции из уникального у человека осталось только одно, а именно его интеллект, рассудок. И дело не только в новых экзистенциальных поисках, но и в повседневной жизни: необходимость разделить интеллектуальное первенство мироздания с другими существами изменила бы не только школьные учебники, но всю культуру, нрав, быт человечества.

Поскольку в данной работе мы говорим об эпистемических состояниях вообще, а не особенностях научного или обывательского сообщества, следует подчеркнуть, что эмоциональная и нравственная «комфортность» знания является универсальной чертой человека. Для этого можно обратиться к примерам, когда данная форма знания прослеживалась у представителей экспертного сообщества. Например, к тому, что открытие У. Харви функций сердца настолько трудно принималось современниками, привыкшими к античной модели Галена, что многие согласились

---

¹⁶⁸ Степин В. С. *Философия науки. Общие проблемы*. М.: Гардарики, 2006. 384 с.

¹⁶⁹ Weinert F. *Copernicus, Darwin, and Freud: Revolutions in the history and philosophy of science*. John Wiley & Sons, 2009. 296 p.

¹⁷⁰ Floridi L. *The Fourth Revolution in our Self-Understanding // Philosophy, Computing and Information Science*. London: Pickering and Chatto, 2014. P. 19-29.

«продолжать ошибаться с Галеном, нежели обнародовать истину с Харви»¹⁷¹. Известны как минимум две фигуры, сохранившие слепую преданность Галену: Бартоломео Евстахий¹⁷² и павийский профессор Алессандро Массариа¹⁷³. Оба они были выдающимися учёными, оставившими свой вклад в развитии медицины, несмотря на отречение от знания, диктуемой научным прогрессом, и решения придерживаться «комфортного знания». Похожей историей совсем недавно поделилась П. Черчленд: на одной из конференций по нейробиологии сознания один из философов воскликнул «Я ненавижу мозг!», тем самым выразив свою неспособность принять совершенно новые правды относительно его же собственной природы¹⁷⁴.

Существуют знания, вызывающие чувство гордости или собственного достоинства, то есть знания, которые «приятно знать». К примеру, идеи, связанные с торжеством справедливости дают нам успокоение и психологическую защиту от экзистенциального шока, это своеобразное знание-снотворное, которое может использоваться обывателем даже в том случае, если он сам осознаёт уровень недоверности. Другие такие неформальные знания могут в лучшем свете выделять одних людей среди других, например, быть потомком Достоевского или жить в лучшем из городов. Известно, что чем больше знаний становится доступно обществу, тем больше случаев воинствующей уверенности в ложных знаниях¹⁷⁵. Человеческий разум мыслит более ясно, когда он не перегружен множеством мнений, гипотез, предположений, и такая перегрузка способна заставить человека воинствующе защищать ложные убеждения, — обстоятельства, совершенно редкие для цифрового общества.

Можно заключить, что есть ряд знаний, уточнение и изменение которых проходит без трудностей. Например, количество мембран у митохондрии. Другие же знания сохраняют устойчивость, независимо от степени их опровержения. Устойчивость знаний может подкрепляться исторически сложившимися взглядами на окружающий мир, когда знание

---

¹⁷¹ Wright T. William Harvey – A Life in Circulation. New York: Oxford University Press, 2012. P. 15.

¹⁷² Rupert Hall A. The revolution in science 1500-1750. London: Routledge, 2014. P. 49.

¹⁷³ Baas J. H., Handerson H. E. Outlines of the History of Medicine and the Medical Profession. New York: Vail, 1889. P. 407.

¹⁷⁴ Churchland P.S. Touching a nerve: the self as brain. London: W.W. Noerton & Company, 2013. P. 13

¹⁷⁵ Руссо Ж.-Ж. Замечания Ж.-Ж. Руссо, гражданина Женевы, по поводу ответа на его Рассуждение / Педагогические сочинения: В 2-х V. V. 2. Под ред. Г. Н. Джибладзе; сост. А. Н. Джурицкий. М.: Педагогика, 1981. 336 с.

не просто описывает какой-то фрагмент действительности, но и само по себе становится культурной ценностью.

Идея комфортности отличает психологический подход от эпистемологии, логики и философии науки, в которых обычно уделяется подобное внимание понятию знания. А.М. Дорожкин отмечает, что различные элементы знания, даже откровенно противоречивые, все же могут образовывать некое, пусть не устойчивое, единство. Сила, скрепляющая их в это единство, напрямую связана с познавательным комфортом: «Допустим, мое наличное знание содержит элементы обыденного и естественно-научного знания. Допустим также, что я получил некую новую для меня ин формацию из области физики. При этом в реакцию обналичивания этого нового и пока аномального для меня знания вступает не все мое наличное знание, но лишь его естественно-научная часть, подобно тому, как в процессе фагоцитоза не весь мой организм будет занят обработыванием занозы»¹⁷⁶. Хотя А.М. Дорожкин не обращается к понятию «комфортного знания» напрямую, эта идея чётко прослеживается в некоторых его аналогиях: «Если же наличное знание «заразилось» новым, то эта модель предполагает «борьбу с заразой», то есть уничтожение нового знания. В случае поражения «заразой» всего наличного знания (то есть выздоровления — возврата к старому наличному знанию не происходит), последнее «перерождается» целиком в новое. <...> В рамках этой модели предполагается формирование нового знания, когда оно с самого начала является не просто инородным (как заноза), но чужеродным, то есть мы с самого начала определяем его как некий антипод наличного, но, тем не менее, не можем его отторгнуть. В силу ряда обстоятельств, мы обязаны иметь его в своей структуре, но не растворять их в последней»¹⁷⁷. Рассмотренные в работе модели знаний-заноз или знаний-родинок не предполагают под самим знанием ничего, кроме дискомфорта его «носителя», то есть раскрывают сложную систему связей между знаниями внешними и знаниями внутренними, а также особым психическим отношением субъекта к его содержанию.

---

¹⁷⁶ Дорожкин А.М. Модели трансляции знания // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2004. № 1(3). С. 412.

¹⁷⁷ Дорожкин А.М. Модели трансляции знания // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2004. № 1(3). С. 413-414.

Таким образом, если объединить все рассмотренные концепции, можно классифицировать рассматриваемые эпистемические состояния убеждения следующим образом.

1. По наличию опыта:

- априорные;
- апостериорные.

2. По характеру знания:

- декларативное/фактическое (знание, что);
- концептуальное/стратегическое (доопытное знание как);
- процедурное (знание, как);
- условные (знания, когда).

3. По возможности вербализации:

- явные (можно выразить при помощи слов);
- неявные (невозможно выразить при помощи слов);
- относительное неявное знание (гипотетически можно выразить при помощи слов, но процесс затратен, а результат неэффективен).

4. По принципу структуры имеющихся знаний:

- плюс-знания (добавляется к уже имеющимся убеждениям);
- минус-знания (не соотносятся с имеющимися убеждениями, нужно перестраивать);
- ноль-знания (не очевидно, как следует перестраивать имеющиеся убеждения).

5. По психоэмоциональной связи:

- устойчивые (субъекту важно, что убеждение истинно);
- неустойчивые (субъекту безразлично, является ли убеждение истинным).

1.3 Состояния незнания как эпистемические состояния

Поскольку одной из особенностью данной работы является анализ эпистемических состояний в контексте цифрового общества, то необходимо обратить внимание ещё на один аспект, позволяющий типологизировать знание, а именно на феномен «гуглизации» знания.

Считается, что Сократу принадлежат слова: «Я знаю, что ничего не знаю». Современный человек не знает и этого, ведь возможности, которые даёт интернет, приводят к тому, что «знать» можно практически всё. Субъекты цифрового общества, как в сократическом диалоге, постоянно задают вопросы, но почти не ведут дебатов и, вместо поиска ответа в сущности интересующего их явления, получают доступ ко всем когда-либо написанным по этому поводу комментариям. Вопросы стали запросами, а ответы – данными, которые вовсе не влекут за собой новых, более глубоких вопросов. Иными словами, мы говорим об обществе знаний, указывая на неорганизованный, спонтанный поток информации, и о самих знаниях, уравнивая их со сбором информации.

Субъекты информационного общества не столько жаждут понимания вещей, сколько доступа к пониманию «до востребования». В одном из исследований¹⁷⁸ «гуглизации мышления», то есть провоцируемых поисковыми системами следствий когнитивных процессов, группы респондентов должны были отвечать на разные вопросы, в том числе при помощи подсказок из интернета или без возможности проверить свой ответ. По результатам авторами был сделан вывод, что точное воспроизведение ответа из интернета, даже ошибочное, вызывало в респондентах чувство гордости, в то время как собственных знаний всегда было недостаточно для выражения уверенности в их достоверности. Это наблюдение подталкивает к вопросу: если изолировать нас от всемирной сети информации, как много мы обнаружим в себе?

Допустим, что знания «гуглизованного мышления» – это всё же знания, и их можно исследовать наравне со знаниями, которыми субъект обладает в традиционном смысле этой фразы. В данной работе эти «традиционно» понимаемые знания будем называть «автономными», то есть независимыми от каких-либо внешних источников и локализованные в биологической системе субъекта. Те знания, которые зависят от подключения к сети,

---

¹⁷⁸ Ward A.F. One with the Cloud: Why People Mistake the Internet's Knowledge for Their Own. Cambridge: Harvard University, 2013. P. 12-13.

назовём «трансактивными» по аналогии с тем, как этот термин используется в когнитивной психологии для описания идентичных явлений. Однако, даже такое простое деление встречает ряд затруднений.

Обратим внимание на ещё один эксперимент¹⁷⁹, результатом которого стало следующее заключение: активным интернет-пользователям свойственно не столько запоминать информацию, полученную из глобальной сети, сколько запоминать место в киберпространстве, откуда эту информацию можно извлечь. Это, пожалуй, может стать одним из принципов теоретизации трансактивных знаний в условиях информационного общества. Прежде полагалось, что трансактивная память объясняет, как одни люди полагаются на воспоминания других людей и как распределяется информация в устойчивых социальных связях (вроде семейных)¹⁸⁰. Вопрос о природе этого явления задаётся и в психологии, и в философии сознания. Так, например, основные положения истории об Отто и Инге, представленной у А. Кларка и Д. Чалмерса¹⁸¹, схематично воспроизводятся и у теоретиков трансактивной памяти¹⁸² хотя авторы и не используют общую терминологию.

Совершённое допущение – одна из форм гипотезы расширенного сознания, которая включает в когнитивную систему человека внешние артефакты, регулярно используемые для решения умственных задач¹⁸³, перцептивная система субъекта вовлекает в себя мир, а не представляет модели независимого от ума мира¹⁸⁴. Для иллюстрации этого положения зачастую описывают образ человека с записной книжкой, которая так часто им используется, что стала ничем не уступающей памяти частью механизма хранения информации¹⁸⁵. Если всё же включить в эту схему современные информационные технологии, что вполне допустимо для выбранной

---

¹⁷⁹ Sparrow B., Liu J., Wenger D. M. Google effects on memory: Cognitive consequences of having information at our fingertips // *Science*. Vol. 333. № 6043. 2011. P. 776-778.

¹⁸⁰ Wenger D. M., Erber R., Raymond P. Transactive memory in close relationships // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1991. Vol. 61. № 6. P.91

¹⁸¹ Clark A., Chalmers D. The Extended Mind // *Analysis*. 1998. № 1. P. 7–19.

¹⁸² Wenger D. M., Erber R., Raymond P. Transactive memory in close relationships // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1991. Vol. 61. № 6. P. 91.

¹⁸³ Левин С. Расширенное сознание и каузальный статус деятелей // *Журнал «Логос»*. 2017. Т. 26. №5. С. 233

¹⁸⁴ Clark A. *Surfing Uncertainty: Prediction, Action, and the Embodied Mind*. Oxford: Oxford University Press, 2015. P.195

¹⁸⁵ Левин С. М. Коллективное сознание и десубстантивация ментального // *Мысль: Журнал Петербургского философского общества*. 2015. Т. 18. С. 149.

теории¹⁸⁶, то окажется, что записи в эту книжку делает не только её хозяин, но ещё несколько миллиардов человек, и её содержание вряд ли можно ограничить даже самой подробной энциклопедией. Именно поэтому применение гипотезы необходимо уточнить.

Во-первых, внешние компоненты когнитивных систем должны отвечать требованию о регулярности взаимодействия¹⁸⁷. Выходит, говорить стоит не о веб-пространстве в целом, но о тех его зонах, в которых пользователь достаточно свободно ориентируется. Например, Иван и Анна оба пользуются интернетом во время написания работы по истории и оба используют в качестве источника онлайн-курс их лектора. Анна не знает даты гражданской войны во Вьетнаме и потому спешно просматривает курс в поисках нужной информации. Иван уже несколько раз просмотрел этот курс и точно помнит, что даты представлены в начале второй лекции, поэтому открывает нужную лекцию и находит информацию зная, где именно её искать. Гипотеза расширенного сознания применима только к случаю с Иваном: его знания являются трансактивными, в то время как пример с Анной – это пример простого отсутствия знания. Это уточнение позволяет нам избежать установления равенства между знаниями пользователей и всем содержимым интернета, которое они потенциально могут использовать. Замечание похожего рода высказано и П. Смартом в «Веб-расширенном сознании»¹⁸⁸: википедия, разумеется, намного доступнее, чем бумажная версия энциклопедии, но избыточность информации на каждой из страниц приводит к тому, что получение необходимой информации требует времени и усилий, следовательно, Википедия не может рассматриваться как элемент когнитивных структур личности.

Во-вторых, как было показано в двух упомянутых выше экспериментах, существует некоторое противоречие в оценке автономного и трансактивного воспроизведения знаний. Здесь интуитивно чувствуется связь гипотезы расширенного сознания с чем-то вроде эпистемического доверия. Однако, чтобы это установить, необходимо обозначить исходную

---

¹⁸⁶ Винник Д. В. Сознание за пределами мозга истоки аргументации радикального экстернализма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2010. №2 (10). С. 134-135.

¹⁸⁷ Левин С. Расширенное сознание и каузальный статус деятелей // Журнал «Логос». 2017. Т. 26. №5. С. 233.

¹⁸⁸ Smart P. R. The Web-Extended Mind // Metaphilosophy. 2012. Vol. 43. №4. P. 446-463

точку размышления: как изменится ситуация, если Отто заменит блокнот на цифровой дневник?

Представим, что ранее упомянутые Иван и Анна идут в тот же музей, что Отто и Инга. Как и в оригинальном мысленном эксперименте Э. Кларка и Д. Чалмерса¹⁸⁹, Инга помнит адрес, а Отто испытывает с этим трудности и заносит его в блокнот. Иван тоже не обладает надёжной памятью, поэтому открывает социальные сети и отправляет Инге сообщение с просьбой указать адрес, что она и делает. Теперь адрес хранится в его личных сообщениях. Анна также не способна запомнить адрес, но она и не испытывает в этом потребности, поскольку она планирует воспользоваться навигатором, как только доберётся до города, а для этого ей потребуется только внести в программе слово «музей» и следовать указаниям голосового помощника. Для совершения этой операции Анне достаточно информации о том, что она пойдёт в конкретный музей, не больше. Очевидно, что в данном случае Анна знанием адреса не обладает и полагает, что, если в навигаторе была бы ошибка, обманутые пользователи сообщили бы в поддержку, поэтому риск заблудиться очень невысок. Так второе условие (условие надёжности) можно считать выполненным. Однако, Анна полагается на технического партнёра, тем самым иллюстрируя распределение трансактивной памяти: если поменять навигатор на Ивана, который сопроводит Анну к музею, ей также не потребуется знать адрес и количество её знаний не изменится. Выходит, внешний источник – это уже не просто источник, а деятель, который полностью берёт на себя и получение знания, и совершения действия, для которого потребовалось это знание. Поскольку перемещение Анны в пространстве под указаниями навигатора не является когнитивным актом, а всю прочую работу взял на себя технический деятель, то от самой Анны вообще не потребовалось совершения умственных операций.

Интересно, что мысленный эксперимент с Иваном и Анной выявляет не только пример совершения действий без требуемых для этого знания, но и пример того, как можно иметь знания, но «не знать их», иными словами – находиться в эпистемическом состоянии знания без наличия знания как такового. Так, когда Иван читает сообщение от Инги, то всякая интересующая нас разница между ним и Отто исчезает. Однако, вплоть до этого момента Иван, имеющий одно непрочитанное сообщение от Инги

---

¹⁸⁹ Clark A., Chalmers D. The Extended Mind // *Analysis*. 1998. № 1. P. 7–19.

с адресом музея, также не обладает знанием, хотя имеет основания полагать, что оно у него есть. Этих оснований может быть несколько, как минимум три:

- (1) он обратился к Инге с просьбой прислать адрес,
  - (2) он знает, что у него есть одно непрочитанное сообщение от Инги,
  - (3) он не прочитал, но визуально оценил поступившее сообщение и понял, что это адрес, поскольку оно начиналось со слов «ул.» и имело цифры в конце сообщения,
- но всё равно он не знает адрес.

С точки зрения теории трансактивной памяти, такое эпистемическое состояние не является чем-то исключительным. Стоит лишь заменить навигатор Анны на живого человека, и описанные события не будут выделяться из целого ряда аналогичных историй, представленных в психологической и философской литературе: один знает последовательность компонентов детали, другой – последовательность их соединения, в совокупности они владеют одним знанием¹⁹⁰ (самый известный пример распределения знаний – это распределение знаний о корабле среди членов экипажа корабля). И здесь уже просматривается искомая разница между тем, как знал Сократ, и тем, как знает субъект современного общества: разница в количестве таких «когнитивных партнёров», локализованных за биологическими пределами организма. В конце концов, факт того, что Сократ выступал против письменности, превращает его в фигуру, абсолютизирующую автономность знания. «Сократическое знание», пожалуй, становится не единственной формой знать в условиях глобализованной культуры знания: записывать, вести тетради и фиксировать информацию «на потом» – всё это стало навыком дошкольного уровня, не говоря о темпах развития информационно-технической грамотности у поколений, не заставших мира до интернета. Иными словами, «сократическое знание» – это образ знания, которым человек владеет без фиксации на каких-либо внешних по отношению к сознанию носителях. Но «кларковское знание», несмотря на распространённость и даже некоторую естественность для человека цифрового общества, что мы показали мысленными экспериментами, формально знанием вообще не является, а потому соответствующее ему

---

¹⁹⁰ Nevo D., Wand Y. Organizational memory information systems: a transactive memory approach // Decision support systems. 2005. Vol. 39. №4. P. 549-562.

эпистемическое состояние можно классифицировать как состояние незнания.

Очевидный интерес для целей настоящей работы предоставляет дискуссия по определению места состояния неведения в системе эпистемических состояний, сложившаяся в рамках вероятностного подхода в эпистемологии. В его основе которого лежит «вероятностная оценка возможности случайных событий, правдоподобных суждений, гипотез и прогнозов»¹⁹¹, при этом любые эпистемические состояния здесь представляются как степени, удовлетворяющие аксиомам вероятности, а субъект познавательной деятельности, точнее, его рациональность, носит обобщённый и идеализированный характер¹⁹². Проще говоря, фундамент понимания эпистемических состояний в вероятностной модели – движение от неведения к знанию.

Такой является теория Демпстера-Шаффера (А.П. Демпстера и Г. Шаффера), утверждающих, что полное неведение есть состояние «нулевой убеждённости»¹⁹³, которое уменьшается за счет добавления все новых и новых свидетельств: «при необходимости оценить, является ли ваза, представленная как ваза эпохи Мин, действительно таковой, появляется два суждения: (1) ваза подлинная, и (2) ваза поддельная. Решение этого вопроса сводится к весу доказательств по обеим сторонам вопроса. Если у меня мало доказательств с обеих сторон – мало причин верить или не верить в подлинность вазы, – тогда я оценю θ_1 и θ_2 очень низко; в крайнем случае, если никаких доказательств вообще нет, я установлю оба точно равными нулю. Если, с другой стороны, доказательства почти окончательно подтверждают подлинность вазы, то я поставлю θ_1 около единицы, а θ_2 около нуля. Наконец, существенные доказательства с обеих сторон вопроса приведут меня к тому, что я буду исповедовать некоторую веру с обеих сторон»¹⁹⁴ [7, С. 5-6].

Экспериментируя с воображаемой вазой, Г. Шаффер приходит к заключению, что полное незнание есть состояние убеждения в ситуации, когда у субъекта вообще нет доказательств относительно истинности обсуждаемого утверждения¹⁹⁵. Возможно ли перенести подобный подход из

---

¹⁹¹ Пробабелизм // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. Под ред. И.Т. Касавина. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2009.

¹⁹² Loewer B. Probability theory and epistemology // Routledge Encyclopedia of Philosophy. 1998. P. 6880-6885.

¹⁹³ Shafer G. A mathematical theory of evidence. Princeton: Princeton university press, 1976. 297 p.

¹⁹⁴ Shafer G. A mathematical theory of evidence. Princeton: Princeton university press, 1976. P. 5-6.

¹⁹⁵ Там же, P.22

математической и логической теории в когнитивные и психологические исследования эпистемических состояний? Вероятно, да. Однако, это влечёт необходимость решения некоторых вопросов. Если понимать неведение как нулевую степень убеждения или как функцию убеждения, то размывается смысловая граница между знанием и заблуждением, неведением и неопределённостью, неясностью, непонятностью. Очевидно, что, если мы определяем неведение как эпистемическое состояние нулевой убеждённости или задавая ему нулевую степень убеждения, мы также должны отказаться от разделения этого состояния на какие-либо другие уровни и степени (ноль есть ноль). В случае модели неведения, представленной Г. Шаффером, отсутствие свидетельств как об истинности, так и ложности суждения выражается универсально.

Представим, что в кабинете находятся два испытуемых, о которых мы ничего не знаем, и нашей задачей является оценка их степени убеждения относительно высказывания «Атом – неделимый». Испытуемый 1 сообщает нам: «Неверно, что атом – неделимый», а испытуемый 2 – «Верно, что атом – неделимый». На основании этого мы оцениваем доказательства, привлечённые первым испытуемым, как правильные, а вторые как некорректные. Однако, представим так же, что испытуемый 1 был проинформирован, что он проходит тест на остаточные знания курса физики, поэтому оценил высказывание «Верно, что атом – неделимый» низко, а высказывание «Неверно, что атом – неделимый» высоко. Испытуемый 2 является специалистом в области греческого языка и был информирован, что проходит тест по своей специальности. Для него, разумеется, высказывание оказывается верным.

Это показывает, во-первых, что подход оказывается сильно зависимым от контекста, субъективного видения ситуации, а его применение требует идентичности как опыта участников, так и привлекаемых в момент решения доказательств. Во-вторых, что более важно для настоящей работы, состояние, при котором субъект ошибочно полагает задействованные доказательства как обоснованные и достаточные, явно не может быть описано как неведение в трактовке Шаффера. Этот же результат можно получить при объединении модели с известной «Китайской комнатой»¹⁹⁶. В этом случае персонаж эксперимента имеет абсолютно такое же

---

¹⁹⁶ Searle J. Minds, Brains and Programs // Behavioral and Brain Sciences. 1980. Vol. 3 (3). P. 417–457.

эпистемическое состояние, как и носитель китайского языка, поскольку у него есть весомые доказательства для определения правильной реакции.

Таким образом, возникает первая необходимость сужения области, к которой вообще может быть применён обсуждаемый метод: в вероятностном подходе речь изначально идёт о неведении особого типа, при котором это неведение отчётливо осознаётся субъектом (осознаваемое неведение). Вторым типом, очевидно, является неосознаваемое неведение.

Интересную формулировку неосознаваемого незнания предлагает С. Бромбергер: субъект находится в затруднении относительно суждения, когда осознаёт, что суждение допускает правильный ответ, но не может придумать ответа, к которому нет возражений. Описанная ситуация названа им «р-затруднением»¹⁹⁷.

Автор приводит такое описание р-затруднения. Для начала зададим нескольким субъектам вопрос «Как Бог создал Еву, целое человеческое существо, из одной кости?». Ребекка не знает причин отвергать мнение, что ребро Адама было сломано на столько частей, сколько нужно для тела, а затем части были растянуты и сформированы в необходимую конфигурацию, после чего Бог вдохнул жизнь в целое. Сэм не может принять этот ответ. Он знает о принципе сохранения материи, о различиях в химическом составе мышц, волос, костей, кожи, нервов, желудка. Но он не может придумать ничего, что было бы приемлемо для него. Макс-атеист отвергает весь этот вопрос. Мы бы ошиблись, сказав, что Ребекка испытывает р-затруднение в отношении этого вопроса, поскольку она может придумать по крайней мере одно объяснение, которое она не отвергает, или что Макс находится в р-затруднительном положении в отношении этого вопроса, поскольку он не допускает, что суждение допускает правильный ответ. В р-затруднении в отношении этого вопроса находится только Сэм¹⁹⁸.

Другой вид состояния незнания, описанного С. Бромбергером – b-затруднение, при котором «ответ находится за пределами того, что субъект может постичь, вообразить, вспомнить»¹⁹⁹. И р-затруднения, и b-затруднения являются независимыми явлениями, возможна любая их

---

¹⁹⁷ *Bromberger S.* On what we know we don't know: Explanation, theory, linguistics, and how questions shape them. University of Chicago Press, 1992. P. 26-36

¹⁹⁸ Там же, P. 30

¹⁹⁹ Там же, P. 36

комбинация²⁰⁰. Спекулятивные вопросы, фактически не допускающие правильного ответа, ведут к р-затруднениям, а сложные научные и философские вопросы допускают сочетание обоих видов состояний. Здесь интересен следующий комментарий: «каким бы ни было правильное объяснение того, что происходит с объектом, когда он попадает в черную дыру, с моими ограниченными знаниями теоретической физики я в настоящее время не в состоянии составить или понять ответ, даже если кто-то прямо скажет мне. Это говорит о том, что я нахожусь в b-затруднении. Если я в р-затруднении, то тем объяснениям, которые я понимаю, я могу придумать веские причины, чтобы отвергнуть их. Каждое объяснение, которое мне известно, я нахожу глубоко проблематичным на основе того или иного мысленного эксперимента»²⁰¹. Разница между двумя описанными состояниями неведения заключается в способности опровержения или подтверждения аргументов, имеющих в информационном репертуаре субъекта: в первом случае ответы обоснованно отвергаются, во-втором случае они даже не вырабатываются.

Очевидно, что состояние неведения возможно при разных наборах свидетельств и связано с уровнями понимания, – речь идёт об осознаваемом и рациональном неведении²⁰², при котором субъект знает, что не знает. Не совсем понятно, почему к данному состоянию мы должны применять ярлык «нулевой убеждённости». Именно это решается Р. фон Вуденергом, предлагающим разграничивать рациональное неведение С. Бромбергера с ситуациями, при котором субъект даже не знает о существовании вопроса²⁰³. К примеру, если мы никогда не слышали о языке тсонга, то не можем оценить высказывание о примерном количестве его носителей. В таких случаях предложения Г. Шаффера не вызывают противоречия. Таким образом, можно сделать ещё один шаг к разграничению агнотологических состояний – на рациональные и нерациональные, определив последние как область действия модели Шаффера.

Применение модели Шаффера позволяет уточнить классификацию эпистемических состояний человека следующим образом. Существуют

---

²⁰⁰ Norton J. D. Ignorance and indifference // *Philosophy of Science*. 2008. Vol. 75. №1. P. 45-68.

²⁰¹ Barton N. Independence and Ignorance: How agnotology informs set-theoretic pluralism // *Journal of Indian Council of Philosophical Research*. 2017. Vol. 34. №2. P. 399-413.

²⁰² Bromberger S. On what we know we don't know: Explanation, theory, linguistics, and how questions shape them. University of Chicago Press, 1992. P. 128

²⁰³ Van Woudenberg R. Ignorance and force: Two excusing conditions for false beliefs // *American Philosophical Quarterly*. 2009. Vol. 46. №4. P. 374.

эпистемические состояния, некоторые из которых являются состояниями убеждения, а некоторые – нет, в частности, ко вторым относятся состояния неведения. Незнания могут быть разделены на осознаваемые и неосознаваемые. Два затруднения, которые можно назвать агнотологическими, описывают возможные ситуации рационального неведения. Находясь в *r*-затруднении, субъект допускает правильный ответ, но не может сгенерировать из своего ментального репертуара никакого ответа, на который, учитывая взгляды этого человека, нет решающих возражений. Находясь в *b*-затруднении, субъект принципиально не может выработать ни одно решение.

Проведённый анализ незнания как эпистемического состояния требует принятия некоторых принципов. Первый из них – это принцип инвариантности: состояние неведения может оставаться неизменным при трансформациях, связанных с симметричными описаниями. Под симметричными описаниями подразумеваются суждения о свойствах одного и того же объекта, каждое из которых может быть выведено из другого путем перестановки или замены терминов. К примеру, если *S* знает, что планета покрыта либо водой, либо сушей, но (выражаясь формально) «находится в неведении» относительно суждения «большая часть планеты Земля покрыта водой», то он также «находится в неведении» относительно суждения «меньшая часть планеты Земля покрыта сушей».

Этот принцип был представлен Дж. Д. Нортоном²⁰⁴ и даёт более подробные инструкции для фиксации и изучения неведения как эпистемического состояния: чем больше симметрий, при которых эпистемическое состояние должно быть инвариантным, тем глубже наше невежество). Таким образом, неведение фиксируется не одномоментно, а путём анализа большего числа описаний. Если вернуться к описанному ранее примеру с двумя испытуемыми, то риск вновь допустить ошибку контекста минимализируется, и вынести решение об эпистемическом состоянии субъекта на основании одного утверждения уже невозможно.

Если вспомнить ситуацию с двумя испытуемыми, оценивающий правильность высказывания «атом – неделимый», то применение данного принципа помогло бы обнаружить разницу в контекстах, в которых испытуемые придают фразе смысл, следовательно – зафиксировать эпистемическое состояния. В этом случае, испытуемый 2, убеждённый

---

²⁰⁴ Norton J. D. Ignorance and indifference // *Philosophy of Science*. 2008. Vol. 75. №1. P. 45-68.

в том, что он проходит тест в области греческого языка, также согласился бы с высказыванием «неделимый – это атом». Для испытуемого 1 данное высказывание было бы лишено всякого смысла, и оценить его как истинное он бы не смог.

Можно подытожить данную часть работы следующей классификацией эпистемических состояний незнания:

1. По степени осознанности:

- неосознаваемые незнания (субъект не знает о наличии самого вопроса, следовательно, не знает и ответа);
- осознаваемые незнания (субъект знает, что он не знает);
- ложно осознаваемые («трансактивные») знания (субъект ложно полагает, что знает, поскольку знает, где и как при необходимости узнать).

2. По способности принять и/или отвергнуть ответ:

- р-затруднение (субъект допускает правильный ответ, но не может сгенерировать из своего ментального репертуара никакого ответа, поскольку способен отвергнуть каждое из них);
- в-затруднение (субъект принципиально не может выработать ни одно решение и не способен принять или отвергнуть ответы, если кто-то прямо даёт их).

2. Факторы смены эпистемических состояний

2.1 Проблема обоснования эпистемического состояния

Как происходит смена эпистемических состояний? Этот вопрос, пожалуй, можно отнести к фундаментальным вопросам наук о познавательной деятельности человека. Его можно решать с позиций педагогики, общей целью которой является передача знаний от учителя к ученику, или психологии, изучающей природу когнитивных состояний человека, или нейрофизиологии, пытающейся зафиксировать характерные для того или иного состояния свойства активности нервной системы человека, а также с позиций других наук, так или иначе связанных с темой познания. Однако, какие цели не преследовал бы исследователь, он неизбежно сталкивается с философской задачей построения теоретических границ проблемы. Проще говоря, чтобы предложить объяснение механизмам смены эпистемических состояний, необходимо понять, на какие именно факты следует обращать внимание и что именно предстоит исследовать.

Почти все современные философы приняли предложение, что знание не может быть приравнено к истинному убеждению, знание – это нечто большее, чем просто истинное убеждение. Однако вопрос о том, какое именно свойство отличает одно от другого, остаётся открытым. Наибольшего согласия достигло свойство обоснованности, которое в процессе определения знания позволяет отбросить случайно истинные убеждения. В то же время, это ведёт к другому сложному вопросу, а именно к тому, что именно является таким обоснованием. Существует несколько подходов к решению этого вопроса: внутреннее, внешнее, когерентное, фундаменталистское, деонтическое, последовательное, пропозициональное, доксистическое, личное, ситуационное, объективное, субъективное, когнитивное и структурное²⁰⁵²⁰⁶. У. Риггс²⁰⁷ отмечает, что современное состояние проблемы затруднительно в том числе и потому, что дебаты по этому вопросу достигли тупика. Задача не только в том, чтобы определить истинный подход среди множества правдоподобных, но и в том, чтобы разобраться, описывают ли существующие концепты одно и то же дотеоретическое понятие и являются ли они в прямом смысле конкурентными. Он представляет это множество в виде двух классов

---

²⁰⁵ Riggs W. D. What are the “Chances” of Being Justified? // The Monist. 1998. Vol. 81. №3. P. 452-472.

²⁰⁶ Lehrer K. Knowledge. Oxford: Clarendon Press, 1974. P. 189.

²⁰⁷ Riggs W.D. What are the “Chances” of Being Justified? // The Monist. 1998. Vol. 81. №3. P. 452-472.

теорий. Первый класс предполагает, что фундаментальным обоснованием знания является истинность убеждения, то есть её связь с реальностью. Это означает, что знание обращено к стандартам эпистемического обоснования, которые субъект должен надлежащим образом рассмотреть и выбрать. Второй класс концепций, кондуктивистский, рассматривает внутренние для субъекта факторы познавательного процесса. Вероятно, среди таких факторов в первую очередь стоит рассматривать достоверность. Одним из таких подходов стала концепция Д. Армстронга, в которой S знает, что P, если соблюдаются три условия:

1. P истинно;
2. S убеждён, что P;
3. S имеет адекватные свидетельства / убедительные причины для P.

Таким образом, обоснование знания кроется в особенностях познавательного процесса. Известна аналогия термометра, которую использовал Армстронг для объяснения своего видения: по мере того, как термометр изменяется, отражая температуру окружающей среды, в которой он находится, должны меняться и убеждения.

Кондуктивистский подход выглядит более релевантным для психологического исследования, однако, это не означает, что первый должен быть полностью отброшен. Одно ясно точно и независимо от каких-либо теоретических рамок: человеку нужна причина назвать убеждение знанием. Попробуем обнаружить, какие из причин мы можем использовать в рамках исследования эпистемических состояний.

2.2 Социально-психологические особенности внутренних факторов смены эпистемических состояний

Исходный тезис интернализма заключается в том, что объяснения каких-либо ментальных событий могут быть даны путём указания на другие ментальные события. Из этого следует, что смена эпистемических состояний мотивирована внутренними факторами. Вопрос о том, какие именно факторы являются наиболее существенными (или единственно существенными), позволяет провести первое разделение корпуса интерналистских концепций. Часть таких теорий (доксастические), отвечающих на вопрос о том, как именно происходит принятие утверждение в качестве знания, ищут ответ в сопоставлении новых и имеющихся убеждений. Иными словами, эпистемические состояния человека в определённый момент времени регулируются сформировавшимся к этому

моменту капиталом знаний: чтобы принять некоторое суждение как истинное, нам необходимо обосновать его, и это обоснование достигается путём сравнения. Но что именно подлежит сравнению, – все активные знания субъекта или их некоторая «привилегированная» часть?

Когерентные теории настаивают, что все имеющиеся в распоряжении субъекта знания так или иначе влияют на процесс принятия новых знаний. Познание с этой точки зрения обретает мозаичный характер: все ранее принятые убеждения, понимаемые как истинные, образуют мозаику, и если новые элементы мозаики не могут быть встроены в неё, то статус их обоснованности вызывает сомнение. Сопоставление конфликтующих убеждений друг с другом с точки зрения относительной уверенности субъекта в них может привести как к опровержению нового суждения, так и к принятию его в результате пересборки участка «мозаики». Эта «мозаика» в некотором смысле и представляет собой систему обоснования, или доксистическую систему, то есть согласованную систему имеющихся убеждений, с которыми должно совпадать рассматриваемое убеждение²⁰⁸. Единственная оговорка, которую необходимо сделать в данной метафоре, заключается в том, что элементами доксистических систем являются не сами убеждения, которые субъект рассматривает как обоснованные, а утверждения, на основании которых субъект считает свои убеждения обоснованными (проще говоря, своеобразные правила оценки истинности суждений).

Доксистическое оправдание – это вопрос зависимости между убеждениями, число которых по-настоящему велико. Сложности, вытекающие из идеи обоснования всех убеждений другими убеждениями были обозначены в «Трилемме Агриппы» (или «трилемме Мюнхгаузена»): мы рискуем либо производить бесконечную цепочку обоснований, либо попасть в замкнутый круг обоснований, либо согласиться с тем, что некоторым надёжным убеждениям обоснования не требуются. Третий вариант, очевидно, является наиболее привлекательным (хотя бы в силу конечности процесса обоснования), однако, возникает потребность в решении вопросов о природе и способах определения таких убеждений.

Фундаменталистские теории утверждают, что существует некое подмножество убеждений, часть из которых имеет привилегированный эпистемологический статус. Убеждения, входящие в этот корпус, являются

---

²⁰⁸ Lehrer K. Knowledge. Oxford: Clarendon Press, 1974. P. 189.

базовыми и обязательно обладают двумя признаками. Во-первых, их должно быть достаточно, чтобы обеспечить основу для других убеждений. Во-вторых, они должны быть надёжно обоснованными, причём это обоснование не должно зависеть от результата анализа нового убеждения.

Приведённая выше трилемма Агриппы является основным аргументом в пользу фундаментализма. Невозможность обоснования по кругу становится основной причиной выбора фундаментализма для Аристотеля, который во «Второй аналитике» приводит следующее размышление: «знание непосредственных начал недоказуемо. И очевидно, что это необходимо так, ибо если необходимо знать предшествующее и то, из чего доказательство исходит, – останавливаются же когда-нибудь на чем-нибудь непосредственном, – то это (последнее) необходимо недоказуемо»²⁰⁹. Эта позиция характерна для классической теории знания, которая предлагала разные варианты того, что именно может выступать в качестве базовых убеждений. Именно в поисках надёжных основ знания Декарт предложил отвергать любые сомнительные утверждения. Для него такой основой выступило «*cogito*», то есть особое ментальное состояние субъекта. Г. Лейбниц предполагал, что базовые убеждения могут основываться на интуиции, которую он понимал как состояние, при котором «дух замечает соответствие двух идей непосредственно по ним самим, без вмешательства какой-либо другой идеи». Например, убеждения типа «белое не есть черное», «круг не есть треугольник», «три — это два и один»²¹⁰ дают надёжную базу, и суждения, противоречащие им, вряд ли могут быть приняты в качестве достоверных. Для Венского кружка базовыми убеждениями являлись протокольные предложения, основанные на данных непосредственно в опыте описаниях действительности. Одна из наиболее обсуждаемых точек зрения отсылает базовые убеждения к убеждениям, основанным непосредственно на различных видах восприятия. Однако, здесь требуется уточнение: базовые убеждения должны быть перцептивными убеждениями, но они не обязательно должны быть убеждениями о физических объектах (субъект может ошибаться в том,

---

²⁰⁹ Аристотель. Вторая аналитика / Аналитики первая и вторая. М: Государственное издательство политической литературы, 1952. С. 185.

²¹⁰ Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разумении. М.: Мысль, 1983. С. 368

какого цвета что-то есть, не может ошибаться в том, какого цвета оно ему кажется)²¹¹.

Первый шаг к систематизации фундаменталистских теорий обоснования эпистемического состояния – это выявление специфических необходимых и достаточных характеристик того знания, которое может считаться базовым. С этим связан крупный философский спор, детальное рассмотрение которого выходит за пределы поставленных в настоящем исследовании задач. Остановимся лишь на тех пунктах темы, которые могут оказаться полезными, и из фундаментализма следует два релевантных для нас тезиса:

1. Смена эпистемического состояния относительно суждения X зависит от соответствия X базовым знаниям, которые носят объективный и абсолютный характер.
2. Смена эпистемического состояния относительно суждения X зависит от соответствия X базовым знаниям, которые носят субъективный характер и формируются «от первого лица».

Фундаментализм Декарта является образцовой поддержкой первого тезиса: базовые убеждения безошибочны, поскольку в них вообще не возможны ошибки. Маршрут, который он прокладывает на пути к базовым убеждениям, заставляет его усомниться почти во всех имеющихся убеждениях, кроме убеждения настолько безошибочного, что «все экстравагантные предположения скептиков бессильны поколебать» чью-либо веру в его истинность.

Представленная позиция фундаментализма носит радикальный характер (основные убеждения непогрешимы и неопровержимы одинаково для всех), однако, существуют и другие, умеренные версии (основные убеждения могут быть опровергнуты, если доказано обратное).

Американский философ М. Хьюмер предположил точку зрения, согласно которой, грубо говоря, некоторые убеждения могут быть обоснованы просто тем, как они кажутся субъекту. Формула его решения такова: если S кажется, что P, то, в отсутствие опровержений, S имеет хоть какое-то основание полагать, что P. Проще говоря, вещи таковы, какими они кажутся, и субъект может быть убеждён, что ваза с цветами стоит на столе, если он просто видит эту вазу, стоящую на столе, и при этом понимает,

---

²¹¹ Pollock J. L., Cruz J. Contemporary theories of knowledge. Lanham: Rowman & Littlefield, 1999. P. 31

что он не принимал галлюциногенов, что он в здравом уме, что в комнате нет голографического проектора столов и ваз и т.д.

Этот принцип, который М. Хьюмер называет правилом феноменального (то есть относящийся к миру феноменов) консерватизма, требует разграничения состояний «кажется, что» и «убеждён, что»²¹², поскольку в противном случае фундаментальное обоснование предоставлялось бы всем убеждениям.

Ключевым понятием для анализа этих состояний является видимость (или кажимость), однако, примеры, в которых обоснование базового знания осуществляется через визуальное восприятие, искусственно сужают представленную М. Хьюмером идею. Согласно ему, видимость необходимо понимать в максимально общем смысле, она может быть как результатом восприятия, так и умозаключением, памятью, представлением, интуицией.

Неперцептивные видимости (например, «мне кажется, что я помню, что Сатурн - пятая планета от Солнца», «мне кажется, что кратчайший путь между любыми двумя точками - прямая линия»), как и перцептивные, не являются убеждениями по двум причинам. Во-первых, в отличие от убеждений, субъект может иметь видимости, но при этом не доверять им и вообще не считать их правдивыми. Например, если субъект принимал лекарство с побочными эффектами в виде галлюцинаций, он имеет видимость вазы на столе, но не имеет убеждения, что ваза действительно на столе. Во-вторых, из видимости нельзя выводить убеждения, поскольку во многих случаях, когда кажется, что P , P всё же ошибочно. Однако, как утверждает М. Хьюмер, когда кажется, что P , и нет доказательств обратного, разумно полагать, что P .

Точка зрения М. Хьюмера известна под названием «феноменальный консерватизм», однако, она во многом продолжает концепцию эпистемической рациональности, согласно которой рациональным обоснованием считается любое обоснование, которое представляется субъекту эффективным способом придерживаться цели верить в истинное и не верить в ложное²¹³²¹⁴. Эту концепцию можно обратить следующим образом: убеждение рационально при отсутствии веских оснований сомневаться.

---

²¹² *Huemer M.* Skepticism and the Veil of Perception. Lanham: Rowman & Littlefield, 2001. P. 99.

²¹³ *Foley R.* The theory of epistemic rationality. Cambridge: Harvard University Press, 2013. 352 p.

²¹⁴ *Foley R.* An epistemology that matters // *Liberal faith: Essays in honor of Philip Quinn.* Notre Dame, Indiana: University of Notre Dame Press, 2008. P. 43-55.

И Р. Фоли, и М. Хьюмер поддерживают картезианский фундаментализм в той части, что суждения о собственных психологических состояниях, по крайней мере, их определённых видах, являются базовыми и не требуют обоснования. Однако, речь уже не идёт о том, что при формировании базового убеждения процедура сомнения является обязательной.

Во многом похожих взглядов придерживается Дж. Прайор, автор концепции догматизма. В своём главном по этой теме сочинении «Скептик и догматик» он пишет: «Чтобы иметь такое обоснование для убеждения, необходимо только иметь опыт, который представляет это убеждение как таковое. Никакой дополнительной осведомленности, размышлений или фоновых убеждений не требуется». Дж. Прайор утверждает, что убеждения основываются не на осознании опыта, а просто в силу наличия опыта, связанного с рассматриваемым убеждением. Л. Моретти предлагает упрощённое объяснение догматизма Дж. Прайора: когда у субъекта есть опыт работы с содержанием убеждения, то у него есть достаточное основание для того, чтобы считать это убеждение обоснованным²¹⁵. Разница почти неуловимая, но критически важная: дело не в том, что субъект интроспективно анализирует свой опыт, и в результате такой аналитической процедуры осознаёт пережитое и ссылается на конкретные факты в качестве «доказательства» своих убеждений, а в том, что для такого рода убеждений вообще не нужны какие-либо «доказательства». Дж. Прайор не считает первое невозможным, но суть догматизма в том, чтобы считать возможным второе.

Дж. Прайор обращается к философии здравого смысла Дж. Э. Мура, а точнее к его известному аргументу руки: «Можно доказать, например, что две человеческие руки существуют. Как это сделать? Я показываю две мои руки и говорю, жестикулируя правой: “Вот – одна рука” и, жестикулируя левой рукой, добавляю: “А вот – другая”. Если я *ipso facto* доказал существование внешних вещей, то понятно, что возможны и многие другие доказательства: нет нужды умножать примеры. Однако доказал ли я здесь, что две человеческие руки существуют? Я настаиваю на том, что доказал, причем абсолютно строго; пожалуй, и вообще нет лучшего доказательства, чем это»²¹⁶. Дж. Э. Мур говорит, что это доказательство

---

²¹⁵ *Moretti L.* In defence of dogmatism // *Philosophical Studies*. 2015. Vol. 172. №1. P. 271.

²¹⁶ *Мур Д. Э.* Доказательство внешнего мира // *Аналитическая философия: избранные тексты*. М.: Изд-во МГУ. 1993. С. 66-83.

совершенно удовлетворительно, потому что он знает, что его предпосылки верны, хотя, как он признает, он не в состоянии в действительности «доказать» их. Дж. Прайон предлагает продолжить эту мысль: есть ли вообще повод оправдывать свою веру в то, что вещи таковы, какими они кажутся вам на первый взгляд? Убеждение о наличии рук может быть обоснованным, даже если мы не в состоянии привести хоть что-либо, что могло бы считаться обоснованием этого убеждения, и «когда вам перцептивно кажется, что р, у вас есть своего рода оправдание для р»²¹⁷.

Это, конечно, касается не любых убеждений, а убеждений особого порядка, поскольку догматизм позиционируется как альтернатива классическому (радикальному или объективному) фундаментализму. Уже из приведённых цитат ясно, что базовые убеждения, к которым субъект обращается в процессе принятия новых убеждений, являются перцептивными. Другим важным замечанием Дж. Прайора является то, что перцептивные переживания являются состояниями с пропозициональным содержанием: «пропозициональное содержание присутствует в вашем сознании просто в силу того, что у вас есть опыт, независимо от любых ваших убеждений о том, с какими внешними состояниями дел этот опыт надёжно связан»²¹⁸. Это означает, что опыт, о котором говорит догматик, не является абстрактной, независимой от разума и языка сущностью.

Итак, сделаем необходимый вывод. И радикальные, и умеренные версии фундаментализма, связывают обоснование эпистемического состояния с психическим состоянием человека. Однако, умеренные версии по ряду причин видятся более перспективными для проведения междисциплинарного когнитивного исследования.

Во-первых, поскольку они приписывают базовым убеждениям субъективный характер. Если рассматривать базовые убеждения как объективные истины, не зависящие от конкретного познающего субъекта, то анализ этих убеждений невозможен до тех пор, пока не будет составлен список этих самых непреложных истин, что невозможно и попросту абсурдно.

Во-вторых, они представляют сомнение вторичным актом, что, как мы увидим в дальнейших главах, находит ощутимую поддержку в экспериментальной психологии.

---

²¹⁷ Pryor J. The skeptic and the dogmatist // *Noûs*. 2000. Vol. 34. №4. P. 519

²¹⁸ Pryor J. The skeptic and the dogmatist // *Noûs*. 2000. Vol. 34. №4. P. 517-549.

В-третьих, субъективный подход допускает, что перцептивные переживания являются состояниями с пропозициональным содержанием, то есть не только прямо допускают анализ через терминологический аппарат состояний, но и постулируют возможность вербализации этих переживаний. Следовательно, мыслимое пространство, в котором существуют данные переживания, не являются принципиально недоступными для языка.

С точки зрения психологии, убеждения могут возникать в результате сознательного или бессознательного самоанализа. Это, в частности, включает в себя когнитивную переоценку прошлых событий или пертурбацию ранее существовавших убеждений. Спербер, например, приводит пример с вопросом о том, есть ли кенгуру на Юпитере²¹⁹. Маловероятно, что ответ на этот вопрос уже хранится в памяти как убеждение (если только человек, отвечающий на него, не слышал этот вопрос ранее). Однако на основе других ранее существовавших убеждений человек может быстро вывести ответ. В этих случаях предшественником могут быть уже существующие убеждения или стимул, спровоцировавший поиск. В результате, ранее существовавшие идеи или автобиографические воспоминания прошлого могут послужить толчком к возникновению нового убеждения, если они каким-то образом становятся значимыми.

Степень убежденности может отражаться в поведении человека, его эмоциональной реакции. Это, вероятно, зависит от двух ключевых критериев в оценке убеждений, а именно от степени, в которой убеждение объясняет и предсказывает восприятие мира субъекта, и от степени, в которой убеждение согласуется с другими его убеждениями. Оба критерия могут меняться во времени и в различных контекстах, как и заблуждения^{220,221,222}. Однако вновь сформированные убеждения, которые вписываются в целостную, уже существующую совокупность других убеждений, скорее всего, останутся относительно стабильными с течением времени.

---

²¹⁹ Sperber D. Intuitive and reflective beliefs // *Mind & Language*. 1997. Vol. 12. P. 67–83.

²²⁰ Bisiach E., Rusconi M. L., Vallar G. Remission of somatoparaphrenic delusion through vestibular stimulation // *Neuropsychologia*. 1991. Vol. 29. P. 1029–1031.

²²¹ Sharp H.M., et al. Delusional phenomenology—dimensions of change // *Behaviour Research and Therapy*. 1996. Vol. 34. №2. P. 123-142.

²²² Connors M. H., Coltheart M. On the behaviour of senile dementia patients vis-à-vis the mirror: Ajuriaguerra, Strejilevitch and Tissot (1963) // *Neuropsychologia*. 2011. Vol. 49. №7. P. 1679-1692.

2.3 Социально-психологические особенности внешних факторов смены эпистемических состояний

Ситуации трансактивного знания, рассмотренные в настоящей работе в части «Состояния незнания как эпистемические состояния», поднимают вопрос о распределении убеждения между человеческим и нечеловеческим агентом, например, блокнотом или смартфоном. Это говорит о том, что определённый взгляд на процесс формирования и смены эпистемического состояния частично зависит от отношений, в которые субъект вступает с своей внешней (естественной и/или социальной) средой.

Это подтверждается и исследованиями из области психологии. Убеждения могут возникнуть в результате взаимодействия с другими людьми и средствами массовой информации в социальном окружении или из вторичных источников информации, таких как книги, газеты и телевидение. В таких случаях предшественником может быть устная или письменная коммуникация. Способность передавать убеждения служит важным социальным функциям, например, способствует сплочению и координации группы. В случае бреда, идеи, передаваемые в социальном плане, также могут вызвать бредовое содержание без необходимости необычного опыта или структурной патологии. Например, бредовые идеи в ближайшем окружении человека могут привести к общим бредовым идеям, когда два или более человека придерживаются одного и того же бредового убеждения^{223 224}. Следовательно, социальные идеи могут стать предшественниками убеждений, не требующих дальнейшей интерпретации.

Пример с трансактивными знаниями, в котором психические состояния и когнитивные процессы выходят за рамки биологического организма агента и распространяются на артефакты или даже на других агентов, с которыми он или она взаимодействует, является наиболее выразительным способом подойти к проблеме внешних факторов эпистемических состояний. Это представляет позицию, закрепляемую термином «экстернализм», которая исходит из предположения, что эпистемическое состояние детерминировано совокупностью внутренних и внешних факторов, то есть особенностей физического или социального окружения. Экстернализм формирует специфический взгляд на природу

---

²²³ Hughes T. A., Sims A. C. P. Folie à deux // *Troublesome Disguises: Undiagnosed Psychiatric Syndromes*. 1997. P. 168-194.

²²⁴ Langdon R. Folie à deux and its Lessons for Two-Factor Theorists // *Mind & language*. 2013. Vol. 28. №1. P. 72-82.

познавательных актов: такая деятельность является активной, интерактивной и «энактивной». следующем высказывании: «Сознание активно, интерактивно и энактивно». Активность здесь выступает в своём этимологическом значении, то есть как «actus», «действие», происходящем от глагола «agege», «приводить в движение». Интерактивность – это свойство объекта образовывать связи с другими объектами, взаимодействовать с внешней средой. Энактивность сознания понимается как специфика его связей с окружающим его пространством. «Если мы хотим понять ум животного, – отмечает Е.Н. Князева, – то мы должны посмотреть не только внутрь его, не только на его физиологические и неврологические процессы, на его конституцию и морфодинамику, но также и на его способ жизни, на то как он «окутан» своей окружающей средой, как налаживает ее под свои нужды и как управляет ей»²²⁵. Несмотря на относительную новизну лексики современной теории познания, идея такой включённости следует из концепции структурного сопряжения, разработанной У. Матураной и в последствии Н. Луманом. «Главное следствие структурного сопряжения, – поясняет У. Матурана, – состоит в том, что система либо находит себя в этом непрерывном потоке операциональной конгруэнтности со средой, которая изменяется соразмерно с ней, либо не находит и тогда умирает». Упрощая смысл сказанного, У. Матурана полагает, что внешняя среда и живая система (в том числе сознание как её свойство) обоюдно активны, и первая изменяется и формируется «навстречу» второй.

Одним из наиболее распространённых ответов на вопрос о том, какие именно внешние факторы могут служить обоснованием для определённого эпистемического состояния, является надёжность. Но что именно должно быть надёжным? Представим, что некто, например Павел, во время прогулки по лесу прокладывает свой маршрут на основании убеждения, что в тех областях, где есть муравьи, нет клещей. Это убеждение было получено им из телевизионной передачи и принято в качестве достоверного в субъективную систему знаний. Представим также, что Павел не имеет опыта, подтверждающего или отрицающего это убеждение, он не знает ничего об организации социальной жизни у насекомых, об отношениях между разными видами, иными словами, в репертуаре его убеждений нет

---

²²⁵ Князева Е.Н. Энактивизм: концептуальный поворот в эпистемологии // Вопросы философии. 2013. № 10. С. 102.

таких, которые могли бы обосновать истинность его убеждения. Но то, в каком эпистемическом состоянии он находится относительно суждения, связано с тем, что он считает его надежным. Ему не обязательно знать, как создавалось его убеждение, не обязательно иметь доказательства того, что процесс, ведущий к убеждению, является надежным, если он имеет одни только основания полагать, что убеждение было фактически произведено с помощью надежного процесса²²⁶, – он считает таковыми работы учёных, выступавших с передаче, или самих этих учёных. Таким образом, вопрос о внешних факторах смены эпистемического состояния должен затрагивать вопрос о доверии к источнику и к процессу получения знания.

Самый простой пример, – это наблюдение о том, что люди, носящие очки, воспринимаются как более умные²²⁷²²⁸, в то время, как люди с солнцезащитными очками воспринимаются как менее надежные²²⁹. Люди оценивают мужчин как более заслуживающие доверия с бородой²³⁰, с более широким лицом²³¹.

Справедливо задать и другой вопрос: нужно ли вообще Павлу какое-либо обоснование для того, чтобы принять утверждение в качестве собственного знания? В условии мы обговорили, что Павел не знает абсолютно ничего о том, что могло бы подтверждать или противостоять принятию высказывания как знания. Это подсказывает, что рассматриваемый пример является примером невключённого знания, рассмотренного в части «Состояние убеждения как эпистемический состояний». Здесь можно предположить, что Павел принимает убеждение вообще без каких-либо оснований до тех пор, пока что-то не говорит против них, – до тех пор, пока в просмотренной Павлом передаче не начались бы дебаты сторонников и противников этого утверждения, что потребовало бы от самого Павла начать анализ соответствующих подтверждений и опровержений. Эту позицию можно было бы легко принять в рамках

---

²²⁶ Goldman A. I. What is justified belief? //Justification and knowledge. Dordrecht: Springer, 1979. P. 89-104.

²²⁷ Lundberg J. K., Sheehan E. P. The effects of glasses and weight on perceptions of attractiveness and intelligence // Journal of Social Behavior and Personality. 1994. Vol. 9. №4. P. 753.

²²⁸ Hellström Å., Tekle J. Person perception through facial photographs: Effects of glasses, hair, and beard on judgments of occupation and personal qualities //European Journal of Social Psychology. 1994. Vol. 24. №6. P. 693-705.

²²⁹ Graham D. L., Ritchie K. L. Making a spectacle of yourself: The effect of glasses and sunglasses on face perception // Perception. 2019. Vol. 48. №6. P. 461-470.

²³⁰ Bakmazian A. The Man Behind the Beard: Perception of Men's Trustworthiness as a Function of Facial Hair // Psychology. 2014. Vol. 5. P. 185-191.

²³¹ Stirrat M., Perrett D. Valid Facial Cues to Cooperation and Trust: Male Facial Width and Trustworthiness // Psychological Science. 2010. V21(3). P. 349-354.

предыдущего параграфа, где причиной принятия или непринятия выступали исключительно ментальные события. Поскольку в данном примере становится невозможным обращаться к понятию обоснованности знания, Ф. Дрецке²³²²³³²³⁴ и Э. Голдман²³⁵²³⁶ предложили понятие «соответствующих альтернатив». Основная идея этого предложения заключается в том, что знание следует из возможностей, которые фактически существуют в объективной ситуации относительно соответствующих альтернатив этого знания²³⁷²³⁸. Таким образом, знание выступает как результат отбора вариантов, и знать, что X есть A, значит знать, что X есть A в рамках соответствующих альтернатив B, C и D²³⁹. Что определяет релевантность этих альтернатив? Согласно Э. Голдману, это следует из определенных фактов о психологической и разговорной обстановке субъекта^{240,241}. С.К. Матисов на этот счёт отмечает: «чтобы знать, что я имею руки, мне достаточно устранить возможность обладания лапами или когтями»²⁴².

Однако, если мы смотрим на механизмы смены эпистемических состояний под воздействиями внешних факторов, в первую очередь факторов социальной среды, то становится необходимым признать и то, что ситуативные обстоятельства знакомства Павла с утверждением так же не противоречили формированию убеждения. Это, в свою очередь, ведёт к оценке влияния контекстов на смену эпистемических состояний. Чтобы это продемонстрировать, достаточно немного изменить исходные данные рассматриваемого примера: допустим, в передаче был использован закадровый смех или какие-либо ситуативные признаки недостоверности преподносимой информации.

Г. Стайн убеждён, что, анализируя убеждения, необходимо учитывать контекст, в котором они становятся активными: школьный класс, уличный спор и зал судебных заседаний обладают совершенно разными стандартами

---

²³² Dretske F. I. Epistemic operators // The journal of philosophy. 2000. Vol. 67. №.4. P. 30–47.

²³³ Dretske F. Knowledge and the Flow of Information. Cambridge: The MIT Press. P.131. 288 p.

²³⁴ Dretske F. The Pragmatic Dimension of Knowledge // Philosophical Studies. 1981. Vol. 40. P. 363–378.

²³⁵ Goldman A. Discrimination and Perceptual Knowledge // The Journal of Philosophy. 1973. P. 771–791.

²³⁶ Goldman A.I. Psychology and philosophical analysis // Proceedings of the Aristotelian Society. 1988. Vol. 89. P. 195-209.

²³⁷ Dretske F. Knowledge and the Flow of Information. Cambridge: The MIT Press. P.131.

²³⁸ Dretske F. The Pragmatic Dimension of Knowledge // Philosophical Studies. 1981. Vol. 40. P. 363–378.

²³⁹ Dretske F. Conclusive Reasons // Australasian Journal of Philosophy. Vol. 197149. P. 1-22.

²⁴⁰ Goldman A. Discrimination and Perceptual Knowledge // The Journal of Philosophy, 1976. Vol. 73. P. 89.

²⁴¹ Goldman A.I. Psychology and philosophical analysis // Proceedings of the Aristotelian Society. Wiley, 1988. P. 147.

²⁴² Матисов П. К. Проблема контекста // Язык, знание, социум: проблемы социальной эпистемологии. М.: ИФ РАН, 2007. С.79.

суждений²⁴³. Возьмём за исходную установку, что оценка достоверности того или иного утверждения проецируется социальными ситуациями, в которых эти утверждения себя проявляют. Здесь нам необходимо оторваться от эпистемологии и сфокусироваться на социальной психологии убеждений. Для первой высказывание «солнце кажется жёлтым из-за рэлеевского рассеяния» истинно, и оно истинно в любом случае, независимо от свойств говорящего. Но если мы говорим о том, как это высказывание проявляется в разных социальных контекстах, то обнаруживаем, что в процессе социализации смена эпистемических состояний происходит постоянно, и каждой группе субъектов соответствуют разные стандарты. К примеру, если высказывание «я знаю, что солнце кажется жёлтым из-за рэлеевского рассеяния» будет сказано воспитателем детского сада или если оно будет высказано аспирантом физического факультета на защите диссертации, следствия будут разные. В первом случае знания субъекта превышают какой-то конвенциональный стандарт знаний, а во втором случае явно недостаточны. Совершенно неадекватной кажется ситуация, в которой новоиспечённый восьмиклассник размышляет подобным образом: «теперь, наконец, я достиг нужного возраста, чтобы узнать, что мой зрительный опыт обманчив, и солнце не жёлтое».

Похожие примеры находим и в других мысленных экспериментах: предположим, нас интересует, обладает ли Джонс, обычный человек, не имеющий медицинского образования, информацией о том, что полиомиелит вызван вирусом. Если его ответ на наш вопрос заключается в том, что он помнит статью, в которой эксперт рассказывал, что это так, то этого достаточно. Он выступил адекватно с учетом проблемного контекста. Но предположим, что контекст – это экзамен на степень доктора медицины. Здесь мы ожидаем гораздо большего, мы бы приняли его знания как очень недостаточные. Таким образом, относительно одного контекста вопроса знание может быть уместно, но не уместно относительно другого контекста²⁴⁴.

Социальный контекст может сделать обоснованными два взаимоисключающих утверждения. Приведём краткое описание этой идеи

---

²⁴³ Stine G. Skepticism, Relevant Alternatives, and Deductive Closure // Epistemology: An Anthology. 2008. P. 251.

²⁴⁴ Annis D.B. A contextualist theory of epistemic justification // American philosophical quarterly. 1978. Vol. 15(3). P. 215.

П. Унгера²⁴⁵, изложенное А.Р. Каримовым: «Проанализируем значение термина «ровный» в высказывании: «Это поле для крокета является ровным». По стандартам неопытного игрока поле может считаться достаточно ровным, однако с точки зрения стандартов профессионального игрока, оно может вовсе не быть таковым. Для последнего даже небольшие неровности могут быть помехой для проявления профессионального мастерства, тогда как для первого эти неровности могут быть вовсе не заметны. Поэтому истинными будут оба высказывания: «Это поле является ровным» (по стандартам непрофессионального игрока) и «Это поле не является ровным» (по стандартам «профессионала»)»²⁴⁶.

Существуют не только микросоциальные, но и макросоциальные факторы принятия убеждений. Привычные для европейской цивилизации обоснования достоверности, например, воспроизводимость, не являются универсальными для всех культур мира. Например, в некоторых индигенных культурах наиболее достоверным считается то, что является частью устной коммуникации тет-а-тет, в отличие от, например, привычной европейцу традиции подтверждать знания доказательствами и передавать их при помощи текстов. Исследователи этих различий убеждены, что обоснования убеждений варьируются от одной социальной среды к другой²⁴⁷. Это означает, что одна культура может высоко ценить то, что она считает с трудом завоеванным или культурно важным знанием, в то время как другая может вообще не признавать эти убеждения как знания²⁴⁸.

В пользу предположения о том, что не всегда и не все убеждения поддерживаются формализованным логическим анализом, говорит тот факт, что современный человек обладает таким объёмом информации, который невозможно верифицировать за одну человеческую жизнь. Неподтверждённых убеждений бесконечно много, а человек конечен, и именно поэтому он неизбежно сталкивается с необходимостью доверять, верить, делегировать право проверки экспертным субъектам²⁴⁹. У Дж. Хардвиг значение веры в процессе принятия знания описывается

---

²⁴⁵ Unger P. *Philosophical relativity*. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 6-13.

²⁴⁶ Каримов А. Р. Контекстуализм, скептицизм, прагматика // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. №6-2. С. 72.

²⁴⁷ Jimoh A. K. *Reconstructing a Fractured Indigenous Knowledge System* // *Synthesis philosophica*. 2018. Vol. 33. №1. P. 16.

²⁴⁸ Damnjanovic N. *Epistemic Contextualism and Recognising Knowledge across Cultures* // *Anthropological Forum*. Routledge, 2012. Vol. 22. №3. P. 225-238.

²⁴⁹ Hardwig J. *Epistemic Dependence* // *The Journal of Philosophy*. 1985. Vol. 82. №7. P. 335-349.

следующим образом: некто может знать нечто, если обладает доказательствами, но и также если не обладает доказательствами, но верит тому, кто ими обладает. Аргумент Хардвиг в таком кратком изложении рассматривает отношения всего двух субъектов. В действительности, эта цепочка включает в себя такое количество звеньев, что каждое из них становится началом новой цепи. Суть высказывания можно привести к более интересной форме: S^1 может знать, что p , если обладает доказательствами, что p , но и также если не обладает доказательствами, что p , но верит S^2 , кто, предполагается, обладает доказательствами, что p , но и также если... (продолжать до бесконечности).

Таким образом, можно заключить, что внешние факторы смены эпистемических состояний существуют на разных уровнях. Первый уровень, ситуативный, отличается динамичностью и кратковременностью, то есть воздействия такого рода заметны до тех пор, пока сохраняется контекст. Второй уровень, культурный, связан с общими познавательными установками, которые субъект усваивает в процессе социализации и которыми он оперирует (сознательно или бессознательно) на протяжении всей жизни.

Сами же внешние факторы могут быть выражены двумя группами. Одна из групп – это оценка надёжности источника утверждения. Под источником можно понимать как агента, осуществляющего знакомство субъекта с утверждением, например, учителя или новостное агентство, так и процесс, при помощи которого по предположению субъекта утверждение было выведено, например, научное исследование или журналистское расследование. Вторая группа внешних факторов – это своеобразные маркеры в самой эпистемической ситуации, которые могут свидетельствовать о наличии альтернатив утверждению. К ним можно отнести лексические особенности изложения утверждения, реакции третьих лиц на утверждение. Очевидно, что эти группы тесно переплетены между собой, и в процессе формирования эпистемического состояния субъект способен переходить от оценки одних факторов к оценке других.

Если объединить выводы трёх частей данной главы, то можно подытожить, что эпистемическое состояние субъекта формируется под воздействием четырёх групп факторов:

- имеющиеся и ранее принятые убеждения, релевантные по отношению к новому утверждению (доксастический фактор);

- эмоции, сопровождающие анализ нового утверждения (эмоциональный фактор);
- характеристики нового утверждения, которые субъект способен охватить вниманием (лингвистический фактор);
- социальные характеристики познавательной ситуации, в том числе доверие к источнику нового утверждения и реакции других субъектов на него (социальный фактор).

3. Механизмы смены эпистемических состояний

3.1. Роль сомнения в процессе смены эпистемических состояний

Д. Каннеман заключил, что человек – это постоянно движущаяся машина убеждений со слабыми тормозами сомнения²⁵⁰. Это связано с тем, что в качестве элемента когнитивных процессов человеческой психики, сомнение носит вторичный характер. В социальной психологии предполагается, что первоначальный шаг понимания чего-либо неотделим от принятия информации как истинной²⁵¹²⁵²²⁵³, и только вторичный психологический акт может вызвать сомнение. Это означает, что в процессе обработки высказывания, мы «примеряем» его как истинное, и только в последствии подвергаем его критическому анализу. Следовательно, наступление состояния сомнения, или «пирсова раздражения», зависит от того, как проходит эта самая «примерка». Что означает эта «примерка»? Является ли она непосредственно анализом правдоподобности высказывания? Или, наоборот, является актом безусловным предварительным принятием убеждения, которое будет или не будет развеяно вторичной обработкой? Имеется в виду, что данную теорию можно понимать двояко. Первый возможный «сценарий» предполагает, что оба этапа обработки являются аналитическими: на первом субъект исходит из установки «что, если это действительно так», а на втором – «что, если это не так». Второй «сценарий» исключает аналитические акты на первом этапе: субъект принимает убеждение, и только в случае очевидного нарушения правдоподобности запускает механизмы второго этапа.

В психологии последних трёх десятилетий высказываются предположения²⁵⁴, что доверие к информации является нормальным фоновым процессом этих механизмов, и критическое осмысление принимаемой на веру информации происходит только в вынужденных условиях, и если субъект имеет возможность этого не делать, то, скорее всего, он предпочтёт этого не делать. Теория ложных тегов, недавно предложенная Эриком Аспом в качестве нейропсихологической модели процессов убеждений и сомнений, предполагает, что понимание суждения

---

²⁵⁰ Kahneman D. Thinking, fast and slow. NY: Macmillan, 2011. 499 p.

²⁵¹ Gilbert D. T. How mental systems believe // American psychologist. 1991. Vol. 46. №2. P. 107–119

²⁵² Gilbert D. T. The assent of man: Mental representation and the control of belief // Handbook of Mental Control. NJ: Prentice Hall, 1991. P. 57–87

²⁵³ Asp E., Tranel D. False tagging theory // Principles of frontal lobe function. New York: Oxford University Press, 2011. P. 383-416.

²⁵⁴ Gilbert D. T., Krull D. S., Malone P. S. Unbelieving the unbelievable: Some problems in the rejection of false information // Journal of personality and social psychology. 1990. Vol. 59. №4. P. 601.

автоматически вводит человека в состояние убеждения, и только в последствии субъект распознаёт (или не распознаёт) определённые маркеры, или «теги ложности». Основы этой идеи не новы. С первого взгляда кажется, что философия содержит некоторую интуитивную предустановку, что фиксация убеждения – это медленный процесс, и что у нас есть способность анализировать истинность предложения, прежде чем согласиться с этим предложением. Однако, элементы, похожие на концепцию Э. Аспа содержит, к примеру, картезианская модель познания: «ведь хотя вероятные догадки увлекают меня в одну сторону, одного только осознания их в качестве догадок, исключаящих достоверность и несомненность доводов, довольно для того, чтобы отклонить мое доверие в сторону противоположную. В эти дни я довольно часто испытывал подобное чувство — когда все то, что я прежде считал в высшей степени истинным, я расценивал как совершенно ложное лишь потому, что замечал возможность сомнения в этих вещах»²⁵⁵. Можно сказать, что истинная информация получает тег истинности, а ложная информация получает тег ложности. Или, например, теорема 42 «Этики» Б. Спинозы также отсылают к наличию «идеи истинности» и «идеи ложности» для квалификации новых суждений. В то время как у Декарта истинная информация обязательно содержит «тег истинности», Спиноза утверждает, что только ложная информация получает «ложный» тег, а немаркированная информация автоматически принимается как истинная²⁵⁶²⁵⁷²⁵⁸. Именно эту мысль продолжает теория ложных тегов: суждение должно быть «помечено», чтобы указать на ложность, в обратном случае сомнение не будет «запущено».

Способность к распознаванию таких меток связана с активностью в вентромедиальной префронтальной коре²⁵⁹, одного из тех участков, которые делают нас теми, кем мы являемся. Выражаясь словами Э. Аспа, функция такой активности похожа на роль вратаря: если убеждение не заблокировано

---

²⁵⁵ Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках. Перевод на русский язык Г. Г. Слюсарева и А. П. Юшкевича. // Сочинения в 2 Т. Т. 2. М.: «Мысль», 1994. С. 49

²⁵⁶ Nadarevic L., Erdfelder E. Spinoza's error: Memory for truth and falsity // Memory & cognition. 2013. Vol. 41. №2. P. 176-186.

²⁵⁷ Mandelbaum E. Thinking is believing // Inquiry. 2014. Vol. 57. №1. P. 55-96.

²⁵⁸ Warner K., Tranel D., Asp E. The Henchman's Brain: Neuropsychological Implications of Authoritarianism and Prejudice // Neuroimaging Personality, Social Cognition, and Character. Academic Press. 2016. P. 325-335.

²⁵⁹ Asp E., Manzel K., Koestner B., Cole C., Denburg N. L., Tranel, D. A neuropsychological test of belief and doubt: damage to ventromedial prefrontal cortex increases credulity for misleading advertising // Frontiers in Neuroscience. 2012. Vol. 6. P. 100.

на этом этапе, оно принимается. Однако, в действительности эта функция больше похожа не на «вратаря», а на «вахтёра», поскольку «блокируются» не все суждения, а только те, которые имеют необходимые теги (ложности).

Скептицизм имеет длительную историю в философии, и изучение природы сомнения уже приводило к выработке философских моделей, на базе которых были предложены нейропсихологические объяснения. Не существует отдельной «философии сомнения», однако можно однозначно говорить о некоторых традициях в этой области. Так, к примеру, для Декарта и Спинозы было не столь важно описание повседневных мыслительных операций, сколько выявление фундаментальных характеристик познания и общей идеи истинности. Однако, интересующий нас психологический характер имеет прагматическая традиция в философии, где сомнение предстало как действительно неотъемлемая часть природы познающего субъекта.

Ч.С. Пирс указал на то, что формирование убеждений субъекта основывается на одном психологическом, эмоциональном факторе, который невозможно игнорировать: сомнение раздражает. Концепция «человека несомневающегося» предполагает, что всякий раз, когда нам нужно попытаться понять что-то, для чего у нас нет объяснений, мы испытываем раздражение. С одной стороны, это раздражение положительно, то есть конструктивно, поскольку побуждает нас к познавательной деятельности и преувеличению собственного багажа знаний, развитию некоторых аналитических практик. С другой стороны, если полностью следовать взглядам Пирса, сам факт состояния «осознания незнания», то есть признания бытия чего-то, что принципиально ускользает от нашего познания, является также и прототипом тех бессмысленных идей, от которых скептический ум должен нас избавить. Эти стороны иллюстрируют естественный познавательный процесс. В течение жизни субъект приобретает новые убеждения, коллекционируя поводы сомневаться в убеждениях имеющихся²⁶⁰.

В основе такой точки зрения лежит анализ сомнения как момента разрушения убеждения опытом. Сомнение следует из осознания несовместимости двух убеждений, принимаемых как достоверные. Одно из этих убеждение принято на основе ранее полученного опыта, а второе

---

²⁶⁰ *Pierce C.S. Pragmatism and pragmaticism. Cambridge: Harvard University Press, 1965. P. 257*

навязывается текущей перцептивной ситуацией²⁶¹. Р. Мейер предлагает описывать эту ситуацию так: А сомневается в p , если и только если А верит, что p и q , притом осознавая несоответствие между p и q ²⁶².

Совершенно необязательно, чтобы в такой ситуации прослеживалось раздражение, о котором говорил Пирс. Поясним это при помощи сравнения двух примеров:

(1) До вчерашнего дня А полагал, что его сосед нем, и поэтому не здоровается вслух при встрече, но застав его в мясной лавке за общением с продавцом, А убедился, что ранее был в заблуждении. Он может быть обескуражен, но не раздражен.

(2) До вчерашнего дня А полагал, что стоящая в кабинете китайская ваза датируется эпохой Мин, но прочитав о том, что красящий пигмент стал активно применяться столетием позже, А засомневался в убеждении, которого придерживался ранее. А. раздражён.

В первой ситуации мы наблюдаем, как новый опыт полностью исключил ранее имеющееся убеждение, и у А нет никакого иного выхода, кроме как в свете новых обстоятельств отказаться от него.

Вторая ситуация иллюстрирует как раз «пирсово раздражение». Речь идёт именно о стрессовом переходе от p к q . Субъект при этом находится в промежуточном состоянии: с одной стороны, он может сомневаться в принадлежности вазы к указанной эпохе, с другой стороны – в достоверности прочитанной статьи, и при этом он не способен определить, какая из двух позиций в действительности верна. Неспособность отличить истинное от ложного – двигатель раздражения.

Сомнение, что важно, нарушает привычный способ действовать, основываясь на имеющихся убеждениях. В этом заключается укрепление прагматического контекста познания и сомнения: сомнение раздражительно по той причине, что перестраивает привычный порядок потенциальности действий. В примере с немым соседом действия субъекта меняются, но это не обязательно ведёт к раздражению. Теперь, допустим, он будет здороваться с соседом вслух, то есть приобретает новые бытовые практики. Но в описанном с вазой случае, меняется символическая реальность социального субъекта: он утрачивает чувство обладания чем-то особенным и исключительным, он лишается чего-то важного.

---

²⁶¹ Meyers R. G. Peirce on Cartesian doubt // Transactions of the Charles S. Peirce Society. 1967. P. 13-23.

²⁶² Там же.

Идентичные начала концепции сомнения формулируются в лекциях У. Джеймса: «Индивид уже имеет запас старых убеждений, но он получает новый опыт, который ставит их в напряженное положение. Что-то противоречит им; или в момент размышления он обнаруживает, что они противоречат друг другу; или он слышит факты, с которыми они несовместимы; или в нем возникают желания, которые они перестают удовлетворять. Результатом этого является внутреннее беспокойство, которое его уму до сих пор было чуждо, и от которого он стремится убежать, изменяя массу прежних убеждений. Он делает это экономно настолько, насколько может, потому что в этом вопросе мы все крайние консерваторы. Он пытается изменить сначала одно мнение, потом другое [...], пока, наконец, не появляется какая-то новая идея, которую он может привить с минимальным нарушением последнего»²⁶³.

Для У. Джеймса сомнение и вера выступают психологическими установками, задающими определенное поведение их носителей. К примеру, сомневаясь в существовании какого-то объекта, мы можем продолжать действовать так, «как будто бы не сомневаемся», и это говорит о том, что наличие сомнения самого по себе или его отсутствие являются совокупностью выражаемых человеком действий. Подобная трактовка сомнения как действия влечёт за собой целый ряд интересных вопросов. Один из них связан с тем, стоит ли на основании положений Джеймса трактовать убеждения как продукт осознанного решения самого субъекта. Описанная в «Зависимости веры от воли»²⁶⁴ и в сборнике лекций по прагматизму²⁶⁵ позиция в чём-то действительно находит своё место среди тезисов, которые в западной философии всё чаще объединяют термином «доксастический волюнтаризм». Однако, совсем необязательно трактовать его подобным образом. У. Джеймс не утверждает, что психологические акты, связанные с процедурой смены убеждений, доступны волевому контролю. Можно сказать, что, напротив, именно неспособность к волевому контролю убеждений становится причиной «действовать так, как будто бы не сомневаемся». Поведение,

---

²⁶³ James W. Pragmatism: A new name for old ways of thinking. New York, Cambridge: Harvard University Press, 1907. P. 34.

²⁶⁴ James W. The will to believe and other essays in popular philosophy. New York, Cambridge: Harvard University Press, 1979. Vol. 6. 364 p.

²⁶⁵ James W. Pragmatism: A new name for old ways of thinking. New York, Cambridge: Harvard University Press, 1907. 338 p.

а не убеждение, выступает здесь объектом воли, что сильно ограничивает волонтаристское прочтение концепции.

Затем, выявляя особые обстоятельства достаточности, при которых сомнение на чувственных основаниях игнорируется, Джеймс подбирается к идее зависимости стандартов познавательной деятельности от контекста этой самой деятельности²⁶⁶. Он отмечает, что отсутствие причины сомневаться является точкой отсчётов стандарта, позволяющего оправдать убеждение. В таком случае, понятие причины для сомнения является более фундаментальным, чем понятия «сомнение» и «убеждение».

Д. Дьюи будто продолжает эту мысль, предлагая сразу несколько таких причин: верность принципу, согласно которому знание «есть завершённое разрешение изначально неопределённого»²⁶⁷, а также склонность к преждевременным суждениям, поспешность в выводах, чрезмерная любовь к простоте, пересмотр доказательств в угоду желаниям, принятие знакомого за ясное. Он воспроизводит общую для упомянутых авторов установку, что человеку не естественно беспокойство, сопровождающее всё сомнительное, и он готов принять почти любые средства, чтобы покончить с ними. Однако, приведённые им примеры говорят скорее об обратном, чем о том, что говорили ранее рассмотренные авторы: природа сомнения коренится не в неуверенности, а именно в уверенности субъекта. Именно в этом положении раскрывается наиболее интересная в рамках текущей темы идея Д. Дьюи. Он отмечает, что оценка сомнения обнажает разницу между научным и обыденным мышлением: пока для первого сомнение есть созидательный поиск, для второго оно является разрушительной силой. Эти два типа мышления переживают столкновения: «Метод и выводы науки, без сомнения, вторглись во многие заветные представления о вещах, которые считались самыми дорогими, и возникшее в результате противоборство представляет собой подлинный культурный кризис»²⁶⁸.

Д. Дьюи уточняет особенности работы с сомнением как этапа мыслительного процесса: преодоление сомнения, предполагает он, заставляет человека обратиться к тому, что уже известно: процесс «похож на использование ранее изготовленных инструментов <...>: изобретение

---

²⁶⁶ Hookway C. James's Epistemology and the Will to Believe // European Journal of Pragmatism and American Philosophy. 2011. Vol. 3. №1. P. 30-38.

²⁶⁷ Dewey J. The later works of John Dewey, Volume 4, 1925-1953: 1929: The quest for certainty. Carbondale: SIU Press, 2008. Vol. 4. P. 227.

²⁶⁸ Dewey J. The later works of John Dewey, Volume 4, 1925-1953: 1929: The quest for certainty. Carbondale: SIU Press, 2008. Vol. 4. P. 48 .

новых инструментов требует повторения операций, с помощью которых они были первоначально сконструированы»²⁶⁹. Отсюда следует, что сомнение должно воспроизвести первичный процесс принятия убеждения, и в результате этого процесса должна появиться более достоверное по содержанию убеждение, способное полностью заменить предыдущее.

Сомнение для философии прагматизма – абсолютно психологическое явление. У Ч. Пирса оно предстаёт когнитивным раздражением, которое невозможно контролировать. У У. Джеймса сомнение становится набором поведенческих актов, связанных с контекстом познания, притом действия, связанные с подлежащим сомнению убеждением, оказываются подконтрольны. У Д. Дьюи сомнение распадается на научное и обыденное, каждое из которых характеризуется отдельно. Тем не менее, эти подходы можно объединить в некую общую систему, отталкиваясь именно от понятия раздражения.

Сомнение относительно научного знания играло и продолжает играть заметную роль в общественных дебатах последнего десятилетия. В качестве примеров можно обратиться к спорам о канцерогенах в табаке и глобальном потеплении: принимая во внимание, что публичной огласки экспертом того или иного факта недостаточно, можно согласиться с тем, что сомнение, укоренившееся в общественном сознании, является его же продуктом. В этом случае сомнение обретает формы социальных отношений, в которой задействованы как минимум два участника. Первый участник – это субъект, испытывающий описанное Пирсом раздражение от сомнения и стремящееся к достоверным убеждениям (субъект Пирса). Вторым участником – это субъект, способный действовать «так, как будто он не сомневается в имеющихся убеждениях», и настроенный на максимально возможное сохранение имеющейся системы убеждений в устоявшемся виде (субъект Джеймса). В использованных ранее примерах экспертное сообщество выступает субъектами Пирса, а субъектами Джеймса, например, производители табака. Можно привести и другие примеры: промышленные предприятия, игнорирующие информацию о наносимым ими вреду экологии, популярные в культуре легенды, игнорирующие исторические данные. Между этими двумя социальными субъектами, представляющими идеи Пирса и Джеймса, может образовываться описанное Дьюи противостояние: «каким образом реальности, обладающие

---

²⁶⁹ Там же, Р. 187.

физическими свойствами характеризуются качествами, называемыми идеальными и духовными?»²⁷⁰. Данная формулировка предполагает, что «силой», определяющий долю сомнения обывателя в научном знании, является то, насколько тесно подлежащая сомнению тема вплетена в повседневное сознание человека, в его культуру. Вопросы, которые больше всего могут привести к навязчивым сомнениям, – это те, ответы на которые кажутся наиболее тесно связанными с решающими последствиями для собственного будущего.

Дьюи сформулировал мысль, которую в рамках поставленной в настоящем исследовании теме можно отнести к числу законов: «длительное пребывание в опасности порождает всепоглощающую любовь к безопасности»²⁷¹. Этому учат как все известные истории научные революции, так и современные проблемы диалога научного сообщества с обывателями. В условиях ускорения темпов производства нового знания, а также сужения области «известного неизвестного» (осознаваемых пробелов в знаниях), противостояние только усиливается. Большие и маленькие «революции» в привычных картинах мира, от биологии мозга, ставящей под вопрос свободу воли, до бытового конфликта авторитетов между субъектами Пирса и субъектами Джеймса в примере с табачной кампанией, приводят к тому, что «опасность» возникновения сомнений в духовно значимых представлениях оказывается перманентной. Ситуация оказывается безвыходной: новое знание либо не затрагивает деятельности человека и не служит непосредственно повседневной практике, либо приходит на место устоявшихся представлений, следовательно, должно ознаменовать новые столкновения.

Сделаем некоторые замечания. Прежде всего, для построения полноценной философско-психологической программы исследования сомнения необходимо определить, что именно представляют собой данные теги, – вопрос, который Э. Асп обошёл стороной. Если приведённые в статье результаты сравнения его концепции с прагматическим подходом не вызывают принципиального возражения, то именно так это упущение можно восполнить.

Ч.С. Пирс настаивает на том, что источники сомнения следует искать

---

²⁷⁰ Dewey J. The later works of John Dewey, Volume 4, 1925-1953: 1929: The quest for certainty. Carbondale: SIU Press, 2008. Vol. 4. P. 48.

²⁷¹ Dewey J. The later works of John Dewey, V.4. 1925-1953: 1929: The quest for certainty. Carbondale: SIU Press, 2008. Vol. 4. P. 227.

в сомнениях других лиц, и хотя социальная детерминация сомнения не стала центральной проблемой для прагматиков, сомнение явно изображается как социально мотивированный феномен. Предположение, что механизмы сомнения в сознании человека построены по простому языковому и формальному логическому алгоритму, как программа, которая распознаёт синтаксические и семантические ошибки в понятиях и связях между ними, наивно. Всё же «вратарь» Э.Аспа должен быть проинструктирован о том, как идентифицировать теги, и обретение сознанием идеи «ложного тега» очевидно имеет социальный характер.

На основании этого кажется справедливым назвать сомнение одним из механизмов смены эпистемического состояния человека. Однако, это, в свою очередь, требует уточнения другого вопроса, а именно – как с учётом этого заключения можно расценивать процессы первичного принятия убеждения.

3.2. Эпистемическая бдительность как механизм первичной обработки тегов

Способность отследить и предположить, кто, что и на основании чего может знать, социолог и когнитивист Д. Спербер называет эпистемической бдительностью²⁷². Для него явление бдительности по отношению к получаемым знаниям сходно тому, как люди ходят в оживлённых местах, где в непосредственной близости существует риск случайного или преднамеренного столкновения, не боясь столкнуться и в целом доверяя траекториям других людей, за исключением тех, кто с первого взгляда создаёт впечатление небрежного или агрессивного человека. Д. Спербер предлагает очень правильную, на наш взгляд, аналогию: существует некий калибровочный механизм, благодаря которому субъект способен или не способен оценить правдоподобие поступающей информации. Недопустимый уровень информации, небрежной или агрессивной по отношению к прочим знаниям, активизирует этот механизм, в то время как в обычное время уровень бдительности остаётся невысоким.

К вопросу эпистемической бдительности можно подойти с двух сторон. Первая сторона связана с представлениями классической теории познания, для которой понятие знания имеет нормативный характер, что выражается в принимаемых экспертным сообществом императивах: оно должно быть проверяемо, должно быть воспроизводимо, должно быть внутренне непротиворечиво. Нормативный вопрос связан с условиями, в которых убеждение, приобретенное посредством свидетельства, квалифицируется как знание. В этом случае под эпистемической бдительностью следует понимать критическое принятие утверждений в соответствии с требованиями рациональности, предъявляемыми к подлинному знанию.

Другая сторона – это описательный подход к эпистемической бдительности. Для неё наиболее значимым является не то, что должно быть учтено как критерий достоверности, а то, что на самом деле учитывается индивидами при осуществлении эпистемических оценок. В данном исследовании эпистемическая бдительность трактуется именно в этом смысле.

Склонность к бдительности, вероятно, образовалась в процессе биологической и культурной эволюции человека наряду со способностью

---

²⁷² Sperber D., Clément F., Heintz C., Mascaro O., Mercier H., Origg G., Wilson D. Epistemic vigilance // *Mind Language*, 2010. Vol. 25. P. 359–393.

к социальному взаимодействию. Очевидным аспектом бдительности является доверие, а движущей в эволюционном плане силой её развития – неоправдавшееся, нарушенное доверие, сопутствующее развитию коммуникационных систем. Предполагается, что эволюционный сценарий эпистемической бдительности состоит в том, чтобы дополнить механизм, обеспечивающий быструю и легкую интеграцию передаваемой информации (общение), эффективными и автоматическими фильтрами, которые активизируют бдительность по отношению к определенным ораторам (или в определенных условиях)²⁷³.

Одна из предпосылок концепции эпистемической бдительности заключается в том, что она калибруется, хотя точная калибровка является затратной с когнитивной точки зрения, и в большинстве случаев бдительность работает в режиме компромисса между краткосрочными затратами и долгосрочными выгодами. Концепция Д. Спербера подкрепляется рядом исследований, на основании которых можно говорить о психических закономерностях процесса поиска данного компромисса:

- в 16 месяцев дети замечают, когда знакомое слово используется неуместно²⁷⁴,
- к двум годам дети пытаются опровергнуть и исправить утверждения, которые, по их мнению, являются ложными²⁷⁵,
- трехлетние дети начинают оценивать источник информации и выбирать информаторов, которые кажутся более надёжными²⁷⁶,
- к четырём годам проявляется способность продемонстрировать некоторое понимание того, что включает в себя надёжность источника утверждений²⁷⁷,
- после четырёх лет появляется основа для более взрослых форм эпистемической бдительности, дети осознают, что другие могут

---

²⁷³ Kissine M., Klein O. Models of communication, epistemic trust and epistemic vigilance // *Social cognition and communication*, 2013. P. 139-154.

²⁷⁴ Koenig M. A., Echols C. H. Infants' understanding of false labeling events: The referential roles of words and the speakers who use them // *Cognition*, 2003. P. 179–203.

²⁷⁵ Pea R. D. Origins of verbal logic: Spontaneous denials by two-and three-year olds // *Journal of child language*, 1982. Vol. 9. P. 597–626.

²⁷⁶ Mascaro O., Sperber D. The moral, epistemic, and mindreading components of children's vigilance towards deception // *Cognition*, 2009. P. 387.

²⁷⁷ Couillard N. L., Woodward A. L. Children's comprehension of deceptive points // *British Journal of Developmental Psychology*. 1999. Vol. 17. №4. P. 515-521.

придерживаться ложных убеждений и могут хотеть, чтобы они придерживались ложных убеждений²⁷⁸.

В психологических экспериментах было показано, что на эпистемическую оценку влияет личность источника информации: мы скорее поверим другу, нежели врагу. Оценка информации, полученной от друга, более устойчива. Предполагается, что положительная оценка источника информации вызывает ряд «плохо поддающихся описанию когнитивных изменений»²⁷⁹, но которые можно зафиксировать посредством, например, фиксации времени реакции при принятии решения об истинности информации. К сигналам, которые большинство людей рассматривают как свидетельства ненадёжности информатора, также относят «напористость, кажущуюся уверенность, трудности в поиске подходящих слов, частые перефразировки, заикание, колебания или противоречия, направление взгляда говорящего или избегание зрительного контакта»²⁸⁰.

Вопрос о возможных тегах доверия к информатору при оценке истинности информации стал особо актуальным в 2020 году в связи с ростом недоверия к власти и медицине в рамках проведения мероприятий по всеобщей вакцинации. Исследования показали, что люди, которые думают, что знают о заболеваниях больше, чем медицинские эксперты, с большей вероятностью будут доверять источникам, не являющимся экспертами, например знаменитостям²⁸¹.

Этот пример является показательным для настоящего исследования. «Ответственность» за формирующиеся у населения убеждения несут вовсе не эксперты, и выбор «доверительных лиц» в меньшей степени связан с процессами научной экспертизы. Во-первых, это связано с общими тенденциями развития современной науки, где понятие общей компетентности фрагментируется на узкоспециальные компетенции: в случае пандемии COVID-19, эпидемиолог может не обладать компетенцией иммунолога, у которого может отсутствовать клиническая экспертиза и так далее. Для общественности это не всегда очевидно,

---

²⁷⁸ *Wimmer H., Perner J.* Beliefs about beliefs: Representation and constraining function of wrong beliefs in young children's understanding of deception // *Cognition*. 1983. Vol. 13. №1. P. 41–68.

²⁷⁹ *Bergstrom B.* Epistemic Vigilance: The Error Management of Source Memory and Belief. Washington: University in St. Louis, 2012. 995 p.

²⁸⁰ *Origg G.* Epistemic injustice and epistemic trust // *Social Epistemology*. 2012. Vol. 26. №2. P. 221–235.

²⁸¹ *Motta M., Callaghan T., Sylvester S.* Knowing less but presuming more: Dunning-Kruger effects and the endorsement of anti-vaccine policy attitudes // *Social Science & Medicine*. 2018. Vol. 211. P. 274–281.

поэтому как бы показывает некую уязвимость экспертного мнения. Во-вторых, виртуально-информационное пространство не делает действительного различия между экспертами и неэкспертами. Претензия на правдивость сопровождает почти каждое сообщение, независимо от того, сказано ли оно экспертом или невеждой, и такие сообщения производятся повсеместно, бесконтрольно, безосновательно. Появляется «плоская медиация», в которой роли информаторов равны, и маргинальные группы получают гораздо больше власти²⁸².

Анализ концепции эпистемической бдительности и подобные примеры показывают, что она не является альтернативой концепции ложных тегов, а в определённом смысле является её необходимым дополнением. Возможность их концептуального синтеза мы предлагаем рассмотреть в следующем параграфе.

---

²⁸² Mounk Y. The People vs. Democracy – Why Your Freedom is in Danger and How to Save It. Cambridge: Harvard University Press, 2018. 400 p.

3.3. Обобщённая концепция эпистемических тегов

Концепция ложных тегов и концепция эпистемической бдительности исходят из одного и того же предположения о вторичности критических когнитивных процессов. Однако, в то время как Э. Асп предлагает сфокусироваться на маркерах ложности, которые обосновывают сомнение, предмет исследования Д. Спербера представляют собой своеобразные «теги истинности», то есть ситуативные поводы принять утверждение как обоснованное.

Мы предлагаем объединить положения Д. Спербера и Э. Аспа, а также положения, рассмотренные в других главах настоящей работы, в виде обобщённой концепции эпистемических тегов, которая строится на системе следующих утверждений:

1. В процессе познавательной деятельности человек работает с потоками информации, представляющими из себя набор утверждений. Оценка этих утверждений является комплексным механизмом, который включает в себя когнитивные и социальные аспекты. Ход и результат этой процедуры определяет эпистемическое состояние, которое занимает человек относительно каждого из утверждений.

2. Эпистемические состояния могут быть состояниями убеждения или состояниями незнания (агнотологические состояния).

3. Состояния убеждения характеризуются способностью человека лингвистически выражаются фразами «я знаю, что...», «я убеждён, что...». При этом, убеждения могут иметь такой характер, который делает вербализацию убеждения трудной или совершенно недоступной (неявные знания).

4. Агнотологические состояния характеризуются неспособностью человека принять или отвергнуть рассматриваемое утверждение. Это может иметь субъективный (временный) характер, если субъект допускает, что затруднение может быть преодолено при более тщательном анализе и более внимательном знакомстве с аргументами, поддерживающими или опровергающими утверждение; или объективный характер, при котором субъект принципиально не может принять или отвергнуть какие-либо аргументы.

5. Процедура оценки утверждения является обработкой тегов, то есть вниманием к определённым маркерам, позволяющим принять или отвергнуть утверждение.

6. Следует различать теги истинности и теги ложности. Первые представляют собой причины, воспринимая которые субъект склонится к признанию утверждения как истинного. Ложные теги являются причинами для сомнения в рассматриваемом убеждении или для пересмотра ранее принятого убеждения.

7. Обработка тегов истинности является первичным механизмом смены эпистемического состояния, обработка ложны тегов является вторичной. Это означает, что критическое осмысление утверждения происходит только в вынужденных условиях, и если субъект имеет возможность этого не делать, то, скорее всего, он предпочтёт этого не делать. Под вынужденными условиями можно понимать разрушение привычного способа действия, при котором убеждение перестаёт «работать», и поступление новой информации, обладающее необходимыми тегами истинности.

8. Эпистемические теги могут быть обнаружены в содержании рассматриваемого утверждения, в источнике информации, в социальных аспектах процесса знакомства с утверждением. К эпистемическим тегам, связанным с содержанием утверждения, можно отнести лингвистические средства его выражения и его внутреннюю согласованность. Под источником утверждения может пониматься всё, что связано с его производством: автор утверждения или третье лицо, выступающее в роли медиатора, а также методы и процессы выработки утверждения. К социальным аспектам можно отнести контексты и фреймы субъективных эпистемических ситуаций.

Для прояснения этого пункта необходимо сделать небольшое замечание. На описанном основании утверждение «Экзистенциальное консультирование содержит метод феноменологической редукции» не будет принято ни в качестве истинного, ни в качестве ложного в связи со сложностью выражения для неподготовленного слушателя и приведёт к агнотологическому состоянию (р-затруднение). Утверждение «Венеция – это рыба» будет отвергнуто из-за противоречия понятий «Венеция» и «рыба».

Но эти утверждения могут быть приняты как истинные при особенных обстоятельствах. В первом случае – если субъект «делегирует» право обоснования и оценивания надёжному третьему лицу, например, преподавателю, который сообщил ученикам, что данное утверждение истинно (источник). Во втором случае – если социальная ситуация

подразумевает специфический контекст утверждений, например, в рамках обсуждения литературного произведения Т. Скарпа «Венеция – это рыба» метафора, вынесенная в заглавие, может быть принята субъектом как истинное утверждение (контекст ситуации).

9. Обработка эпистемических тегов – это внимание к четырём группам факторов, соответствие оцениваемого утверждения которым идентифицируется как тег истинности, а несоответствие – как ложный тег.

10. Первая группа факторов – это убеждения, которые на момент обработки субъект уже определил как истинные или ложные, и которые содержательно связано с новым утверждением (плюс-знания и минус-знания). Наличие убеждений, позволяющих расценить утверждение как плюс-знание, является тегом истинности, а несоответствие утверждения имеющимся убеждениям, – тегом ложности.

11. Вторая группа факторов – это характеристики самого утверждения. К этим характеристикам относятся выражение утверждения в языке, в том числе коннотативные и стилистические оттенки, внутренняя согласованность утверждения (см. п.8). В то время как ясность является необходимым элементом способности вынести какую-либо оценку, противоречивость утверждения скорее будет расценена как ложный тег.

12. Третья группа факторов – это эмоциональные переживания, связанные с гипотетической истинностью или ложностью утверждения (устойчивые и неустойчивые знания). Такие факторы объясняют ситуации, когда субъекту важно, чтобы утверждение было истинным, когда ему «приятно знать» и попытки пересмотреть статус утверждения вызывает возмущение. Эмоции, сопровождающие анализ нового утверждения, могут быть как результатом индивидуального жизненного опыта человека и особенностей его мировоззрения, так и проекциями культуры. В последнем случае эти факторы могут быть также отнесены к четвёртой группе.

13. Факторы, представляющие четвёртую группу, носят социальный характер и связаны с особенностями контекста ситуации, соответствием участия третьих лиц их социальным ролям, устоявшимися общественными представлениями о том, что является истинным, и пр. Наиболее значимыми факторами данной группы является доверие к источнику нового утверждения и реакции других субъектов на него (см. п.8).

Теоретические предпосылки, являющиеся обоснованием для предлагаемой системы тезисов, составляют основную часть данной работы,

однако, кажется необходимым обозначить и практические рекомендации. Что даёт обобщенная концепция эпистемических тегов для прикладных исследований? В первую очередь, она уточняет ключевые понятия, необходимые для осуществления философско-психологического диалога о знании как одном из состояний человека. Затем, в результате синтеза философских, когнитивных и психофизиологических принципов, обобщённая концепция даёт характеристику эпистемических состояний и связей между ними. Более подробные характеристики можно уточнять эмпирическим путём, что представляет собой первый способ практического применения результатом данной работы. Второй способ – это исследование динамики таких состояний, и в этом случае предлагаемая обобщённая концепция эпистемических тегов предлагает модель смены эпистемических состояний.

Заключение

Современные технологии в некотором смысле парадоксальны: с одной стороны, мы признаём, что в виртуально-информационной среде возрастают риски дезинформации, и что сама информация «работает» по-другому; с другой стороны, в той же среде формируются новые образовательные парадигмы (например, цифровая педагогика) и новые способы трансляции научного знания. В условиях интернетизации повседневная, самостоятельная, неэкспертная познавательная деятельность стала основной формой работы с информацией (по сравнению с предшествующими этапами культуры, где эти процессы модерировались учителями, издателями, рецензентами). Изменилось как производство информации, в котором в едином потоке смешалось научное, вненаучное и откровенно лженаучное, так и само познающее сознание, которое стремится к увеличению объёма своих знаний иногда в ущерб их качеству. Так, например, за последние несколько лет среди обывателей всё активнее ведутся беседы о чёрных дырах или о зеркальных нейронах, и вместе с тем происходит возрождение сообщества плоской земли. Эти и другие аналогичные примеры показывают, насколько нетрадиционна для психологических и философских теорий динамика знания в современном обществе. Поскольку институциональные формы познания вроде школ, университетов и даже онлайн-академий сегодня строго контролируются стандартами, разумно допустить, что эти парадоксы не говорят о некачественном образовании или массовой безграмотности современного общества. Это приводит к положению о том, что такие разные следствия являются результатом одного и того же процесса, а именно взаимодействия типа «сознание–гипертекст». Это особенно актуально в связи с нынешней эпидемиологической обстановкой, когда образование массово переводится в онлайн. Всё это требует определения новых инструментов анализа познавательной деятельности человека.

С развитием когнитивных исследований, социально-эпистемологических концепций и социально-философских измерений проблемных свойств информационного общества появилась потребность в выработке описательного определения знания не как научной категории, а как определённого состояния человека: что именно происходит с субъектом, когда он знает? В какой момент мы перестаём предполагать и начинаем знать? Что служит импульсом для перехода из знания в сомнение? Возможно ли вообще различить такие состояния? Эти

фундаментальные вопросы положены в основу разных исследовательских опытов, которым, как было показано в самом начале, не хватает своеобразного общего знаменателя, и к теоретическому и методологическому инструменту, претендующему на статус такого знаменателя, можно высказать несколько замечаний.

В первую очередь, этот инструмент должен описывать взаимодействие типа «сознание-гипертекст» как форму чувственного познания, при том в большинстве случаев визуального, а именно посредством экрана, интерфейса. Это означает, что исследованиям эпистемических состояний необходим анализ перцептивных, психофизиологических особенностей. Во вторую очередь, это взаимодействие должно учитывать когнитивные аспекты, поскольку полученная информация дешифруется, анализируется. В этот момент познающее сознание находится в «пограничном» эпистемическом состоянии, поскольку оценка достоверности информации ещё не завершена. Другими словами, субъект ещё не определился, что делать с полученной информацией: знать её, верить в неё, сомневаться в ней, испытывать неопределённость или оставаться в неведении. Предложенная обобщённая концепция эпистемических тегов является попыткой объединить эти два условия, не исключая из внимания капитал решений, накопленных в философии по вопросу знания. Предполагается, что такая концепция представляет собой искомое концептуальное решение, способное объединить измерения, которые вписываются в общепринятое определение эпистемологии, с накопленными в когнитивной науке данными, описывающими и объясняющими состояния убеждения и механизмы их смены.

Список литературы

1. *Anderson B.* Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism. NY: Verso books, 2006. 256 p.
2. *Anderson J.R.* The Architecture of Cognition. Harvard University Press, 1983. 178 p.
3. *Engelbrecht J., Harding A., Potgieter M.* Undergraduate students' performance and confidence in procedural and conceptual mathematics // International Journal of Mathematical Education in Science and Technology. 2005. Vol. 36. №7. P. 701-712.
4. *Annis D.B.* A contextualist theory of epistemic justification // American philosophical quarterly. 1978. Vol. 15(3). P. 215.
5. *Apperly I.* Mindreaders: the cognitive basis of "theory of mind". Hove: Psychology Press, 2010. 232 p.
6. *Asp E., Manzel K., Koestner B., Cole C., Denburg N. L., Tranel D.* A neuropsychological test of belief and doubt: damage to ventromedial prefrontal cortex increases credulity for misleading advertising // Frontiers in Neuroscience. 2012. Vol. 6. P. 100. DOI: 10.3389/fnins.2012.00100
7. *Asp E., Tranel D.* False tagging theory // Principles of frontal lobe function. Knight, New York: Oxford University Press, 2011. P. 383-416. DOI: 10.1093/med/9780199837755.001.0001
8. *Baas J. H., Handerson H. E.* Outlines of the History of Medicine and the Medical Profession. New York: Vail, 1889. 1173 p.
9. *Babayan B. M., Uchida N., Gershman S. J.* Belief state representation in the dopamine system // Nature communications. 2018. Vol. 9. №1. P. 1-10. <https://DOI.org/10.1038/s41467-018-04397-0>
10. *Bakken R., Dobbs J.* The Relevance of Four Types of Knowledge for Leader Preparation in Radically Different Settings: Reflections on Data from a Case Study in Qatar and Teaching at a United States Military Academy // Creighton Journal of Interdisciplinary Leadership. 2016. Vol. 2. №2. P. 17-23.
11. *Bakmazian A.* The Man Behind the Beard: Perception of Men's Trustworthiness as a Function of Facial Hair // Psychology. 2014. Vol. 5. P. 185-191. DOI: 10.4236/psych.2014.53029
12. *Barton N.* Independence and Ignorance: How agnotology informs set-theoretic pluralism // Journal of Indian Council of Philosophical Research. 2017. Vol. 34. №2. P. 399-413.

13. *Bartsch K., Wellman H.* Children talk about the mind. Oxford: Oxford University Press, 1995. 234 p.

14. *Becker L.C.* Trust as Noncognitive Security About Motives // *Ethics*. 1996. Vol. 107. №1. P. 43- 61.

15. *Bergstrom B.* Epistemic Vigilance: The Error Management of Source Memory and Belief. Washington: University in St. Louis, 2012. 995 p. DOI: 10.7936/K7Z60M5P

16. *Bisiach E., Rusconi M. L., Vallar G.* Remission of somatoparaphrenic delusion through vestibular stimulation // *Neuropsychologia*. 1991. Vol. 29. P. 1029–1031. DOI: 10.1016/0028-3932(91)90066-H

17. *Blanchette I.* The Effect of Emotion on Interpretation and Logic in a Conditional Reasoning Task // *Memory & Cognition*. 2006. Vol. 34. №5. P. 1112-1125.

18. *Botez A.* Michael Polanyi and Lucian Blaga as philosophers of knowledge // *The Paideia Archive: Twentieth World Congress of Philosophy*. 1998. Vol. 5. P. 13-18.

19. *Botez A., Allen R.T., Şerban H.A.* Lucian Blaga: Selected Philosophical Extracts. Wilmington: Vernon Press, 2018. 178 p.

20. *Bradley J.P.N., Kennedy D.* Stiegler as philosopher of education // *Educational Philosophy and Theory*. 2020. Vol. 52. №4. P. 332-336.

21. *Bradley J.P.N.* On the Gymnastics of Memory: Stiegler, Positive Pharmacology, and Illiteracy. *NZ J Educ Stud*, 2021. DOI: 10.1007/s40841-021-00196-2

22. *Bromberger S.* On what we know we don't know: Explanation, theory, linguistics, and how questions shape them. University of Chicago Press, 1992. 240 p.

23. *Brown C.* What is a belief state? // *Midwest Studies in Philosophy*. 1986. Vol. 10. P. 357-378.

24. *Brown S., Seidelmann A., Zimmermann G.* In the trenches: three teachers // *Perspectives on moving beyond the math wars*. 2002. P. 404-411.

25. *Bullock L.M., Heflin J.* Exceptionalities in children and youth. Boston: Allyn & Bacon, 1991. 571 p.

26. *Calhoun C.* Subjectivity and Emotion // *Thinking About Feeling: Contemporary Philosophers on Emotions*. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 107-121.

27. *Churchland P.S.* Touching a nerve: the self as brain. London: W.W. Norton & Company, 2013. 304 p.

28. *Clark A.* Surfing Uncertainty: Prediction, Action, and the Embodied Mind. Oxford: Oxford University Press, 2015. 424 p.

29. *Clark A., Chalmers D.* The Extended Mind // Analysis. 1998. № 1. P. 7–19.

30. *Clare G.L., Gasper K.* Feeling is Believing: Some Affective Influences on Belief // Emotions and Beliefs: How Feelings Influence Thoughts. Cambridge: Cambridge University Press. 2000. P. 10-44.

31. *Collins A., Brown J. S., Newman S. E.* Cognitive apprenticeship: Teaching the craft of reading, writing and mathematics. University of Illinois, 1987. 42 p.

32. *Connors M. H., Coltheart M.* On the behaviour of senile dementia patients vis-à-vis the mirror: Ajuriaguerra, Strejilevitch and Tissot (1963) // Neuropsychologia. 2011. Vol. 49. №7. P. 1679-1692. DOI: 10.1016/j.neuropsychologia.2011.02.041

33. *Cooper H. et al.* The effects of summer vacation on achievement test scores: A narrative and meta-analytic review // Review of educational research. 1996. Vol. 66. №3. P. 227-268.

34. *Couillard N. L., Woodward A. L.* Children's comprehension of deceptive points // British Journal of Developmental Psychology. 1999. Vol. 17. №4. P. 515-521.

35. *Crane T.* The mental states of persons and their brains // Royal Institute of Philosophy Supplements. 2015. Vol. 76. P. 253-270. DOI: 10.1017/S1358246115000053

36. *Damasio A.R.* The Feeling of What Happens: Body and Emotion in the Making of Consciousness. New York: Harcourt Brace, 1999. 400 p.

37. *Damasio A.R.* William James and the Modern Neurobiology of Emotion // Emotion, Evolution, and Rationality. Cambridge: Oxford University Press, 2004. P. 3-14.

38. *Damnjanovic N.* Epistemic Contextualism and Recognising Knowledge across Cultures // Anthropological Forum. Routledge, 2012. Vol. 22. №3. P. 225-238.

39. *De Villiers J.* The interface of language and theory of mind // Lingua. 2007. Vol. 117. №11. P. 1858-1878.

40. Declassified Key Judgments of the National Intelligence Estimate on Global Terrorism // National Intelligence Estimate. Washington, D.C.: Office of the Director of National Intelligence, 2006. 4 p.

41. *Dennett D. C.* Beyond belief // Woodfield A. (ed.). Thought and Object: Essays on Intentionality. Oxford: Oxford University Press, 1983. 388 p.

42. *Dennett D. C.* Content and consciousness. London&New York: Routledge, 2002. 264 p
43. *Deslauriers W. A.* Math and the Chinese Room. Technical Report 2006-08. // Cognitive Science Technical Report Series. Department of Cognitive Science. 2005. №12. 21 p.
44. *Dewey J.* The later works of John Dewey, Volume 4, 1925-1953: 1929: The quest for certainty. Carbondale: SIU Press, 2008. Vol. 4 P. 187
45. *Dourado L.B., Lopes C.E., Pompermaier H.M.* O Besouro na Caixa de Skinner // *Psicologia: Teoria e Pesquisa.* 2021. Vol. 37. e37221. DOI: 10.1590/0102.3772e37221
46. *Dretske F. I.* Epistemic operators // *The journal of philosophy.* 2000. Vol. 67. №24. P.30–47.
47. *Dretske F.* Knowledge and the Flow of Information. Cambridge: The MIT Press. P.131. 288 p.
48. *Dretske F.* Conclusive Reasons // *Australasian Journal of Philosophy.* 1971. Vol. 49. P. 1-22.
49. *Dretske F.* The Pragmatic Dimension of Knowledge // *Philosophical Studies.* 1981. Vol. 40. P. 363–378.
50. *Dwyer J., Drew C.* Fear Exceeded Crime's Reality in New Orleans // *New York Times.* September 29, 2005. URL: <https://www.nytimes.com/2005/09/29/us/nationalspecial/fear-exceeded-crimes-reality-in-new-orleans.html>
51. *Elster J.* Alchemies of the Mind: Rationality and the Emotions. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 416 p.
52. *Farrar Jr. L. L.* Richard Ned Lebow. Between Peace and War: The Nature of International Crisis. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1981. 350 p.
53. *Festinger L.* A theory of cognitive dissonance. NY: Row, Peterson and Company, 1957. 291 p.
54. *Fielder K., Bless H.* The Formation of Beliefs at the Interface of Affective and Cognitive Processes // *Emotions and Beliefs: How Feelings Influence Thoughts.* Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 144-170.
55. *Flavell J. H.* Metacognition and cognitive monitoring: A new area of cognitive–developmental inquiry // *American psychologist.* 1979. Vol. 34. №10. P. 906.
56. *Floridi L.* The Fourth Revolution in our Self-Understanding // *Philosophy, Computing and Information Science.* London: Pickering and Chatto, 2014. P. 19-29.

57. *Foley R.* An epistemology that matters // *Liberal faith: Essays in honor of Philip Quinn.* University of Notre Dame Press, 2008. P. 43-55.
58. *Frijda N. H., Mesquita B.* Beliefs through emotions // *Emotions and beliefs: How feelings influence thoughts.* Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 45-77.
59. *Moretti L.* In defence of dogmatism // *Philosophical Studies.* 2015. Vol. 172. №1. P. 261–282. DOI: 10.1007/s11098-014-0293-0
60. *Foley R.* The theory of epistemic rationality. Cambridge: Harvard University Press, 2013. 352 p.
61. *Frijda N. H., Manstead A.S.R., Bem S.* The Influence of Emotions on Beliefs // *Emotions and Beliefs: How Feelings Influence Thoughts.* Cambridge: Cambridge University Press. 2000. P. 1-10.
62. *Frijda N.H.* The Laws of Emotion // *American Psychologist.* 1988. Vol. 43 (5). P. 349-358.
63. *Frijda N.H.* The Psychologists' Point of View // *Handbook of Emotions.* New York: Guilford Press, 2000. P. 59-74.
64. *Ganem J.* Why Our Kids Don't Get Math // *The Robot Factory.* NY: Springer, Cham, 2018. P. 69-90.
65. *Garner R.* When children and adults do not use learning strategies: Toward a theory of settings // *Review of educational research.* 1990. Vol. 60. №4. P. 517-529.
66. *Gavalas D.* From Searle's Chinese room to the mathematics classroom: technical and cognitive mathematics // *Studies in Philosophy and Education.* 2007. Vol. 26. №2. P. 127-146. DOI: 10.1007/s11217-006-9018-y
67. *Gerken M.* On folk epistemology: How we think and talk about knowledge. Oxford: Oxford University Press, 2017. 352 p.
68. *Gilbert D. T.* How mental systems believe // *American psychologist.* 1991. Vol. 46. №2. P. 107–119.
69. *Gilbert D. T.* The assent of man: Mental representation and the control of belief // *Handbook of Mental Control.* NJ: Prentice Hall, 1991. P. 57–87
70. *Gilbert D. T., Krull D. S., Malone P. S.* Unbelieving the unbelievable: Some problems in the rejection of false information // *Journal of personality and social psychology.* 1990. Vol. 59. №4. P. 601-613.
71. *Goldie P.* Emotion, Feeling, and Knowledge of the World // *Thinking About Feeling: Contemporary Philosophers on Emotions.* NY: Oxford University Press, 2004. P. 91-106.

72. *Goldman A. I.* Psychology and philosophical analysis // Proceedings of the Aristotelian Society. 1988. Vol. 89. P. 195-209.
73. *Goldman A. I.* What is justified belief? // Justification and knowledge. Dordrecht: Springer, 1979. P. 89-104.
74. *Goldman A.* In Defense of the Simulation Theory // Mind and Language. 1992. Vol. 7. P. 104-119.
75. *Goldman A.* Discrimination and Perceptual Knowledge // The Journal of Philosophy. 1973. P. 771–791.
76. *Graham D. L., Ritchie K. L.* Making a spectacle of yourself: The effect of glasses and sunglasses on face perception // Perception. 2019. Vol. 48. №6. P. 461-470. DOI: 10.1177/0301006619844680.
77. *Green J.* Somatic knowledge: The body as content and methodology in dance education // Journal of Dance Education. 2002. Vol. 2(4). P. 114-118.
78. *Hanna T.* Somatics: Reawakening the mind's control of movement, flexibility, and health. Cambridge: Da Capo Press, 2004. 184 p.
79. *Hardwig J.* Epistemic Dependence // The Journal of Philosophy. 1985. Vol. 82. №7. P. 335-349.
80. *Wheeler M.* Different Areas of Brain Respond to Belief, Disbelief // UC Newsroom, University of California at Los Angeles. 2007. 11 December. URL: <http://www.universityofcalifornia.edu/news/article/16988>
81. *Harris S., Sheth S. A., Cohen M. S.* Functional neuroimaging of belief, disbelief, and uncertainty // Annals of neurology. 2008. Vol. 63. №2. P. 141-147.
82. *Hartland-Swann J.* The logical status of 'Knowing That' // Analysis. 1956. Vol. 16. №5. P. 111-115.
83. *Heintz C., Taraborelli D.* Folk Epistemology. The Cognitive Bases of Epistemic Evaluation // Review of Philosophy and Psychology. 2010. Vol. 1. №4. P. 477-482.
84. *Hellström Å., Tekle J.* Person perception through facial photographs: Effects of glasses, hair, and beard on judgments of occupation and personal qualities // European Journal of Social Psychology. 1994. Vol. 24. №6. P. 693-705. DOI: 10.1002/ejsp.2420240606
85. *Hersh S.M.* The Iran Plans: Would President Bush Go to War to Stop Tehran from Getting the Bomb? // New Yorker (Online ed.). 17 April 2006. URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2006/04/17/the-iran-plans>
86. *Hirschman A.O.* The Passions and the Interests: Political Arguments for Capitalism Before Its Triumph. Princeton: Princeton University Press, 1977. 153 p.

87. *Hofer B. K.* Personal epistemology research: Implications for learning and teaching // *Educational Psychology Review*. 2001. Vol. 13. №4. P. 353-383.
88. *Hookway C.* James's Epistemology and the Will to Believe // *European Journal of Pragmatism and American Philosophy*. 2011. Vol. 3. №1. P. 30-38.
89. *Huemer M.* *Skepticism and the Veil of Perception*. Lanham: Rowman & Littlefield, 2001. 232 p. DOI: 10.1093/mind/111.444.866
90. *Hughes T. A., Sims A. C. P.* Folie à deux // *Troublesome Disguises: Undiagnosed Psychiatric Syndromes*. 1997. P. 168-194.
91. *Hymans J. E. C.* *The Psychology of Nuclear Proliferation: Identity, Emotions, and Foreign Policy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 286 p.
92. *Innerarity D.* *Democracy of Knowledge*. NY: Bloomsbury Publishing USA, 2013. 224 p.
93. *Innerarity D.* Making the black box society transparent // *AI & SOCIETY*. 2021. Vol. 3. P. 1-7.
94. *Innerarity D.* Well-informed ignorance // *Common Knowledge*. 2015. Vol. 21. №2. P. 184-189.
95. *James W.* *Pragmatism: A new name for old ways of thinking*. New York: Cambridge: Harvard University Press, 1907. 338 p.
96. *James W.* *The will to believe and other essays in popular philosophy*. New York: Cambridge: Harvard University Press, 1979. Vol. 6. 364 p.
97. *James W.* What Is an Emotion? // *Mind*. 1884. Vol. 9 (34). P. 188-205.
98. *Jervis R., Lebow R. N., Stein J. G.* *Psychology and Deterrence*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1985. 288 p.
99. *Jimoh A. K.* Reconstructing a Fractured Indigenous Knowledge System // *Synthesis philosophica*. 2018. Vol. 33. №1. P. 16
100. *Jones K.* Trust as an affective attitude // *Ethics*. 1996. Vol. 107. №1. P. 4-25.
101. *Kahneman D.* *Thinking, fast and slow*. New York: Macmillan, 2011. 499 p.
102. *Kaufman S. J.* *Modern Hatreds: The Symbolic Politics of Ethnic War*. Ithaca, New York: Cornell University Press, 2001. 280 p.
103. *Kelman H. C.* Nationalism, patriotism, and national identity: Social-psychological dimensions // *Patriotism in the Lives of Individuals and Nations*. Chicago: Nelson-Hall, 1997. P. 165-189.

104. *Kim J.* Psychophysical supervenience // *Philosophical studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*. 1982. Vol. 41. №1. P. 51-70.
105. *King-Casas B. et al.* Getting to know you: reputation and trust in a two-person economic exchange // *Science*. 2005. Vol. 308. №5718. P. 78-83.
106. *Kissine M., Klein O.* Models of communication, epistemic trust and epistemic vigilance // *Social cognition and communication*, 2013. P. 139-154.
107. *Kitchener R. F.* Personal epistemology and philosophical epistemology: The view of a philosopher // *Links between beliefs and cognitive flexibility*. Dordrecht: Springer, 2011. P. 79-103.
108. *Kitchener R.* Folk epistemology: An introduction // *New Ideas in Psychology*. 2002. Vol. 20. P. 89-105.
109. *Koenig M. A., Echols C. H.* Infants' understanding of false labeling events: The referential roles of words and the speakers who use them // *Cognition*, 2003. Vol. 87. P. 179–203.
110. *Kornienko D. V. et al.* The effectiveness of the pedagogical conditions for organizing the educational process using distance educational technologies at the university // *Journal of Physics: Conference Series*. 2020. Vol. 1691. №1. P. 012090.
111. *Kosfeld M. et al.* Oxytocin Increases Trust in Humans // *Nature*. 2005. Vol. 435 (7042). P. 673-76.
112. *Krathwohl D. R.* A revision of Bloom's taxonomy: An overview // *Theory into practice*. 2002. Vol. 41. №4. P. 212-218.
113. *Kuhfeld M.* Surprising new evidence on summer learning loss // *Phi Delta Kappan*. 2019. Vol. 101. №1. P. 25-29.
114. *Kunda Z.* The case for motivated reasoning // *Psychological bulletin*. 1990. Vol. 108. №3. P. 480-498. DOI: 10.1037/0033-2909.108.3.480
115. *Langdon R.* Folie à deux and its Lessons for Two-Factor Theorists // *Mind & language*. 2013. Vol. 28. №1. P. 72-82. DOI: 10.1111/mila.12009
116. *Lehrer K.* *Knowledge*. Oxford, Clarendon Press, 1974. 256 p.
117. *Loewer B.* Probability theory and epistemology // *Routledge Encyclopedia of Philosophy*. 1998. P. 6880-6885.
118. *Lundberg J. K., Sheehan E. P.* The effects of glasses and weight on perceptions of attractiveness and intelligence // *Journal of Social Behavior and Personality*. 1994. Vol. 9. №4. P. 753.
119. *Makarov S.I., Sevastyanova S.A.* Information Modeling of the Students' Residual Knowledge Level // *Digital Transformation*

of the Economy: Challenges, Trends and New Opportunities. *Advances in Intelligent Systems and Computing*. Vol. 908. New York: Springer, Cham, 2020. P. 502-509. DOI: 10.1007/978-3-030-11367-4_50

120. *Mandelbaum E.* Thinking is believing // *Inquiry*. 2014. Vol. 57. №1. P. 55-96.

121. *Marson D.* Conceptual models and guidelines for clinical assessment of financial capacity // *Archives of Clinical Neuropsychology*. 2016. Vol. 31. №6. P. 541-553.

122. *Marzano R. J. et al.* Dimensions of thinking: A framework for curriculum and instruction. Alexandria: The Association for Supervision and Curriculum Development, 1988. 162 p.

123. *Mascaro O., Sperber D.* The moral, epistemic, and mindreading components of children's vigilance towards deception // *Cognition*. Vol. 112. 2009. P. 367-380. DOI: 10.1016/j.cognition.2009.05.012

124. *Mayer B. O. et al.* Знание, навыки, компетенции: эпистемологический анализ // *Science for Education Today*. 2019. Vol. 9. №2. P. 67-79. DOI: 10.15293/2658-6762.1902.05

125. *Mayer R. E., Wittrock M. C.* Problem solving // *Handbook of educational psychology*. New York: Macmillan, 1996. P. 47-62.

126. *Mercer J.* Emotional beliefs // *International Organization*. 2010. Vol. 64. №1. P. 1-31.

127. *Mercer J.* Rationality and Psychology in International Politics // *International Organization*. 2005. Vol. 59 (1). P. 77-106.

128. *Meyers R. G.* Peirce on Cartesian doubt // *Transactions of the Charles S. Peirce Society*. 1967. P. 13-23.

129. *Mitrofanova Y. S. et al.* Modeling of residual knowledge estimation in smart university // *Smart Education and e-Learning 2020*. Singapore: Springer, 2020. P. 479-489.

130. *Motta M., Callaghan T., Sylvester S.* Knowing less but presuming more: Dunning-Kruger effects and the endorsement of anti-vaccine policy attitudes // *Social Science & Medicine*. 2018. Vol. 211. P. 274-281.

131. *Mounk Y.* The People vs. Democracy – Why Your Freedom is in Danger and How to Save It. Cambridge: Harvard University Press, 2018. 400 p.

132. *Munt S.* Argumentum ad misericordiam – the critical intimacies of victimhood // *Paragrafo: Revista Científica de Comunicação Social da FIAM-FAAM*. 2017. Vol. 5. №1. P. 37-50.

133. *Munt S. R.* Argumentum ad misericordiam: the cultural politics of victim media // *Feminist media studies*. 2017. Vol. 17. №5. P. 866-883.
134. *Nadarevic L., Erdfelder E.* Spinoza's error: Memory for truth and falsity // *Memory & cognition*. 2013. Vol. 41. №2. P. 176-186.
135. *Nevo D., Wand Y.* Organizational memory information systems: a transactive memory approach // *Decision support systems*. 2005. Vol. 39. №4. P. 549-562.
136. *Nickols F.* The knowledge in knowledge management // *The Knowledge Management Yearbook*. 2001. Vol. 12. P. 12-21.
137. *Norton J. D.* Ignorance and indifference // *Philosophy of Science*. 2008. Vol. 75. №1. P. 45-68.
138. *Nussbaum M. C.* *Upheavals of Thought: The Intelligence of Emotions*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 766 p.
139. *Öhman A., Wiens S.* The concept of an evolved fear module and cognitive theories of anxiety // *Feelings and emotions: The Amsterdam symposium*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2004. P. 58-80.
140. *Origgi G.* Epistemic injustice and epistemic trust // *Social Epistemology*. 2012. Vol. 26. №2. P. 221-235.
141. *Ortony A., Clore G.L., Collins A.* *The Cognitive Structure of Emotions*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 386 p.
142. *Paris S. G., Lipson M. Y., Wixson K. K.* Becoming a strategic reader. *Contemporary Educational Psychology*. Vol. 8. P. 293-316.
143. *Pea R. D.* Origins of verbal logic: Spontaneous denials by two- and three-year olds // *Journal of child language*, 1982. Vol. 9. P. 597–626.
144. *Phelps E.A.* Emotion and Cognition: Insights from Studies of the Human Amygdala // *Annual Review of Psychology*. 2006. V. 57. P. 27-53.
145. *Pierce C.S.* *Pragmatism and pragmaticism*. Cambridge: Harvard University Press, 1965. 944 p.
146. *Pinch T.* Tacit knowledge and realism and constructivism in the writings of Harry Collins // *Philosophia Scientiæ. Travaux d'histoire et de philosophie des sciences*. 2013. №17-3. P. 41-54.
147. *Pintrich P. R.* The role of metacognitive knowledge in learning, teaching, and assessing // *Theory into practice*. 2002. Vol. 41. №4. P. 219-225.
148. *Pollock J. L., Cruz J.* *Contemporary theories of knowledge*. Lanham: Rowman & Littlefield, 1999. 288 p.
149. *Pryor J.* The skeptic and the dogmatist // *Noûs*. 2000. Vol. 34. №4. P. 517-549.

150. *Pushkarev Y. V., Pushkareva E. A.* Fundamental knowledge in the continuous educational process: methodology and axiology of the problem // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin NSPU. 2016. Vol. 1. №29. P. 87-98. DOI: 10.15293/2226-3365.1601.08
151. *Quine W.V.* Ontological relativity and other essays. Columbia: Columbia University Press, 1969. 165 p.
152. *Quine W.V.* Quantifiers and propositional attitudes // The Journal of Philosophy. 1956. Vol. 53. №5. P. 177-187.
153. *Quine W.V.* Word and object. The MIT Press, 2013. 277 p.
154. *Rao R. P. N.* Decision making under uncertainty: a neural model based on partially observable markov decision processes // Frontiers in computational neuroscience. 2010. Vol. 4. P. 146. DOI: 10.3389/fncom.2010.00146
155. *Reid K.* Role of cooperative learning in comprehensive instruction // Journal of Reading, Writing, and Learning Disabilities International. 1988. Vol. 4. №4. P. 229-242.
156. *Reifman A. S., Larrick R. P., Fein S.* Temper and temperature on the diamond: The heat-aggression relationship in major league baseball // Personality and Social Psychology Bulletin. 1991. Vol. 17. №5. P. 580-585.
157. *Riggs W. D.* What are the “Chances” of Being Justified? // The Monist. 1998. Vol. 81. №3. P. 452-472.
158. *Rilling J. K. et al.* A neural basis for social cooperation // Neuron. 2002. Vol. 35. №2. P. 395-405.
159. *Roland J.* On "Knowing How" and "Knowing That" // The Philosophical Review. 1958. Vol. 67. №3 P. 379-388.
160. *Rupert Hall A.* The revolution in science 1500-1750. London: Routledge, 2014. 382 p.
161. *Russell B.* An Inquiry into Meaning and Truth. Crows Nest: George Allen & Unwin, 1941. 352 p.
162. *Sarwar G. S., Trumpower D. L.* Effects of conceptual, procedural, and declarative reflection on students’ structural knowledge in physics // Educational Technology Research and Development. 2015. Vol. 63. №2. P. 185-201.
163. *Schön D. A.* The reflective practitioner. Hampshire: Arena, 1995. 390 p.
164. *Searle J.* Minds, Brains and Programs // Behavioral and Brain Sciences. 1980. Vol. 3 (3). P. 417–457.

165. *Shafer G.* A mathematical theory of evidence. Princeton: Princeton university press, 1976. 297 p.
166. *Sharp H.M. et al.* Delusional phenomenology—dimensions of change // *Behaviour Research and Therapy*. 1996. Vol. 34. №2. P. 123-142. DOI: 10.1016/0005-7967(95)00059-3
167. *Shinwell J., Defeyter M. A.* Investigation of summer learning loss in the UK—implications for holiday club Provision // *Frontiers in public health*. 2017. Vol. 5. P. 270. DOI: 10.3389/fpubh.2017.00270
168. *Small W.* Ryle on the explanatory role of knowledge how // *Journal for the History of Analytical Philosophy*. 2017. Vol. 5. №5. P. 56-76. DOI: 10.15173/jhap.v5i5.3206
169. *Smart P. R.* The Web-Extended Mind // *Metaphilosophy*. 2012. Vol. 43. №4. P. 446-463. DOI: 10.1111/j.1467-9973.2012.01756.x
170. *Smith C.A., Lazarus R. S.* Appraisal Components, Core Relational Themes, and the Emotions // *Cognition and Emotion*. 1993. Vol. 1. №3-4. P. 233-269.
171. *Solomon R. C.* The Philosophy of Emotions // *Handbook of Emotions*. New York: Guilford Press, 2000. P. 3-15.
172. *Sparrow B., Liu J., Wenger D. M.* Google effects on memory: Cognitive consequences of having information at our fingertips // *Science*. 2011. Vol. 333. № 6043. P. 776-778. DOI: 10.1126/science.1207745
173. *Sperber D.* Intuitive and reflective beliefs // *Mind & Language*. 1997. Vol. 12. P. 67–83. DOI: 10.1111/1468-0017.00036
174. *Sternberg R.J.* Epilogue: What do we know about tacit knowledge // *Tacit knowledge in professional practice*. London: Lawrence Erlbaum Associates. 1999. P. 231–236.
175. *Sternberg R. J. et al.* The ALL practical cognition framework // *International Adult Literacy Survey: Measuring Adult Literacy and Life Skills: New Frameworks for Assessment*. Ottawa: Minister of Industry, 2005. 408 p.
176. *Stickney J.* Wittgenstein's Relevance to Philosophy of Education: personal reflections on meaningful uses of post-foundationalism // *Educação & Realidade*. 2020. Vol. 45. №3. e106759. DOI: 10.1590/2175-6236106759
177. *Stiegler B.* The age of disruption: Technology and madness in computational capitalism. Medford, MA: Polity Press, 2019. 380 p.
178. *Stine G.* Skepticism, Relevant Alternatives, and Deductive Closure // *Epistemology: An Anthology*. 2008. P. 251.

179. *Stirrat M., Perrett D.I.* Valid Facial Cues to Cooperation and Trust: Male Facial Width and Trustworthiness // *Psychological Science*. 2010. Vol. 21(3). P. 349-354. DOI:10.1177/0956797610362647
180. *Švec Vol. et al.* Becoming a teacher: The dance between tacit and explicit knowledge. Brno: MUNIPress, 2017. 356 p.
181. *Unger P.* Philosophical relativity. Oxford: Oxford University Press, 2002. 133 p.
182. *Van Woudenberg R.* Ignorance and force: Two excusing conditions for false beliefs // *American Philosophical Quarterly*. 2009. Vol. 46. №4. P. 373-386.
183. *Verdejo-Garcia A. et al.* Decision-making and the Iowa Gambling Task: Ecological validity in individuals with substance dependence // *Psychologica Belgica*. 2006. Vol. 46. №. 1-2. P. 55-78. DOI: 10.5334/pb-46-1-2-55
184. *Volkan V. D.* The need to have enemies and allies: A developmental approach // *Political Psychology*. 1985. Vol. 6(2). P. 219-247.
185. *Ward A.F.* One with the Cloud: Why People Mistake the Internet's Knowledge for Their Own. Cambridge: Harvard University, 2013. 112 p.
186. *Warner K., Tranel D., Asp E.* The Henchman's Brain: Neuropsychological Implications of Authoritarianism and Prejudice // *Neuroimaging Personality, Social Cognition, and Character*. Academic Press, 2016. P. 325-335. DOI: 10.1016/B978-0-12-800935-2.00017-8
187. *Weinert F.* Copernicus, Darwin, and Freud: Revolutions in the history and philosophy of science. John Wiley & Sons, 2009. 296 p.
188. *Wenger D. M., Erber R., Raymond P.* Transactive memory in close relationships // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1991. Vol. 61. №6. P. 923-929.
189. *Williamson T.* Knowledge and Its Limits. Oxford: Oxford University Press, 2002. 352 p.
190. *Wilson R.C., Takahashi Y.K., Schoenbaum G., Niv Y.* Orbitofrontal cortex as a cognitive map of task space // *Neuron*. 2014. Vol. 81. №2. P. 267-279.
191. *Wimmer H., Perner J.* Beliefs about beliefs: Representation and constraining function of wrong beliefs in young children's understanding of deception // *Cognition*. 1983. Vol. 13. №1. P. 41-68.
192. *Wood K.D.* The Study Guide: A Strategy Review // 33d Annual Meeting of the College Reading Association. November 3-5, Philadelphia. 1989. 16 p.

193. *Woodside J. M.* Assessing Learning Loss // Society for Information Technology & Teacher Education International Conference. – Association for the Advancement of Computing in Education (AACE), 2021. P. 986-990.
194. *Wright T.* William Harvey – A Life in Circulation. New York: Oxford University Press, 2012. 288 p.
195. *Wuryaningrum R., Bektiarso S., Suyitno I.* The Effects of Knowledge-Transforming Text on Elementary Students' Declarative, Procedural Knowledge, and Motivation in Environmental Learning // International Journal of Instruction. 2020. Vol. 13. №1. P. 567-586.
196. *Yudkowsky E.* Rationality: From AI to Zombies. Berkeley: Machine Intelligence Research Institute, 2015. 1813 p.
197. *Zack M. H.* Developing a knowledge strategy // California management review. 1999. Vol. 41. №3. P. 125-145.
198. *Zajonc R. B.* Feeling and Thinking: Preferences Need No Inferences // American Psychologist. 1980. Vol. 35 (2). P. 151-175.
199. *Zhao Y.* Build back better: Avoid the learning loss trap // Prospects. 2021. P. 1-5.
200. *Аристотель.* Вторая аналитика / Аналитики первая и вторая. М: Государственное издательство политической литературы, 1952. 437 с.
201. *Аристотель.* Риторика // Риторика. Поэтика. М.: Лабиринт, 2000. 224 с.
202. *Виненко В. Г.* Общие основы педагогики. М.: Дашков и К, 2008. 297 с.
203. *Винник Д. В.* Сознание за пределами мозга истоки аргументации радикального экстернализма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2010. №2 (10). С. 125-136.
204. *Витгенштейн Л.* Философские исследования. М.: Издательство АСТ, 2018. 352 с.
205. *Гирко Л. В.* Образ знания в современном обществе // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал. 2009. №2. С. 37-47.
206. *Дорожкин А.М.* Модели трансляции знания // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2004. № 1(3). P. 409-414. P. 412

207. *Каримов А. Р.* Контекстуализм, скептицизм, прагматика // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 6-2. С. 71-76.
208. *Касавин И. Т.* Наука и иные типы знания: позиция эпистемолога // Эпистемология и философия науки. 2005. Т. 4. №2. С. 5-16.
209. *Князева Е.Н.* Энактивизм: концептуальный поворот в эпистемологии // Вопросы философии. 2013. № 10. С. 91-104.
210. *Левин Р. М.* Коллективное сознание и десубстантивация ментального // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. 2015. Т. 18. С. 142-156.
211. *Левин Р.* Расширенное сознание и каузальный статус деятелей // Логос. 2017. Т. 26. №5. С. 227-242.
212. *Лейбниц Г. В.* Новые опыты о человеческом разумении. М.: Мысль, 1983. 686 с.
213. *Матисов Р. К.* Проблема контекста // Язык, знание, социум: проблемы социальной эпистемологии. М.: ИФ РАН. 2007. С. 75-93.
214. *Мур Д. Э.* Доказательство внешнего мира // Аналитическая философия: избранные тексты. М.: Изд-во МГУ. 1993. С. 66-83.
215. *Платон.* Диалоги. М.: Мысль, 1986. 607 с.
216. *Полани М.* Личностное знание: на пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985. 344 с.
217. Пробабализм // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. Под ред. И.Т. Касавина. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2009. 1248 с.
218. *Пушкарёв Ю. В., Пушкарёва Е. А.* Виртуализация социальной коммуникации в образовании: ценностные основания информационного развития (обзор) // Science for Education Today. 2020. Т. 10. №2. С. 73-90. DOI: 10.15293/2658-6762.2002.05
219. *Райл Г.* Понятие сознания. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. 408 с.
220. *Декарт Р.* Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках. Перевод на русский язык Г. Г. Слюсарева и А. П. Юшкевича. // Сочинения в 2 Т. Т. 2. М.: «Мысль», 1994. 640 с.
221. *Руссо Ж.-Ж.* Замечания Ж.-Ж. Руссо, гражданина Женевы, по поводу ответа на его Рассуждение / Педагогические сочинения: В 2-х томах.

Т. 2. Под ред. Г. Н. Джигладзе; сост. А. Н. Джуринский. М.: Педагогика, 1981. 336 с.

222. *Серль Дж. Р.* Сознание, мозг и программы // Аналитическая философия: Становление и развитие: Антология / Общ. ред. и сост. А.Ф. Грязнов. М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. 528 с.

223. *Степин В. Р.* Философия науки. Общие проблемы. М.: Гардарики, 2006. 384 с.

224. *Хан Б.-Ч.* Прозрачное общество. М.: Логос, 2014. 60 с.

Авторы

Голубинская Анастасия Валерьевна,
кандидат философских наук,
научный сотрудник лаборатории
киберпсихологии Университета
Лобачевского.

Демарева Валерия Алексеевна,
кандидат психологических наук,
заведующая лабораторией
Киберпсихологии университета
Лобачевского

Механизмы смены эпистемических состояний: философско-психологическое исследование

Монография

Голубинская А.В., Демарева В.А.

Компьютерная верстка: Хусяинов Т.М.

Тексты печатаются в литературной редакции авторов.

Подписано к использованию 15.12.2021

Формат: PDF/A. Усл. печ. л. 6,3.

Объем данных – 2,1 Мбайт.

Издательство «Русское общество истории и философии науки»

105062, Россия, Москва, Лялин пер., д. 1/36, стр. 2, комн. 2.

E-mail: info@rshps.ru

Официальный сайт издательства: www.rshps.ru

ISBN 978-5-6047228-4-8

9 785604 722848